

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 4(70), № 2

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»
является историческим правопреемником журнала «Известия Таврического
университета», который издается с 1919 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2018

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского, протокол № 10 от 23 ноября 2017 г.

Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

Непомнящий Андрей Анатольевич – заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора, – главный редактор;

Близняков Роман Александрович – доцент кафедры истории России исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», заместитель декана исторического факультета по научной работе, кандидат исторических наук – ответственный секретарь;

Аксенова Галина Владимировна – профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Москва);

Борщик Наталья Дмитриевна – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Герцен Александр Германович – декан исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцента (г. Симферополь);

Кондратюк Григорий Николаевич – профессор кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Кравцова Елена Сергеевна – профессор кафедры философии, директор Музея истории университета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Курск);

Крамаровский Марк Григорьевич – ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Науменко Валерий Евгеньевич – доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук (г. Симферополь);

Майко Вадим Владиславович – директор ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Мосейкина Марина Николаевна – профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Москва);

Петрова Элеонора Борисовна – профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Платонова Надежда Игоревна – ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Романько Олег Валентинович – профессор кафедры истории России исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Симферополь);

Степаненко Валерий Павлович – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Екатеринбург);

Тихонов Игорь Львович – заведующий Музеем истории Санкт-Петербургского университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Санкт-Петербург);

Тункина Ирина Владимировна – ведущий научный сотрудник, директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Хлезов Александр Алексеевич – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор философских наук, имеющий ученое звание профессора (г. Симферополь);

Храунов Игорь Николаевич – профессор кафедры древнего мира и средних веков исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Симферополь);

Шевелев Сергей Стефанович – заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Симферополь).

Подписано в печать 07.06.2018. Формат 70x100 1/16. Заказ № НП/192. Тираж 50. Усл. печ. л. 13,7. Бесплатно.

Дата выхода в свет 30.08.2018.

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

<http://sn-histor.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2017 г.

УДК 94(47+57)

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ УКРАИНЫ XX ВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1990–2010-Е ГГ.)

Безугольный А. Ю.

*Научно-исследовательский институт военной истории
Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва)
E-mail: besu111@yandex.ru*

Проанализированы новейшие украинские исследования проблем военной истории Украины XX в. Особое внимание уделено взглядам украинских историков на события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Украина, пострадавшая от нацизма не меньше, чем Россия, напряженно рефлексировала на тему войны. Как и российское общество, украинское ищет и находит в ней важные вехи своей идентичности, однако они кардинально отличаются от российских и даже прямо противоположны им. Исследованы причины и тенденции пересмотра традиционных концепций военной истории украинского народа XX в. в рамках единого государства (Российской империи, СССР). Показаны усилия украинского исторического сообщества по поиску национальных корней *вне* российского/советского имперского контекста. Несмотря на очевидный синкретизм военной истории украинского и русского народов, прошедших все войны плечом к плечу и всегда составлявших ядро и Русской императорской, и Советской армий, украинские историки находят те исторические моменты, когда украинцы мнимо или на деле шли своим собственным путем в военном строительстве. Получается лоскутная картина, которая, тем не менее, встречается в современной украинской литературе слишком часто, чтобы считать ее маргинальной. При определенной вариативности тематики неизменными и ключевыми ее элементами являются: военное строительство украинских государственных образований периода 1917–1920 гг., военная организация Карпатской Украины и история вооруженных формирований ОУН–УПА в годы Второй мировой войны. В перечисленном, на первый взгляд, случайном наборе разновеликих исторических эпизодов красной нитью проходит одна ключевая мысль: каждый из них, так или иначе, трактуется как шаг в направлении строительства вооруженных сил *независимого* украинского государства. Тем самым конструируется искомая *историческая традиция* современных вооруженных сил Украины. Рассмотренный историографический материал убедительно показывает, что историческое прошлое нередко ставится на службу современным политическим задачам и из него выбирается то, что для решения этих задач наилучшим образом подходит. Современная украинская историография являет собой не единственный, но один из наиболее ярких примеров этого.

Ключевые слова: историография, национальные формирования РККА, национальная политика на Украине, военное строительство на Украине, Великая Отечественная война, мобилизация.

В странах, входивших прежде в состав Советского Союза, тематику исследований в области военной истории новейшего времени диктуют актуальные задачи политической и этнонациональной самоидентификации. Россия здесь не является исключением, однако в этой статье речь пойдет о ее соседях. Как отмечает один из ведущих отечественных этнологов академик В. А. Тишков, «конструирование прошлого», создание «версии прошлой жизни, которая ведет к современности... на основании выборочной организации прошлых событий», является важнейшим фактором современной этнической и национальной самоидентификации [1, с. 498–499].

Отношение к своему советскому прошлому в значительной степени обуславливается как сегодняшним внутривосточным положением в этих странах, так и их взаимоотношениями с Россией как наследником Советского Союза. За редкими исключениями научная проблематика в военно-исторической сфере существенно отличается от российской, и эта трансформация в осмыслении совместной военной истории продолжается под воздействием новейших политических потрясений, таких например, как события 2014–2015 гг. на Украине. Переоценке подлежит еще совсем недавнее в историческом масштабе прошлое, актуализированное в бесчисленном нарративе уходящих поколений об их общем боевом прошлом. И это создает дополнительную этическую и политическую нагрузку историческим исследованиям.

Утверждение о том, что совместная советская военная история находится в центре внимания историков постсоветского пространства, чьими усилиями вырабатывается новое национальное самосознание, было бы большим преувеличением. Напротив, они увлечены поисками своих корней *вне* российского/советского имперского контекста. Как правило, самую плодотворную почву в этом плане дает краткий период государственной независимости между распадом Российской империи и становлением единого советского государства на рубеже 1910-х и 1920-х гг.

В то же время некоторые темы и исторические периоды вызывают интерес историков постсоветского пространства. В отношении межвоенного периода – это прежде всего опыт национального военного строительства на территориях союзных республик, широко развернутого в 1920–1930-х гг., а в 1940-е гг., разумеется, главное внимание обращено осмыслению (и переосмыслению) участия народов СССР в событиях Великой Отечественной войны. Последнее событие вообще служит своего рода камертоном настроений национальных исторических сообществ. В ряде стран это отношение почти не изменилось или даже осталось по-советски догматичным (Белоруссия, а также в значительной степени – Армения, Казахстан, Киргизия), в других же, напротив, переосмысливается в том смысле, что государствообразующий этнос стал жертвой злодеяний сразу двух тоталитарных режимов: и нацистского, и советского (Украина, Грузия, страны Прибалтики). Участие представителей титульного этноса в вооруженной борьбе против нацистов в рядах Красной армии во втором случае трактуется как результат принуждения одной из деспотий, вызывает стремление отмежеваться от советского режима и от его институтов. «Народ не тождественен сталинизму. Не сталинский режим защищали украинцы, а себя, свою землю, свою Отчизну», – отмечается в одной из работ [2, с. 50]. Позиция жертвы большой игры великих держав оправдывает и всевозможные коллаборации «малого» этноса с разными сторонами конфликта, трактуемые как морально приемлемые стратегии выживания нации в условиях тоталитарного гнета. Такому подходу органичен страдательный настрой и пристальное внимание цене победы, которую пришлось заплатить представителям данного этноса на войне, которая на большей части постсоветского пространства понимается как чужая, навязанная. Особенно сильны такие настроения на Украине.

Украина, пострадавшая от нацизма не меньше, чем Россия, напряженно рефлексировала на тему войны. Как и российское общество, украинское ищет и находит в ее истории важные вехи своей идентичности. Украинская академическая историография разделяет второй из описанных модусов отношения к войне, стараясь примирить в рамках единой историографической традиции всех украинцев, участвовавших в вооруженной борьбе (красноармейцев, красных партизан, бойцов УПА). «Аксиоматической, по нашему мнению, – отмечалось в одном из ведущих академических журналов, – является необходимость примирения тех, кто реально противостоял друг другу в 1939–1945 гг., чествовать всех, кто бился за свой народ против фашистских полчищ, кто боролся за свободную Украину [2, с. 42]. «Примириются» между собой, прежде всего, украинские националисты («Организация украинских националистов» [ОУН] и его вооруженное крыло – «Украинская повстанческая армия» [УПА]), получившие официальную дефиницию «борцы за независимость» (и ореол героев и мучеников), и украинцы, воевавшие в составе РККА и в советских партизанских отрядах (они понимаются скорее уже не как герои-освободители своей земли, а безвольные и безгласые винтики советской военной машины). Не остаются без внимания и украинцы, прямо служившие в коллаборационистских формированиях, например, в дивизии СС «Галичина». На них также распространяется примирительная риторика, хотя и в меньшей степени, чем к перечисленным выше категориям. Следует отметить: не только Вторая, но и Первая мировая война разделила украинцев, сотни тысяч которых воевали по обе стороны фронта. По отношению к ним также применяется «примирительный» метод, объясняющий, что «основной причиной братоубийственной войны» для украинцев стало «отсутствие собственного государства» [3, с. 9].

До недавних пор наряду с изучением деятельности националистов на западе Украины историки не отказывались от традиционных взглядов по вопросам периодизации Великой Отечественной войны и подходов к ее изучению [4; 5; 6]. В академических исторических журналах и альманахах («Украинский исторический журнал», «Архивы Украины», «Украинский исторический сборник», «Страницы военной истории», «Украинское краеведение») нередко выходили статьи с разборами операций советских войск на территории Украины в 1941 и 1943–1944 гг., давались оценки оккупационной политике нацизма и понесенным Украиной в результате войны потерями. И если в научно-популярной литературе и исторической публицистике националистический поворот в сторону «украинства» как независимого от России цивилизационного пути произошел давно, то в академических публикациях достаточно традиционный взгляд на историю Великой Отечественной войны мирно сосуществовал с изучением «национально-освободительного движения», т. е. движения западноукраинских националистов.

В последние годы в связи с известными событиями, повлекшим полный политический и культурно-ментальный разрыв с Россией, многократно усилилось стремление оформить «развод» совместного исторического пути, который в случае с историей Великой Отечественной войны казался незыблемо синкретичным. До недавних пор своего рода оплотом традиционного подхода к научному изучению событий Великой Отечественной войны и участия украинцев в вооруженной борьбе

в составе РККА оставался главный военный музей страны – Мемориальный комплекс «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». Однако 16 июля 2015 г. он сменил курс в связи с принятием закона о декоммунизации и был переименован в Музей истории Украины и Второй мировой войны.

В настоящее время термин «Великая Отечественная война» вовсе выведен из официального и научного оборота, и это, очевидно, означает, что по крайней мере на современном историческом этапе полный отрыв от некогда единой с российской историографией традиции изучения событий 1939–1945 гг. завершен.

Таковы, на наш взгляд, общие тенденции развития украинской военной историографии. Что же представляют собой содержательно основные проблемы, интересующие украинских военных историков? В рамках монографий, диссертационных исследований, статей украинской исторической наукой как решаются отдельные частные вопросы, так и предлагаются общие концепции военной истории Украины в целом.

Строительство национальных воинских частей в межвоенный период в союзных республиках СССР и некоторых автономиях РСФСР велось в рамках государственной политики коренизации, расцвет которой пришелся на первую половину 1920-х – начало 1930-х гг. Коренизация включала в себя комплексные политические, социальные, культурные, языковые преференции местному коренному населению (отсюда специфические неологизмы – «украинизация», «белорусизация», «тюркизация» и т. п.) перед считавшимися пришлыми, некоренными этносами – прежде всего, русскими. В военном строительстве коренизация реализовывалась в формировании национальных воинских частей, в которых язык командования и обучения был украинским.

В украинской академической литературе, вышедшей до 2014 г., политике коренизации на Украине давалась в целом положительная оценка. Как отмечалось в одной из обобщающих работ по истории Украины, «если в других национальных республиках коренизация так и осталась аппаратной кампанией, то в Украине она приобрела многие признаки мощного национального возрождения» [7, с. 606]. В работе Института истории Национальной академии наук Украины «Украинизация 1920–30-х гг.: Предпосылки, достижения, уроки» отмечается, что «за десять лет «украинизации» (1923–1933) украинцы превратились в структурно полноценную, дружную и консолидированную нацию – то есть, обрели все те характеристики, которых им так не хватало во время революции 1917–1920 гг.» [8, с. 188].

Реализации политики коренизации в военной сфере на Украине также уделяется внимание. В обобщающей работе «История украинского войска» рассмотрены вопросы украинизации частей Украинского военного округа (УВО) в середине 1920-х гг., особенности языковой политики и партийно-политической работы в войсках, подлежавших украинизации [9, с. 230–282]. Авторы справедливо рассматривают украинизацию частей РККА в УССР в контексте политических процессов на Украине, когда апологеты коренизации в регионе (прежде всего нарком юстиции и генеральный прокурор УССР Н. А. Скрипник) пытались использовать их для реализации модели украинского «национал-коммунизма»

[9, с. 318–331]. История украинских частей РККА показана на фоне общей картины публичной и негласной политической борьбы между сторонниками углубления украинизации и т. н. «великодержавниками», чьи позиции с конца 1920-х гг. неуклонно усиливались [9, с. 331].

Отмечаются и негативные аспекты национального военного строительства, связанные с межнациональной напряженностью в ходе украинизации частей Красной армии в 1920-х гг. [9, с. 299–305]. Принятый пятилетней программой национальных формирований объем украинских частей не охватывал значительной части призывного контингента с Украины [9, с. 154]. Последовавшее в 1930-х гг. расформирование всех без исключения национальных частей РККА (в случае с Украиной оно произошло уже в начале десятилетия) трактуется в узко-конспирологическом контексте: Сталин-де «хорошо осознавал, что существование республиканских военных формирований будет постоянно питать национальную идею, поддерживать веру и стремление народа к реальной независимости» [10, с. 113]. Более широко на проблему смотрят авторы труда об украинизации: по их мнению, сворачивание национального военного строительства, в частности на Украине, начавшееся фактически уже в 1931 г., было вызвано общим осложнением политической обстановки в республике в связи с форсированием колхозного строительства и голодомором, значительно ухудшившими морально-политический климат в республике и вызвавшими брожение в украинских воинских частях [8, с. 163].

По теме украинизации воинских частей в межвоенный период защищено несколько диссертаций [11; 12]. В работе Л. В. Гриневич отмечается положительный аспект украинизации в военном деле, связанный с повышением статуса национального языка и позитивным влиянием на формирование национальной идентичности украинцев [11, с. 23]. В то же время автор чрезмерно демонизирует высшее руководство страны, которое якобы всячески ограничивало национальное военное строительство в СССР [11, с. 23], что не подтверждается документальным материалом. Действительно имевшие место многочисленные задержки в развитии нацформирований были вызваны, прежде всего, нехваткой средств, национальных командных кадров и неподготовленностью воинского учета населения в национальных регионах СССР [13, с. 35–42; 14, с. 58–70].

Среди вопросов истории Великой Отечественной войны, интересующих украинских историков, выделяются проблемы мобилизаций местного населения в ряды РККА в 1943–1944 гг. и роста удельного веса украинцев в частях Красной армии в этот период. Правда, этим исследованиям недостает конкретного цифрового материала, а иногда сноски на статистические выкладки просто отсутствуют [15, с. 117]. В кандидатской диссертации В. А. Гриневича отмечается перманентная неустойчивость национального состава действующей армии в связи с непрерывным потоком пополнений в них из различных республик. Также справедливо подчеркивается, что с начала 1944 г. пополнения из Западной Украины стали большой проблемой для комплектовующих органов РККА, причем сложность представляла как сама мобилизация, так и дальнейшее использование этой категории военнослужащих в бою [16, с. 10–11]. В коллективной монографии,

посвященной военному строительству на Украине, сделаны интересные наблюдения об изменениях численности военнослужащих в последний период Великой Отечественной войны в 1944–1945 гг., на что прежде редко обращалось внимание историков. По подсчетам авторов, в ряде армий 1, 2, 3-го Украинских фронтов число украинцев в это время значительно превышало число русских и достигало 50–80 % [17, с. 196]. Например, в 4-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта к весне 1944 г. насчитывалось 57 % украинцев, 35 % русских, 0,8 % белорусов, 1,3 % татар, 1,5 % евреев, 1,4 % представителей республик Закавказья, 1,7 % представителей Средней Азии и 1,3 % представителей других народов [17, с. 196]. Отмечается, что к концу войны, по мере того, как иссякали мобилизационные возможности освобождаемых территорий УССР, удельный вес украинцев в частях действующей армии вновь упал и не превышал 20–25 % [9, с. 345]. Эти утверждения можно признать справедливыми, хотя они и опираются только на отрывочные статистические сведения. Недавно обнаруженные автором данной статьи в Центральном архиве Министерства обороны РФ документы Организационно-учетного управления Главного организационного управления Генерального штаба РККА подтверждают, что этнический состав РККА существенно колебался в различные периоды войны и на различных фронтах и удельный вес украинцев в составе войск перечисленных фронтов действительно резко вырос. В середине 1944 г. общее число украинцев в составе РККА достигало 2,56 млн чел. Это был второй по абсолютной численности и удельному весу этнос в рядах РККА после русских.

В последние годы в украинской историографии развивается тема советских войсковых мобилизаций на территории республики в 1943–1944 гг.. В кандидатской диссертации [18] и статьях [19, с. 103–112; 20, с. 74–78; 21, с. 129–139] Л. Рыбченко (ныне – заместитель директора Национального музея Украины), статьях О. Е. Лисенко [22, с. 19–42], Л. Легасовой, Н. Шевченко [23, с. 20–31] представлены результаты анализа специфического типа источников, еще не исследованного в России. В 2000-е гг. распоряжением правительства Украины в данный музей из областных военкоматов были переданы все дела (свыше 9 тыс. единиц хранения [22, с. 20]) военкоматов с уведомлениями граждан из воинских частей о безвозвратных потерях (в просторечье – похоронках). Записи о похоронках, содержащие сведения о дате и месте призыва гражданина, а также дате и месте гибели и захоронения вносились в специальные книги, которые и стали сейчас предметом изучения. Проведя содержательный и количественный анализ документов одного из районов Киевской области (Обуховского), автор делает ряд наблюдений о масштабах и методах мобилизаций, степени военной выучки мобилизованных украинцев, сроках отправления их на фронт и приходит к выводу о том, что нередко «только что мобилизованные жители освобожденных украинских сел сразу попадали в бой». Часть из них гибла в первом же бою недалеко от родных мест и даже захоранивалась родственниками. К тому же выяснилось, что подавляющая часть местных жителей не бралась на воинский учет [21, с. 133]. В то же время автор соглашается, что такая практика, судя по всему, была повсеместной, а не велась целенаправленно только в отношении украинского населения, поскольку

она осуществлялась в порядке выполнения директивы Ставки ВГК № 089 изданной еще 2 февраля 1942 г., задолго до освобождения Украины. Данная директива разрешала военным советам армий в ходе наступления пополнять свои ряды упрощенным порядком, вне установленной процедуры призыва военкоматами.

Вопрос о мобилизациях – часть большой темы украинской историографии о цене участия украинского народа в войне. Ответственность за заплаченные жизни украинцев как бы раскладывается между гитлеровским и сталинским режимами. По данным, озвученным в 2015 г. доктором исторических наук О. Е. Лисенко, эти данные колеблются в широких рамках от 1,7 до 4,1 млн чел. [24, с. 561]. Общие демографические потери народа Украины (т. е. потери военнослужащих, мирного населения и показатели, связанные со снижением рождаемости) оцениваются на современной Украине в 13,5–14,5 млн чел. [22, с. 21].

В 2000-е и 2010-е гг. в ответ на запрос радикализирующегося общества, магистральный путь украинской военной историографии все более смещается к периодам истории полной или частичной государственной независимости украинских земель. В XX в., несмотря на очевидный синкретизм военной истории украинского и русского народов, прошедших все войны плечом к плечу и составлявших ядро и Русской императорской, и Советской армий, украинские историки находят те исторические моменты, когда украинцы мнимо или на деле шли своим отдельным путем в военном строительстве. Получается довольно лоскутная картина, которая, однако, встречается слишком часто, чтобы считать ее маргинальной. Ее можно встретить не только в научно-популярных [25], но и в академических изданиях [26], вузовских учебниках по современной истории Украины [7] и программах спецкурсов по военной истории [3]. Итак, к важнейшим вехам украинской военной истории сейчас относят: «украинские войсковые формирования в годы Первой мировой войны» (здесь имеются в виду украинцы в составе австро-венгерских войск), «украинизация частей русской армии в 1917 г.»; далее следует большой блок, охватывающий военное строительство в период независимых государственных формирований в период в 1917–1920 гг., именуемое «борьбой украинских Вооруженных сил за украинскую государственность на протяжении национально-освободительной борьбы украинского народа 1917–1920 гг.» (армия гетмана П. Скоропадского, Украинская народная республика, Украинская Галицкая армия); украинизация частей РККА в СССР в 1920–1930-е гг.; вооруженные силы Карпатской Украины в 1938–1939 гг., история Украинской повстанческой армии и «история Народного комиссариата обороны СССР 1944–1945 гг.». При определенной вариативности тематики неизменными и ключевыми остаются: военное строительство независимых украинских государственных образований периода 1917–1920 гг. (различным ее аспектам посвящены десятки работ), военная организация Карпатской Украины и история вооруженных формирований ОУН-УПА. В перечисленном, на первый взгляд, случайном наборе разновеликих исторических эпизодов красной нитью проходит ключевая мысль: каждый из них так или иначе трактуется как движение в направлении строительства независимых вооруженных сил, даже если это движение было изначально формальным (как с учреждением в 1944 г. украинского наркомата обороны, о

котором речь пойдет ниже). И напротив, логика этой концепции позволяет пренебречь участием миллионов украинцев в вооруженной борьбе против нацизма в рядах РККА. Порой целые монографии, посвященные истории вооруженных сил Украины XX в., обходятся даже без упоминания этого. Например, в последнем большом издании в 2016 г. «Истории украинского войска», подготовленной сотрудниками исторического факультета Киевского национального университета им. Т. Шевченко, повествование неожиданно обрывается 1921 годом, а возобновляется вновь только на формировании войск Карпатской Украины в конце 1930-х гг., а затем – националистической организации ОУН в период Второй мировой войны [26]. Таким же образом построена монография А. Папикяна «Вооруженные силы Украины двадцатого столетия» [27]. В тех же работах, где боевые действия не территории Украины в 1941 и 1943–1944 гг. все же рассматриваются, это делается подчеркнуто отстраненно: две огромные армии схлестнулись в сражении за богатую украинскую землю.

Наиболее характерный пример представляет серия книг «История без цензуры» крупнейшего украинского издательства «Клуб семейного досуга», в которой вышли коллективные монографии «Поле битвы Украина» [25] «От Рейхстага до Иводзимы» [28], и другие, которые готовят специалисты Института истории Украины НАН и Института национальной памяти, а также Киевского национального университета им. Т. Шевченко. Книги выходят в популярном формате, без научно-справочного аппарата, однако проходят все научные процедуры, рецензируются и рекомендуются к изданию ученым советом исторического факультета университета и, таким образом, могут считаться выражением взглядов современного научно-исторического сообщества Украины. В книге «Поле битвы Украина» в главе о Второй мировой войне не нашлось места участию украинцев в боях на советско-германском фронте в составе РККА. Зато утверждается, что Вторую мировую войну открыла так называемая Карпатская Украина – самопровозглашенное государство, появившееся в середине марта 1939 г. и просуществовавшее лишь несколько дней. Ее вооруженные силы, как указывается в книге, насчитывали не более 2 тыс. чел., из которых не более 300–400 чел. были обмундированы [25, с. 297]. Отдельные подпункты главы посвящены боям войск Карпатской Украины («сечевиков») – бою на Красном поле, которую авторы называют «решающей битвой». Со стороны Карпатской сечи в «битве» приняло участие три сотни бойцов, вооруженных легким оружием... Общие потери украинцев в боях составили около 1 тыс. чел. [25, с. 299]. Из описанных событий делается важные выводы: «Таким образом, – отмечают авторы книги, – первая попытка украинцев восстановить независимость и вернуть Украину на карту Европы как субъект международной политики провалилась» [25, с. 300]. Затем войну продолжили 120 тыс. украинцев из числа граждан Польши, призванных в сентябре в польскую армию [25, с. 305]. Есть описание приграничного сражения 1941 г. и оккупации Украины. Освещены бои УПА с НКВД в 1944 (бой под Гурбами), участие 250 тыс. украинцев в коллаборационистских формированиях на стороне антигитлеровской коалиции. Нет только украинцев из Красной армии. Вторая упомянутая выше книга «От Рейхстага до Иводзимы» структурирована

аналогичным образом, а само название подталкивает читателя к мысли о том, что украинцы различных гражданств и места жительства отличились решительно на всех фронтах Второй мировой войны.

Еще один характерный пример – многократно переиздававшийся учебник для вузов «История Украины» [7, с. 658–700] известного политика, доктора исторических наук В. М. Литвина. Участию Украины во Второй мировой войне в нем уделена одна глава, но вся она рассказывает о борьбе с немецкими оккупантами повстанцев ОУН и УПА.

Редкая работа, публикуемая на Украине обходит стороной тему так называемого «выхода Украины на международную арену» в 1944 г., когда Верховный Совет СССР 1 февраля 1944 г. неожиданно принял конституционный закон об образовании в союзных республиках СССР наркоматов обороны и наркоматов иностранных дел [15, с. 314–320]. В советской, да и российской историографии кардинальные конституционные изменения не получили никакого отражения в изданиях по истории союзных республик; наверное, потому, что реальные их исторические последствия были ничтожны. Борясь за максимальное представительство в формируемом для послевоенного международного органа (ООН), советское руководство выдвинуло на внешнеполитическую арену сразу все 15 союзных республик СССР, наделив их формально самостоятельной оборонной и внешнеполитической функциями. В дальнейшем проблема для Советского Союза была решения путем учреждения Совета Безопасности ООН и наделением его членом правом вето. Комбинация с 15 республиками СССР оказалась не нужна, хотя в ООН удалось продвинуть Украину и Белоруссию. Формально в этих республиках еще много лет, вплоть до 1977 г. (!) [10, с. 113] продолжали действовать самостоятельные наркоматы (министерства) обороны, дав почву для еще одного историографического мифа.

На Украине этот неожиданный политический маневр комментируют многие авторы. Появляются отдельные исследования на эту тему [10, с. 109–114; 29, с. 29–35]. Внимание сугубо формальному шагу сталинского руководства, оказавшемуся холостым выстрелом на дипломатическом фронте (и это признается украинскими авторами [10, с. 113–114; 7, с. 695]), объясняется не пристрастием к деталям, а сугубо практическим интересом к правовой коллизии: в 1945 г. Украина наряду с Белоруссией все же была признана субъектом международного права и участвовала в подписании Статута ООН, оказавшись ни много ни мало в числе основателей Организации Объединенных Наций. «Таким образом, воюющей стороной во Второй мировой войне Объединенными Нациями признана Украина, ее народ», – делается заключение в одной из работ [2, с. 44]. Если добавить к этому, что украинцы, точнее «украинство», первым начали вооруженную борьбу с союзниками нацизма [2, с. 45] (это как раз «сражения» карпатских сечевиков с хортистами в марте 1939 г.), то формируется четкая картина того, как украинцы начали и закончили Вторую мировую войну.

Рассмотренный историографический материал убедительно доказывает тезис, выдвинутый в начале данной статьи: историческое прошлое нередко ставится на службу современным политическим задачам и из него выбирается то, что для их

решения наиболее подходит. Современная украинская историография являет собой, конечно, не единственный, но один из наиболее ярких примеров этого.

Список использованных источников и литературы

1. Тишков А. В. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
Tishkov A. V. Rekviem po jetnosu. Issledovanija po social'no-kul'turnoj antropologii. – М.: «Наука», 2003. – 544 s.
2. Шевченко В. До питання про характер боротьби українського народу против фашистських агресорів (1939–1945 рр.) // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. – 2008. – Вип. 11. – С. 42–53.
Shevchenko V. Do pitannja pro harakter borot'bi ukrains'kogo narodu proti fashists'kih agresoriv (1939–1945 rr.) // Storinki voennoï istorii Ukraïni: Zb. nauk. st. – 2008. – Vip. 11. – S. 42–53.
3. Мисечко А. І. Методичні рекомендації та програма спеціального курсу «Історія українського війська» для студентів III курсу денного відділення історичного факультету. – Одеса: Одеський національний університет, 2011. – 30 с.
Misechko A. I. Metodichni rekomendacii ta programa special'nogo kursu «Istorija ukrains'kogo vijs'ka» dlja studentiv III kursu dennogo viddilennja istorichnogo fakul'tetu. – Odesa: Odes'kij nacional'nij universitet, 2011. – 30 s.
4. Україна в полум'ї війни 1941–1945. – Київ: Україна, 2005. – 560 с.
Ukraïna v polum'ï vijni 1941–1945. – Kiïv: Ukraïna, 2005. – 560 s.
5. Патриляк І. К., Боровик М. А. Україна в роки Другої світової війни: спроба нового концептуального погляду. – Київ: Ніжин, 2010. – 590 с.
Patriľjak I. K., Borovik M. A. Ukraïna v roki Drugoï svitovoï vijni: sproba novogo konceptual'nogo pogljadu. – Kiïv: Nizhin, 2010. – 590 s.
6. Герої визволення України / Авт.-упорядник П. Л. Машовець. – Київ: Україна, 2007. – 111 с.
Geroï vizvolennja Ukraïni / Avt.-uporjadnik P. L. Mashovec'. – Kiïv: Ukraïna, 2007. – 111 s.
7. Литвин В. Історія України: підручник / Відп. ред. В. Смолій. НАН України. Інститут історії України. – Київ: Наукова думка, 2013. – 991 с.
Litvin V. Istorija Ukraïni: pidruchnik / Vidp. red. V. Smolij. NAN Ukraïni. Institut istorii Ukraïni. – Kiïv: Naukova dumka, 2013. – 991 s.
8. Українізація” 1920–30-х років: Передумови, здобутки, уроки / В. М. Даниленко, Я. В. Верменич, П. М. Бондарчук та ін.; В. А. Смолій (відп. ред.); Ін-т історії України НАН України. – Київ: Інститут історії України, 2003. – 392 с.
Ukraïnizacija” 1920–30-h rokov: Peredumovi, zdobutki, uroki / V.M. Danilenko, Ja.V. Vermenich, c. M. Bondarchuk ta in.; V. A. Smolij (vidp. red.); In-t istorii Ukraïni NAN Ukraïni. – Kiïv: In-t istorii Ukraïni, 2003. – 392 s.
9. Історія українського війська (1917–1995). – Львів: Світ, 1996. – 840 с.
Istorija ukrains'kogo vijska (1917–1995). – L'viv: Svit, 1996. – 840 s.
10. Папікян А. До історії народного комісаріату оборони Української РСР (1944–1945 рр.) // Українська національна ідея: реалії та перспективи розвитку: Зб. наук. пр. – Львів: Видавництво Національного університету «Львівська політехніка», 2008. – Вип. 20. – С. 109–114.
Papikjan A. Do istorii narodnogo komisariatu oboroni Ukraïns'koï RSR (1944–1945 rr.) // Ukraïns'ka nacional'na ideja: realii ta perspektivi rozvitku: Zb. nauk. pr. – L'viv: Vidavnictvo Nacional'nogo universitetu «L'vivs'ka politehnika», 2008. – Vip. 20. – S. 109–114.
11. Гриневич Л. В. Військове будівництво в Україні у 20-ті – на початку 30-х рр. XX ст.: національний аспект : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Львов, 1995. – 23 с.
Grinevich L. V. Vijs'kove budivnictvo v Ukraïni u 20-ti – na pochatku 30-h rr. XX ot.: nacional'nij aspekt: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. – L'vov, 1995 – 23 s.

12. Бондарь А. Н. Украинизация и национальные формирования в войсках Украинского военного округа в 1922–1935 годах: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Одесса, 1997. – 23 с.

Bondar' A. N. Ukrainizacija i nacional'nye formirovanija v vojskah Ukrainского voennogo okruga v 1922–1935 godah: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. – Odessa, 1997. – 23 s.

13. Безугольный А. Ю. Идеология строительства национальных воинских формирований в СССР в 1920-е гг. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2017. – № 1 (34). – С. 35–42.

Bezugol'nyj A. Ju. Ideologija stroitel'stva nacional'nyh voinskih formirovanij v SSSR v 1920-e gg. // Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki. – 2017. – № 1 (34). – S. 35–42.

14. Безугольный А. Ю. Национальные формирования РККА в 1930-е гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2016. – Т. 27. – № 5 (27). – С. 58–70.

Bezugol'nyj A. Ju. Nacional'nye formirovanija RKKa v 1930-e gg. // Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN. – 2016. – T. 27. – № 5 (27). – S. 58–70.

15. Коваль М. В. Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939–1945 рр.) – Київ: Альтернативи, 1999. – 336 с. – (Україна крізь віки. – Т. 12).

Koval' M. V. Ukraїna v Drugij svitovij i Velikij Vitchiznjanij vijnah (1939–1945 pp.). – Kiїv: Al'ternativi, 1999. – 336 s. – (Ukraїna kriz' viki. – T. 12).

16. Гриневич В. А. Національні проблеми в Червоній армії в період визволення України від німецько-фашистських загарбників (грудень 1942 – жовтень 1944 рр.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Київ, 1994. – 21 с.

Grinevich V. A. Nacional'ni problemi v Chervonij armii v period vizvolennja Ukraїni vid nimec'ko-fashists'kih zagarbnikiv (gruden' 1942 – zhovten' 1944 rr.): avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. – Kiїv, 1994. – 21 s.

17. Військове будівництво в Україні у ХХ столітті: Історичний нарис, події, портрети. – Київ: Видавничий Дім «Ін Юре», 2001. – 448 с.

Vijs'kove budivnictvo v Ukraїni u HH stolitti: Istoroichnij naris, podii, portreti. – Kiїv, Vidavnichij Dim «In Jure», 2001. – 448 s.

18. Рибченко Л. В. Радянські військові мобілізації 1943 р. на території Лівобережної України: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Київ, 2010. – 16 с.

Ribchenko L. V. Radjans'ki vijs'kovi mobilizacii 1943 r. na teritorii Livoberezhnoї Ukraїni: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Kiїv, 2010. – 16 s.

19. Рибченко Л. В. Радянські військові мобілізації 1943 року (Київська область, Обухівський район) // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. – Вип. 12. – С. 103–112.

Ribchenko L. V. Radjans'ki vijs'kovi mobilizacii 1943 roku (Kiїvs'ka oblast', Obuhivs'kij rajon) // Storinki voennoї istorii Ukraїni: Zb. nauk. st. – Kiїv: Institut istorii Ukraїni NAN Ukraїni, 2009. – Vip. 12. – S. 103–112.

20. Рибченко Л. Персональний облік людських військових втрат Червоної армії у Великій Вітчизняній війні // Київські адреси сповіщень про загибель: дослідження, документи, свідчення. – Київ: Аеростат, 2013. – С. 50–78.

Ribchenko L. Personal'nij oblik ljuds'kih vijs'kovih vtrat Chervonoї armii u Velikij Vitchiznjanij vijni. // Kiїvs'ki adresi spovishhen' pro zagibel': doslidzhennja, dokumenti, svidchennja. – Kiїv: Aerostat, 2013. – S. 50–78.

21. Рибченко Л. В. Документальний фонд з обліку людських втрат Національного музею історії Великої Вітчизняної війни 1941–1945 років як джерело з вивчення проблеми радянських військових мобілізацій 1943–1944 років // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. – Т. 19(2). – Київ, 2009. – С. 129–139.

Ribchenko L. V. Dokumental'nij fond z obliku ljuds'kih vtrat Nacional'nogo muzeju istorii Velikoї Vitchiznjanioї vijni 1941–1945 rokov jak dzherelo z vivchennja problemi radjans'kih vijs'kovih mobilizacij

1943–1944 rokiv // Naukovi zapiski. Zbirnik prac' molodih vchenih ta aspirantiv. – Т. 19(2). – Київ, 2009. – С. 129–139.

22. Лисенко О. Є. Важкий шлях до миру: українське суспільство та влада у середині 1940 – на початку 1950-х рр. // Український історичний журнал. – 2015. – № 5. – С. 19–42.

Lisenko O. Є. Vazhkij shljah do miru: ukraïns'ke suspil'stvo ta vlada u seredini 1940 – na pochatku 1950-h rr. // Ukraïns'kij istorichnij zhurnal. – 2015. – № 5. – С. 19–42.

23. Легасова Л., Шевченко Н. Друга світова війна і Україна. Музейний аспект теми // Сторінки воєнної історії України: 36. наук. ст. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2008. – Вип. 11. – С. 20–31.

Legasova L., Shevchenko N. Druga svitova vijna i Ukraïna. Muzejnij aspekt temi // Storinki voennoi istorii Ukraïni: Zb. nauk. st. – Київ: Institut istorii Ukraïni NAN Ukraïni, 2008. – Vip. 11. – С. 20–31.

24. Безсмертя. Книга Пам'яті України. 1941–1945. – Київ: Пошуково-видавниче агентство «Книга Пам'яті України», 2000. – 944 с.

Bezsmertja. Kniga Pam'jati Ukraïni. 1941–1945. – Київ: Poshukovo-vidavniche agentstvo «Kniga Pam'jati Ukraïni», 2000. – 944 s.

25. Поле битви – Україна. Від «володарів степу» до «кіборгів». Воєнна історія України від давнини до сьогодні. – Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2016. – 352 с.

Pole bitvi – Ukraïna. Vid «volodariv stepu» do «kiborgiv». Voenna istorija Ukraïni vid davnini do s'ogodennja. – Harkiv: Klub simejnogo dozvillja, 2016. – 352 s.

26. Історія українського війська. – Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2016. – 416 с.

Istorija ukraïns'kogo vijs'ka. – Harkiv: Klub simejnogo dozvillja, 2016. – 416 s.

27. Папикян А. Збройні Сили України двадцятого століття. – Львів, Вид-во: ДУ «Львівська політехніка», 1999. – 320 с.

Papikjan A. Zbrojni Sili Ukraïni dvadcatogo stolittja. – L'viv, Vid-vo: DU «L'vivs'ka politehnika», 1999. – 320 s.

28. Від Рейхстагу до Івodziми. У полум'ї війни. – Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2016. – 352 с.

Vid Rejhstagu do Ivodzimi. U polum'i vijni. – Harkiv: Klub simejnogo dozvillja, 2016. – 352 s.

29. Гриневич В. Утворення Наркомату оборони УРСР у 1944 році: з історії однієї політичної гри // Укр. іст. журнал. – 1991. – № 5. – С. 29–35.

Grinevich V. Utvorennja Narkomatu oboroni URSR u 1944 roci: z istorii odniei politichnoi gri // Ukr. ist. zhurnal. – 1991. – № 5. – С. 29–35.

Bezgol'nyj A. Yu. Military history of Ukraine of the 20th century in modern Ukrainian historiography (1990–2010)

The article is devoted to the analysis of the latest Ukrainian studies of the problems of the military history of this country in the 20th century. Particular attention is paid to the views of Ukrainian historians on the events of the Great Patriotic War of 1941–1945. It is noted that Ukraine, which suffered from Nazism no less than Russia, is tightly reflecting on the topic of war. Like Russian society, the Ukrainian is looking for and finds important milestones in its identity, however, they are radically different from the Russian ones and even directly opposite to them. In the article the reasons and tendencies of revision of traditional concepts of the military history of the Ukrainian people of the 20th century are considered. In the framework of a single state (the Russian Empire, the USSR). The efforts of the Ukrainian historical community to find national roots outside the Russian / Soviet imperial context are shown. Despite the obvious syncretism of the military history of the Ukrainian and Russian peoples, which have passed all wars shoulder to shoulder and have always been the core of both the Russian Imperial and the Soviet armies, Ukrainian historians find those historical moments when the Ukrainians imagined or in fact went their own way in military construction. It turns out a patchwork picture, which, however, occurs in modern Ukrainian literature too often to be considered marginal. Given a certain variability in the subject matter, its unchanged and key elements are the military construction of Ukrainian state formations of the period 1917–1920, the military organization of the Carpathian Ukraine and the history of the armed forces of the OUN-UPA during the Second World War. In the listed, at first

glance, random set of various historical episodes, one key idea is a red thread: each of them, one way or another, is interpreted as a step towards building the armed forces of an independent Ukrainian state. Thus, the desired tradition of the modern armed forces of Ukraine is being constructed. The examined historiographic material convincingly demonstrates that the historical past is often put at the service of modern political tasks and from it one chooses what is best suited for solving these problems. Modern Ukrainian historiography is not the only, but one of the most vivid examples of this.

Keywords: historiography, national formations of the Red Army, national policy in Ukraine, military construction in Ukraine, the Great Patriotic War, mobilization.

УДК 338(091): [94(569.1):940.2]

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ АНТАНТЫ В КОНТЕКСТЕ СОГЛАШЕНИЯ САЙКСА – ПИКО

Бершов В. Н.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: Tripolic@mail.ru*

Проанализирована политика стран Антанты в период Первой мировой войны и их взаимодействие по вопросам разграничения сфер влияния в Сирии в контексте соглашения Сайкса – Пико. В исследовании делается акцент на социально-экономический аспект вопроса. Истоки современных событий (гражданская война в Сирийской Арабской Республике) автор находит в начале XX века, когда и проходило государственное становление Сирии. В этом контексте особое внимание уделяется соглашению Сайкса – Пико, заключенному в годы Первой мировой войны. По его результатам между правительствами Великобритании, Франции, России и позднее Италии были разграничены сферы интересов на Ближнем Востоке. Договоренность стала предпосылкой для получения мандата Франции на Сирию и Ливан. Практическая значимость статьи заключается в изучении опыта экономической и просветительской деятельности ведущих держав в сирийских вилайетах, которое может пригодиться в период последующего восстановления сирийской экономики после завершения современной гражданской войны. Соглашение также можно считать свидетельством отказа Великобритании от традиционной политики по отношению к Османской империи: ранее англичане не предусматривали захват проливов Российской империей и были против присутствия Франции на Ближнем Востоке. Весьма характерной была жесткая реакция Великобритании на французские попытки закрепиться в Ливане (французская интервенция 1860–1861 годов) и Омане (1890-е годы). Территориальный раздел Османской империи рассматривался Великобританией как определенный вынужденный компромисс, который мог быть пересмотрен при благоприятных обстоятельствах. Вследствие нового соотношения сил, сложившегося после Первой мировой войны, соглашение Сайкса – Пико не было реализовано, однако с поправками было положено в основу соглашения, заключенного в Сан-Ремо в 1920 году. Вопросы, рассматриваемые в этом исследовании, имеют непосредственное значение для понимания истоков многих проблем нашего времени, таких как: появление практики экономической и военно-политической экспансии развитых стран в менее развитые страны вместо прямой территориальной колонизации; вопросы панисламского объединения, ставшие впервые значимыми для держав именно в период 1914–1918 годов.

Ключевые слова: Соглашение Сайкса – Пико, Османская империя, Франция, Сирия, Российская империя, Великобритания.

Гражданская война в Сирии в начале XXI века поставила под угрозу государственность республики. По нашему мнению, истоки современных событий надо искать в начале XX века, в позднеосманский период и в годы действия Французского мандата, когда и проходило государственное становление Сирии. В этом контексте особый интерес представляет соглашение Сайкса – Пико, заключенное в годы Первой мировой войны. По его результатам Великобритания, Франция, Россия и позднее Италия разграничили сферы своих интересов на Ближнем Востоке, в частности французское правительство получило предпосылки для реализации мандата на Сирию и Ливан.

Цель исследования заключается в изучении социально-экономического компонента, определяющего важные параметры соглашения. Промежуточные цели (задачи) имеют, с одной стороны, общенаучное значение – показать политическую борьбу за сирийскую территорию Германии и стран, входящих в блок Антанты, а с другой стороны, – практическую значимость, которая подразумевает изучение деятельности ведущих держав в сирийских вилайетах (например опыт Франции, Великобритании, Германии в области экономики и опыт России в области просвещения). Полученные результаты можно будет применять после завершения гражданской войны в Сирийской Арабской Республике для восстановления экономики страны.

Сирийские земли – узкая прибрежная полоса, не превышающая 20 тысяч кв. миль, своего рода карниз, образуемый хребтами: Ансариэ, Иудейским, Ливанским и Галидейским. Эти территории входили в состав Османской империи и подразделялись на Дамасский, Хalebский и Бейрутский вилайеты. Административно-территориальными единицами управляли турецкие губернаторы, опиравшиеся на представителей местной элиты [4, с. 19]. Сирия в течение нескольких веков была объектом борьбы египтян и ассирийцев, греков и персов, византийцев и арабов, турок и крестоносцев. Так, Мухаммед Али Египетский, установив контроль над Сирией, потерял его в 1841 году из-за вооруженного вмешательства великих держав.

С конца XIX века Восточное Средиземноморье оказывается в фокусе интересов западных держав. В годы Первой мировой войны пристальное внимание к Сирии только лишь усиливается. К Франции, традиционно предъявляющей свои «исторические» права на Сирию, присоединяется Великобритания, претендующая до 1912 года на всю территорию Сирии. И даже Россия, спецификой которой всегда был не колониальный характер экспансии, обратила свое внимание на эту часть Восточного Средиземноморья и, благодаря посредничеству Императорского палестинского общества, вела соответствующую пропаганду через 110 школ для арабов-христиан и две учительские семинарии [1, с. 3–10].

В статье «Просветительская деятельность ИППО» авторы, Р. А. Близняков и С. С. Шевелев, отмечали: «По-государственному серьезно подходил основатель ИППО к школьному делу на Ближнем Востоке, об этом свидетельствуют его последние выступления и публикации. Так, в 1901 году в газете “Московские ведомости” была напечатана его статья “Новое положение Православия в Сирии и Палестине”. В ней освещалось, как французское правительство добилось от Порты официального признания французских школ в Палестине и Сирии, освобождения их от налогов и таможенных пошлин под протекторатом Франции... Масштаб предстоящей работы охарактеризован авторам так: “При 200 тысячах православного населения мы имеем 30 тысяч детей дошкольного возраста; считая в среднем 100 учеников в школе, нам нужно иметь в Сирии и Палестине в самом продолжительном времени 300 русских школ, но при 300 сельских и городских школах неизбежны хотя бы 2 средних учебных заведения. Вот что нам нужно. Если это не в состоянии сделать немедленно, нам остается только удалиться навсегда из Сирии и Палестины”» [1, с. 3–10].

Действия западных держав были далеки от мессианской деятельности России и носили более прагматичный характер. Так, интересы Великобритании в Сирии сводились к захвату железнодорожных путей, ведущих в Аравию и Месопотамию, и блокированию дороги к Красному морю. Для Германии, в свою очередь, Сирия не являлась самоцелью, а была важным звеном в цепи действий, направленных на достижение мирового господства. В частности, инструментом влияния на Османскую империю должна была стать Багдадская железная дорога. Кроме того, с появлением немцев на сирийских территориях началась «культурная работа»: в Алеппо были открыты вечерние курсы, немецкая школа и библиотека; в Иерусалиме организован еженедельный журнал «Иерусалимская неделя»; в Хайфе открыто коммерческое училище.

Следующий игрок – Франция. Свои «права» на Сирию она обосновывала, приводя четыре «бесспорных» основания:

1) Франция является исторической преемницей первых франкских завоевателей и владетелей Сирии: крестоносца Готфрида Бульона и Гюи Лузиньяна;

2) Франция являлась в течение нескольких веков покровительницей христианского населения Сирии. Так, в 1250 году, во времена правления Людовика Святого, маронитам была выдана хартия, согласно которой король и его наследники брали на себя обязательства по оказанию помощи. Позже, при Франциске I и Людовике XIV, были заключены капитуляции, по которым Франция получила право защиты всех восточных христиан и палестинских святынь, а также представительство перед Оттоманской Портой. Протекторат над христианами-католиками и их учреждениями перестал быть монополией Франции лишь в конце XIX века [5, с. 45–86];

3) Франция приобрела право на территорию Сирии благодаря большой культурной работе, которую она совершила за предшествующие века;

4) Франция на сирийской территории имеет значительное влияние на все слои населения и, прежде всего, на региональную элиту. Так, при посредничестве многочисленных монашеских орденов и миссионерских организаций, находящихся под покровительством французской власти, на османской территории, в городах Яффе, Хайфе, Иерусалиме, Бейруте, Дамаске, Алеппо, начали работать несколько десятков странноприимных домов, бесплатных аптек, лечебниц, ясель, родильных приютов, сиротских домов [5, с. 45–86].

Эти учреждения для французского правительства имели чисто политическое значение и являлись великолепными проводниками политического влияния Франции на сирийских землях. Французские фирмы выступали в качестве основных скупщиков сельскохозяйственной продукции. В целях концентрации производства и сбыта отдельных видов продукции, например табака, в 1883 году была создана французская табачная монополия «Режи де таба». Ее появление можно считать следствием учреждения «Администрации оттоманского публичного долга» – органа, управляющего расстроеным хозяйством Османской империи в интересах западноевропейских держав. Это же позволило в кратчайшие сроки превратить сирийские вилайеты в источник дешевого сырья и выгодный рынок сбыта промышленных товаров французского и английского производства. Естественно,

что при этом на указанных территориях иностранные компании допускали развитие только тех отраслей, которые осуществляли первичную обработку сырья.

Французский капитал получил и концессии на строительство железных дорог, Бейрутского порта, газовой и электрической станции в Бейруте, бейрутского водопровода и ряда других объектов коммунального хозяйства на сирийских территориях. Таким образом, можно сказать, что уже тогда был сделан существенный шаг на пути превращения Сирии и Ливана в колонии. Французская заинтересованность сирийскими землями подтверждается и идеологом французской оккупации – Крессати, в расчетах которого экономическое богатство обозначенных территорий по состоянию на 1910 год оценивалось в 160 миллиардов франков. Также генерал Анри Гуро в палате депутатов указывал на то, что Сирия и Киликия – это «второй Египет» [5, с. 45–86].

На самом деле статистические показатели сирийской экономики того периода опровергают подсчеты и утверждения Крессати. Накануне Первой мировой войны ценность годовичного производства Сирии по отдельным отраслям представлялась в следующих реальных цифрах:

№	Название отраслей народного хозяйства	Общая стоим. (во франк.)
1	Сельское хозяйство и побочные отрасли	700000
2	Лесной промысел	5000
3	Рыболовство	10000
4	Горное дело	2000
5	Крупная промышленность	30000
6	Транспорт	55000
7	Мелкая промышленность и ремесла	30000
8	Поступления от заграничной эмиграции	50000

Данные, представленные в таблице [7, с. 74], указывают на то, что Сирия конца XIX – начала XX века реализовывала почти исключительно сельское хозяйство. Однако и земледелие не могло значительно развиваться из-за необычной узости территории, ограниченной морем и горными хребтами, и отсутствия пригодных для обработки земель. По официальным турецким данным, в среднем в Сирии использовалось только 6 % всей ее территории [6, с. 45]. При этом с 1850 по 1914 годы происходит сокращение производства хлопка с 9 млн франков до 3,5 млн франков (падение в отрасли кратно 2,58). Даже главная отрасль сирийской промышленности – шелководство – к концу XIX века перестает существовать по причине нехватки рабочих рук и конкуренции со стороны Японии и Китая. Значительная часть прядилен закрыта, доходность оставшихся дошла до нуля.

Шелководство Сирии (в среднем 500 тонн в год) [6, с. 39] являлось ничтожным по сравнению с мировым производством, равняющимся 25 млн килограммов.

Охарактеризовать ситуацию в горном промысле на сирийских территориях к началу Первой мировой войны проблематично, т. к. он практически не существовал, несмотря на восторженные описания минеральных ресурсов рассматриваемого региона в европейской литературе. Общий доход от горного промысла всей Сирии за 1914 год не превышал 20 тыс. франков и равнялся стоимости годового производства одного мелкого европейского горнопромышленного предприятия.

Оценить обрабатывающую промышленность Сирии можно на примере шелководства, о котором говорилось выше. Его незначительность в определенной мере объясняется отсутствием возможностей для развития современной индустрии. Промышленность этого периода в основном существовала в виде домашней и ремесленной, которые были нацелены на переработку продуктов сельского хозяйства, подверженных легкой порче (маслоделие, виноделие и т. п.). Кустарная промышленность производила восточные товары и предметы культа. Исследователь А. Руппин таким образом характеризует ситуацию в экономике региона: «Во всей Сирии можно насчитать не больше ста промышленных предприятий, в которых работает в фабричном помещении свыше 50 рабочих, всего около дюжины таких, где работают свыше 100 рабочих, и ни одного, с численностью больше 300 рабочих» [6, с. 66].

Таким образом, основываясь на приведенных данных, можно сделать вывод, что реальное экономическое состояние Сирии в корне не соответствует фантастическим представлениям германских и французских идеологов колониализма о регионе как об обетованной земле, изобилующей хлопком, тутовыми и фруктовыми насаждениями, богатой железом, никелем, серебром и прочими рудами, лишь ждущими разработки. Гораздо более значимым представляется торговое значение Сирии. Омываемая Средиземным морем и в то же время являющаяся географической гранью четырех соприкасающихся территорий (Египта, Аравии, Малой Азии и Месопотамии), она самой природой была предназначена для роли торгового посредника между этими странами. Подтверждением этого могут служить сирийские порты, которые с незапамятных времен были конечными пунктами великих караванных путей из Персии, Индии, Средней Азии и даже Китая.

Однако и в этом случае ошибочно преувеличивать торговое значение Сирии, т. к. развитию транзитной торговли мешало то обстоятельство, что и с юга, и с востока, и даже с северо-востока она окружена сплошным поясом песчаных пустынь. Транспортировка товаров могла осуществляться здесь только на верблюдах, а это было связано с большими рисками и огромными временными затратами. Сильнейший удар по внутренней транзитной сирийской торговле нанесло открытие Суэцкого канала, резко снизившее посредническое значение Алеппо, Дамаска и других городов.

Больше всего средств западные империалистические державы направили не на развитие промышленного производства или даже торговли в Сирии, а на железнодорожное строительство. В конце тридцатых годов XIX века французы

начинают постройку линий, которые соединят главные города и порты Сирии: Алеппо, Дамаск, Триполи и Бейрут. Затем неожиданно выступают сами турки. Султан Абдул-Гамид I, следуя идее объединения всех мусульман вокруг Турции, обращается с призывом пожертвовать средства, необходимые для железнодорожного соединения священных городов: Дамаска, Медины и Мекки. Этот панисламский замысел увенчался успехом. Со всего мира – из Индии, Китая, Африки – стали поступать щедрые пожертвования, благодаря которым удалось всего за восемь лет построить магистраль от Дамаска до Медины протяженностью в 1500 км, при этом затраты ограничились всего лишь 95 млн франков. Для того, чтобы подчеркнуть религиозное значение железнодорожного пути, магистраль была передана в ведение министерства культовых имуществ «Эвках» и доходы с нее направлялись на религиозные и благотворительные цели. Таким образом, Хиджасская дорога для населения Османской империи стала религиозно значимой, и передача строительства ответвления железной дороги на Хайфу французам вызвала протесты нотаблей этого города, которые, ссылаясь на значение всей железной дороги, требовали, чтобы организация строительства данного участка была осуществлена Османским правительством [5, с. 46–86].

Позже всех начали железнодорожное строительство в Сирии немцы, прокладывая здесь соединительное звено между Анатолийской и Месопотамской магистралями Великого Багдадского пути [2, с. 342]. Логистическое преимущество на сирийских землях давало возможность перекрывать коммуникационные пути, соединяющее колонии и полуколонии империалистических держав, в любом направлении. В руках крупной военной державы Сирия могла стать серьезной угрозой для Египта и для всех прилегающих областей Османской империи. Германия стремилась использовать сирийские территории в стратегических целях, которые были сформулированы идеологом пангерманизма – Пауэлем Рорбахом: «Египет – это наиболее уязвимая часть Британской империи, захват которой способен разрушить все здания последней» [7, с. 57]. Именно этим фактом и можно было объяснить интерес Германии к этой части Восточного Средиземноморья. Стремительное строительство немцами Багдадской железной дороги и попадание Османской империи в сферу влияния Германии создавали реальную угрозу для Великобритании и ее господства на Ближнем Востоке. Поэтому англичане стремились установить свой протекторат над всеми сирийскими территориями или хотя бы их частью.

Британская политика «тихой экспансии» на Ближнем Востоке вызвала обеспокоенность правящих кругов Франции и России, которые не без основания считали, что их обходят при разделе наследия Османской империи [3, с. 189]. После вступления Турции в войну на стороне Германии вновь был поднят вопрос о разделе «османского наследия». Переговоры трех держав (Великобритании, Франции, России) по этому вопросу были довольно длительными и сложными. В результате было заключено франко-британо-русское соглашение от 10 апреля 1915 года. Договоренности предусматривали согласие Великобритании и Франции на присоединение к Российской империи после победы над германской коалицией Константинополя проливов Босфора и Дарданелл, а также примыкающих к ним

районов европейской и азиатской части Турции и на образование в Аравии независимого государства [3, с. 159]. Соглашение было оформлено следующими документами: 1) памятной запиской С. Д. Сазонова, русского министра иностранных дел, на имя Дж. Бьюкенена, английского посла в Петрограде, и М. Ж. Палеолога, французского посла, от 4 марта 1915 года; 2) памятной запиской Дж. Бьюкенена на имя С. Д. Сазонова от 12 марта 1915 года; 3) памятной запиской С. Д. Сазонова на имя Дж. Бьюкенена от 22 марта 1915 года; 4) вербальной нотой французского посольства в Петрограде внешнеполитическому ведомству России от 10 апреля 1915 года [3, с. 169]. Англо-франко-русское соглашение было одним из секретных соглашений, предусматривавших раздел Турции державами Антанты. Оно отвечало стремлениям английского и французского правительств теснее связать Россию с Антантой и было обусловлено согласием России на «доведение войны до победного конца». Практических результатов для Российской империи, Великобритании и Франции соглашение от 10 апреля 1915 года не имело, и в результате дальнейших переговоров этих стран в мае 1916 года было заключено новое соглашение Сайкса–Пико, которое предусматривало полный территориальный раздел Османской империи между тремя державами: Россией, Великобританией, Францией.

Секретное соглашение Сайкса – Пико было заключено в Лондоне в 1916 году в форме обмена нотами от 9–16 мая «о разделе азиатских владений Османской империи» между английским министром иностранных дел Э. Греем и французским послом П. Камбоном. Название появилось по именам дипломатов, подготовивших этот проект, – англичанина М. Сайкса и француза Ф. Пико. В соответствии с соглашением Российская империя получала проливы (Босфор и Дарданеллы), город Константинополь, часть Северного Курдистана и Юго-Западную Армению («желтая зона»); Франция – Ливан, Киликию, Юго-Восточную Анатолию и Западную Сирию («синяя зона»); Великобритания – Центральную и часть Южной Месопотамии, палестинские порты Хайфа и Акка («красная зона»). Палестина (без анклава указанных портов) переходила под международное управление («коричневая зона») [8, с. 169].

Остальная часть арабских провинций Османской империи делилась на две зоны влияния: французскую – «зона А», в которую вошли Восточная Сирия и Центральный Курдистан, и британскую – «зона Б», в состав которой вошли Южный Курдистан, Южная Месопотамия, Заиорданье. На территории этих зон влияния предполагалось создание некоего «независимого» арабского государства, которое находилось бы под англо-французским кондоминиумом.

После того, как о соглашении Сайкса – Пико стало известно в Италии, она потребовала своей доли, и по соглашению в Сен-Жан де Марьени в августе 1917 года ей была выделена «зеленая зона» (Юго-Западная Анатолия) и зона влияния «С» (часть Западной и Центральной Анатолии). При этом со стороны Великобритании была сделана оговорка о том, что присоединение Италии к соглашению Сайкса – Пико должно быть ратифицировано Российской империей, но Октябрьская революция 1917 года сделала ратификацию невозможной, что и привело к невостребованности вышеназванного соглашения.

Нельзя не отметить, что Великобритания, несмотря на готовящееся соглашение Сайкса – Пико, через своего верховного комиссара в Египте Мак-Магона договаривалась с шерифом Мекки Хусейном аль-Хашими о прямых действиях в антиосманском восстании арабов. Взамен было обещано создание независимого арабского государства под управлением Хашимитов, в состав которого не включались территории Западной Сирии, Ливана и Каликии, т. к. они должны были отойти под управление Франции. Исключались из будущего арабского государства и английские протектораты на Аравийском полуострове.

Соглашение Сайкса – Пико было несовместимо с соглашением Мак-Магона и Хусейна, поэтому Великобритания и Франция скрывали его от арабов, договорившись, что дальнейшие переговоры с Хусейном будут вестись от имени обеих держав [8, с. 12]. Публикация в ноябре 1917 года Советским правительством текстов соглашения Сайкса – Пико и других тайных договоров царского и Временного правительства вызвали возмущение народов арабских стран.

Заключение соглашения Сайкса – Пико свидетельствует об окончании традиционной политики Великобритании по отношению к Османской империи: ранее англичане не только не предусматривали захват проливов Российской империей, но и были против присутствия Франции на Ближнем Востоке. В этом плане весьма характерной была жесткая реакция Великобритании на французские попытки закрепиться в Ливане (французская интервенция 1860–1861 годов) и Омане (1890–е годы) [3, с. 149]. Великобритания рассматривала территориальный раздел Османской империи как определенный вынужденный компромисс, который мог быть пересмотрен при благоприятных обстоятельствах. Вследствие нового соотношения сил, сложившегося после Первой мировой войны, соглашение Сайкса – Пико не было реализовано, однако с поправками было положено в основу соглашения, заключенного в Сан-Ремо в 1920 году [8, с. 256].

Вопросы, поставленные в настоящем исследовании, имеют непосредственное значение для понимания истоков таких проблем современности, как: возникновение практики экономической и военно-политической экспансии развитых стран в отношении отстающих стран вместо прямой территориальной колонизации; вопросы панисламского объединения, ставшие впервые значимыми для держав именно в период 1914–1918 годов. Вновь актуальна и проблема взаимодействия Запада, России и Востока. Эти отношения, при всей сложности и неоднозначности историко-культурного процесса, в период Первой мировой войны можно назвать не только противоречивыми, но и способствующими пониманию и взаимопомощи. Противоречия всегда были и будут, но способами их разрешения не должны быть войны.

Список использованных источников и литературы:

1. Близняков Р. А. Просветительская деятельность императорского православного палестинского общества на территории Палестины в 1882–1917 / Р. А. Близняков, С. С. Щевелев // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия: «Исторические науки». 2015. 1 (67), № 4. С. 3–10.

Bliznyakov R. A. Prosvetitel'skaya deyatel'nost' imperatorskogo pravoslavnogo palestinskogo obshchestva na territorii Palestiny v 1882–1917 / R. A. Bliznyakov, S. S. Shchevelev, // Uchenye zapiski

- Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия: «Исторические науки». 2015. 1(67), № 4. С. 3–10.
2. Громыко А. А. История дипломатии / А. А. Громыко, И. Н. Земскова, В. А. Зорина, В. С. Семен и др. – М.: Политическая литература, 1965. – 595 с.
- Gromyko A. A. Istoriya diplomatii / A. A. Gromyko, I. N. Zemskova, V. A. Zorina, V. S. Semen i dr. – М.: Politicheskaya literatura, 1965. – 595 s.
3. Лазарев М. С. Англо-франко-русское соглашение 1915 года / М. С. Лазарев. – М.: Наука, 1966. – 324 с.
- Lazarev M. S. Anglo-franko-russkoye soglasheniye 1915 goda / M. S. Lazarev. – М.: Nauka, 1966. – 324 s.
4. Луцкий В. В. Новая история арабских стран / В. В. Луцкий. – М.: Наука, 1965. – 224 с.
- Lutskiy V. V. Novaya istoriya arabskikh stran / V. V. Lutskiy. – М.: Nauka, 1965. – 224 s.
5. Гурко-Кряжин В. А. Национально-освободительное движение на арабском Востоке / В. А. Гурко-Кряжин // Новый Восток. – 1922. – № 1. – С. 45–86.
- Gurko-Kryazhin V. A. Natsional'no-osvoboditel'noye dvizheniye na arabskom Vostoke / V. A. Gurko-Kryazhin // Novyy Vostok. – 1922. – № 1. S. 45–86.
6. Руппин И. Современная Сирия и Палестина / И. Руппин. – Пг.: Кадима, 1919. – 319 с.
- Ruppin I. Sovremennaya Siriya i Palestina. – Pg.: Kadima, 1919. – 319 s.
7. Филонник А. О. Новейшая история стран Азии 1917–1985 / А. О. Филонник, Н. С. Луцкая, А. В. Вдовин. – М.: Наука, 1988. – 640 с.
- Filonnik A. O. Noveyshaya istoriya stran Azii 1917–1985 / A. O. Filonnik, N. S. Lutskaya, A. V. Vdovin. – М.: Nauka, 1988. – 640 s.
8. Батенко А. В. История Палестины: международный аспект (1897–2009 гг.) / А. В. Батенко, Р. А. Близняков, Д. А. Малышев, С. С. Щевелев. – Симферополь – Киев.: Доля, 2011. – 505 с.
- Batenko A. V. Istoriya Palestiny: mezhdunarodnyy aspekt (1897–2009 gg.) / A. V. Batenko, R. A. Bliznyakov, D. A. Malyshev, S. S. Shchevelev. – Simferopol'–Kiyev.: Dolya, 2011. – 505 s.

Bershov V. N. Political and economic interests of the Antants in the context of the Sick–Pico agreement

The article is devoted to the policy of the Entente countries during the First World War and their interaction on the issues of delineation of spheres of influence in Syria in the context of the Sykes-Pico agreement. The study focuses on the socio-economic aspect of the issue. The author finds the origins of modern events (civil war in the Syrian Arab Republic) at the beginning of the 20th century, when the state formation of Syria was taking place. In this context, special attention is paid to the Sykes-Pico agreement concluded during the First World War. According to its results, the spheres of interests in the Middle East were divided between the governments of Great Britain, France, Russia and, later, Italy. The arrangement became a prerequisite for obtaining a French mandate for Syria and Lebanon. The practical significance of the article is to study the experience of economic and educational activities of leading powers in the Syrian vilayets, the study of which can be useful in the period of the subsequent restoration of the Syrian economy after the end of the modern civil war. The agreement can also be seen as evidence of Britain's rejection of the traditional policy towards the Ottoman Empire: previously the British did not provide for the seizure of straits by the Russian Empire and were against the presence of France in the Middle East. In this respect, the UK's strong reaction to French attempts to gain a foothold in Lebanon (the French intervention of 1860–1861) and Oman (1890s) was very characteristic. The territorial division of the Ottoman Empire was viewed by Britain as a certain forced compromise, which could be revised under favorable circumstances. Because of the new balance of forces that developed after the First World War, the Sykes-Pico agreement was not implemented, but, with amendments, was the basis of the agreement concluded in San-Remo in 1920. The issues addressed in this study are of direct importance for understanding the origins of many problems of our time, such as: the emergence of the practice of economic and military-political expansion of developed countries to less developed countries instead of direct territorial colonization; The questions of panislam association, which became important for the first time for the powers in the period from 1914–1918. The problem of interaction is again urgent: West–Russia–East. In their relations during the First World War, despite the complexity and ambiguity of the historical and cultural process, there are not only contradictions, but also mutual assistance

and understanding. Contradictions have always been and will be, but they should not be resolved only by wars.

The relevance of research. The civil war in Syria at the beginning of the 21st century jeopardized the statehood of the republic. In our opinion, the origins of contemporary events must be sought at the beginning of the 20th century, in the late Ottoman period and during the years of the French Mandate, when the state formation of Syria was taking place. In this context, the Sykes-Pico agreement, concluded during the First World War, is of particular interest. According to its results, Britain, France, Russia and, later, Italy, divided their areas of interest in the Middle East, in particular, the French government received the prerequisites for the implementation of the mandate for Syria and Lebanon.

The purpose of the study is to study the socio-economic component that determines the important parameters of the agreement. Intermediate goals (tasks) have, on the one hand, a general scientific value – to show political struggle for the Syrian territory of Germany and the countries forming the Entente bloc; and, on the other hand, practical significance, which implies the study of the activities of leading powers in the Syrian vilayets (for example, the experience of France, Britain, Germany in the field of economics and Russia's experience in the field of education). The results can be applied after the end of the civil war in the Syrian Arab Republic to restore the country's economy.

Keywords: Sykes-Pico Agreements, Ottoman Empire, France, Syria, Russian Empire, Great Britain.

УДК: 94: (410)"1956": 94(53)

СУЭЦКИЙ КРИЗИС 1956 ГОДА В СВЕТЕ БРИТАНСКОГО ПРИСУТСТВИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Близняков Р. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: Bliznyakov80@mail.ru*

Мальшеев Д. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: Darkmalyshev@mail.ru*

Проанализирован один из важнейших внешнеполитических аспектов международных отношений XX века – горячей осени 1956 года. Суэцкий кризис – классика жанра, сдающего свои позиции колониализма и перевоплощающегося неоколониализма применительно к данному региону. Исследователи умышленно уходят от классического рассмотрения вопроса в ключе «трио» – операции «Трех мушкетеров», также авторы отказываются от тематики рассмотрения вопроса в представительнейшем форуме – ООН, аспекта, которому уже достаточно уделено внимания в Отечественной и зарубежной историографии. Таким образом, в фокусе внимания оказался Британский лев в зоне не только Восточного Средиземноморья, но и Ближнего востока в целом. Британский фактор характеризуется как британское присутствие, так как для полномасштабной и стереотипной картины необходимо учитывать равнодействующую всех элементов британского заката на Ближнем Востоке. Суэц – это время перемен и время новых вызовов как для внешних игроков, так и для арабских государств региона. Актуальность темы определяется необходимостью изучения внешнеполитической деятельности Великобритании в таком важном с точки зрения мировой политики регионе, как Арабские страны Азии, в период трансформации статуса Великобритании на международной арене: от ключевого игрока к младшему партнеру США как на глобальном, так и на региональном уровне. Связаны эти процессы с динамикой политики Великобритании на партикулярном уровне Ближневосточного региона, с трансформацией статуса Великобритании как актора в регионе в рассматриваемый период, имеющий эпохальные экстремумы. В частности, таким экстремумом была середина 50-х годов XX века. Пассионарность обусловлена ростом политической активности арабских националистических сил (прежде всего, в Египте), и именно в этот период можно говорить о закате былого могущества Британии на Ближнем Востоке. Итак, такой вехой становится 1956 год – год Суэцкого кризиса и англо-франко-израильской кампании на Ближнем востоке. Безусловно, в рассматриваемом трио британская скрипка была первой по всеохватности влияния на регион. О том, как менялось это британское влияние и его проекция в виде вариантов присутствия в свете событий 1956 года, пойдет речь в статье.

Ключевые слова: Суэцкий кризис, Великобритания, США, Г. А. Насер, «холодная война».

Восточносредиземноморская тематика вряд ли когда-нибудь утратит свою актуальность: регион Христа и пирамид магнитом тянул к себе все мировые державы: от Рима до современных США. Безусловно, британский лев долгое время был повелителем и безусловным властителем этого региона. Однако мировая

политика изменчива. Именно 1956 год становится переломным годом Британского присутствия на Ближнем востоке.

Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать политику Великобритании после 1956 года, показав влияние трансформации статуса Великобритании в мире на партикулярном ближневосточном уровне.

Подобная возможность представляется как при опоре на корпус опубликованных источников [9; 10] (к этой группе отнесем двухтомник опубликованных документов из архива внешней политики РФ под редакцией В. В. Наумкина [4]; отечественные документы проливают свет на позицию Великобритании в ближневосточном конфликте и помогают проследить трансформацию статуса объекта нашего изучения в регионе), так и при использовании достижений российской [14–16] и зарубежной [21–24] ориенталистики.

Современные исследователи не перестают уделять внимание ближневосточным штудиям. С позиций палестинского аспекта Египет был скрупулезно исследован молодым ученым Л. А. Крыжко [13], защитившим кандидатскую диссертацию в г. Симферополе. Не совсем удачной была попытка защитить диссертацию («Внешняя политика Великобритании на Ближнем Востоке: XVIII–XXI вв.») в Рос. гос. гуманитар. ун-те (РГГУ) М. А. О'Делл [17], которая реферативно в своем изыскании затрагивает рассматриваемые события горячей осени 1956 года [18]. Именно анализ этого проекта заставил задуматься о хотя бы маркировочном освещении данного вопроса с британским оттенком с привлечением, прежде всего, отечественной историографии.

К середине 50-х гг. XX века регион Ближнего Востока, где активно присутствовала Великобритания, из клубка противоречий конфликтующих сторон снова превратился в бурлящий котел. Как справедливо отмечалось, «на фоне ухудшающихся отношений Египта и Израиля проявилось обострение англо-египетских противоречий, что было связано с революцией 1952 года, приходом к власти правительства Г. А. Насера и вынужденной эвакуацией британского контингента с базы в зоне Суэцкого канала в соответствии с двусторонним соглашением от 27 июля 1954 года» [3, с. 278].

Кроме указанных, по поводу Ближнего Востока существовали разногласия между Великобританией и Францией, с одной стороны, и Соединенными Штатами – с другой. Это были не антагонистические противоречия, а именно разногласия. Традиционные колониальные державы к этому времени уже начинали понимать, что ни старыми методами, ни противодействуя американской экспансии, они не смогут вернуть свои позиции. Париж, возможно, пришел к такому выводу несколько позже, чем Лондон, пытаясь силой сохранить свое господство над Северной Африкой.

Но при всех разногласиях общая политическая линия США, Великобритании и Франции в отношении арабского мира образовывалась на базе стремления втянуть суверенные арабские государства в военные блоки, руководимые Западом. Это стремление подогревалось опасением, что ряд независимых арабских стран примкнет к советскому лагерю: набирала силу «холодная война»... [19, с. 40].

События в соседнем Иране, особенно известие о принятом Меджлисом 15 марта 1951 г. решении национализировать Англо-иранскую нефтяную компанию, оказали значительное влияние на Бахрейн. Во второй половине марта 1951 г. забастовали рабочие и служащие БАПКО («Бахрейн петролеум компани»). Наряду с требованиями об увеличении заработной платы и улучшении условий труда нефтяники опротестовали концессионный договор 1940 г. В поддержку требований забастовщиков выступило население Манамы, Мухаррака и Хедды. Поскольку шейх Сальман и Белгрейв отказались принять народных представителей, кризис затянулся.

В начале июня 1951 г. в Манаме и Мухарраке состоялись митинги и демонстрации. Их участники потребовали отречения шейха Сальмана, изгнания Белгрейва, национализации БАПКО, ликвидации британских военных баз, предоставления Бахрейну независимости; часть демонстрантов призвала бороться за присоединение Бахрейна к Ирану. 30 июня подразделения военно-политических сил и британские войска открыли огонь по демонстрации, направлявшейся к резиденции шейха Сальмана. Это послужило сигналом для массовых арестов и высылки рабочих-иммигрантов.

Репрессии вызвали бурю протестов. В начале июня на улицах Манамы и Мухаррака произошли новые столкновения демонстрантов с полицейскими и солдатами. Были произведены нападения на полицейские участки для освобождения арестованных. Жизнь страны оказалась парализованной. Только ценой больших усилий шейху Сальману и британской администрации удалось потушить пожар, грозивший охватить весь архипелаг [12, с. 66].

Аналогичная ситуация наблюдалась в Египте. Неприятие национального унижения от иностранных представителей распространилось даже на короля, который впоследствии был свергнут мелкобуржуазными революционерами. Разделяя чувства народа, который отнюдь не любил Фарука, но, какой бы тот ни был, все-таки относился к нему как к главе Египта, Насер и его соратники-офицеры были вне себя, узнав, что посол Англии лорд Лэмпсон прибыл во дворец Абдин и потребовал сменить премьер-министра на более проанглийского. По стране поползли слухи, что посол обращался к королю не со словами «ваше величество», а просто «мой мальчик». Все это происходило через двадцать лет после объявления независимости Египта. «Мне стыдно, – писал Насер в те дни в письме своему другу, – что армия не среагировала на эту выходку» [19, с. 27]. Эти слова принадлежали человеку, безусловно, понимавшему бесперспективность вооруженного столкновения с английскими силами, базировавшимися в зоне Суэцкого канала, да и вообще с Великобританией, которая по своим военным возможностям была несопоставима с Египтом. Но оскорбленное чувство патриотизма брало верх над всем остальным. Это проявилось и в последующем. Насер вспоминал об эпизоде, когда в феврале 1955 года в английском посольстве в Каире состоялась его первая и единственная встреча с тогдашним английским министром иностранных дел Антони Иденом. Тот выслушал негативную оценку Багдадского пакта молодым египетским президентом. Но, дав понять, что имеет дело с человеком, не разбирающимся в мировой политике, Иден оставил в стороне

тему, поднятую Насером, и стал нарочито спрашивать его о Коране, об арабской литературе. Насер увидел в этом высокомерие английских руководителей по отношению к новому Египту [19, с. 27].

В то же время необходимо отметить, что и силы Великобритании были уже не те, что раньше. По словам А. Идена, было «невозможно удерживать наше положение на Ближнем Востоке методами прошлого века» [5, с. 623]. В начале 50-х гг. XX века «Великобритания оказалась не в состоянии держать крупные силы в районе Суэцкого канала при наличии оппозиции со стороны Египта и в отсутствии американской поддержки. Кроме того, английские позиции в регионе теснил и западноевропейский капитал» [3, с. 278].

Антиимпериализм мелкобуржуазных революционеров складывался вначале под воздействием эмоций. Но все-таки брала верх политика, и решения ими принимались в основном после сопоставлений, изучения целого ряда возможных альтернатив. В таких условиях в их действиях превалировал скорее не антиимпериализм, а прагматизм. Так, после прихода к власти в Египте, Сирии, Ираке они далеко не сразу заостряли свою политику даже против бывших метрополий или западноевропейских государств, господствовавших в формально независимых арабских странах. За два дня до переворота по указанию Насера была предупреждена Англия. Через одного из «Свободных офицеров» – Али Сабри – был поставлен в известность также помощник военного атташе США Дэвид Эванс, которыйотреагировал однозначно: «Если вы не коммунисты – давайте действуйте». Как сказал Эванс, Соединенные Штаты стремятся к альянсу с Ближним Востоком для того, чтобы не допустить проникновения в этот район Советского Союза и остановить рост местных коммунистических партий.

Представителям США, и особенно Великобритании, не сообщалось, до каких пределов дойдут «Свободные офицеры», тем более когда начнутся их действия. Возможно, у Англии даже возникло предположения, что речь идет лишь о нажиме на королевский режим с целью заставить его потесниться, подвинуться в сторону демократизации общества. Однако Майлс Коплэнд, резидент ЦРУ в Каире, заявил, что американцы не только знали все по поводу подготовки переворота, но якобы Насер консультировался по этому вопросу с ними и получил «зеленую улицу». А другой представитель ЦРУ, Кермет «Ким» Рузвельт – внук президента США Теодора Рузвельта, – контактировал с офицерами сразу после их прихода к власти.

Так или иначе, но сам факт таких контактов показывает, что «Свободные офицеры» не хотели обострять отношения с Великобританией и тем более с Вашингтоном [19, с. 28].

О нежелании обострять отношения с Лондоном свидетельствует и тот факт, что свержение короля Фарука в 1952 году не означало еще конца монархии. «Свободные офицеры», заставив Фарука отречься, согласились на то, чтобы престол перешел к его сыну принцу Ахмеду Фуаду, которому не было еще и одного года. Согласились они и на то, чтобы во главе не только регентского совета, но и правительства встали родственники свергнутого короля. Лишь в июне 1953 года, то есть почти через год после переворота, Египет был объявлен республикой.

Насер и на практике повел дело к серии компромиссов с Англией: 12 февраля 1953 года с ней было подписано соглашение, предусматривающее вывод не только английских, но и египетских войск из Судана. Несмотря на то, что в этой стране было достаточно сильное движение за объединение с Египтом и такие настроения были широко распространены в самом Египте, Каир первым признал независимость Судана, фактически отказавшись от английских действий на суданском направлении. Сразу же после переворота Насер и его окружение начали переговоры с правительством Великобритании с целью получить согласие на вывод английских войск из зоны Суэцкого канала. Молодые офицеры сделали ставку на мирные политические договоренности с Лондоном о прекращении 74-летней британской оккупации Египта и добились успеха. Договор о полном выводе английских войск из Египта был подписан в Каире в октябре 1954 года.

В это время в руководстве «Свободных офицеров» взяла верх идея о сотрудничестве с Соединенными Штатами. Эта идея порой ложилась на благодатную почву: США пытались потеснить ослабленную Англию с Ближнего Востока и рассчитывали, что им удастся использовать новый режим в Египте в своих интересах. Вместе с тем Соединенные Штаты не рассматривались в арабском мире как колониальная держава, и с ними, в противовес Великобритании и Франции, связывались большие надежды.

В мае 1953 года государственный секретарь США Дж. Ф. Даллес прибыл в Каир. Одновременно американская дипломатия обещала посредническую миссию по эвакуации английской базы из зоны Суэцкого канала. Американский патронаж был принят с благодарностью [19, с. 29].

24 февраля 1955 года Вашингтону и Лондону удалось оформить турецко-иракский военный союз, получивший название Багдадского пакта (впоследствии СЕНТО). К нему официально присоединилась Великобритания, а затем Пакистан и Иран. США формально оставались за пределами СЕНТО.

Египет выступил против Багдадского пакта. Насер вспоминал, что на уговоры Идена о Багдадском пакте он ему заявлял, что с военной точки зрения так называемый северный ярус обороны без наличия глубины в этой обороне, которую (глубину) могли бы создать только арабские государства, решительно отказавшиеся от этой роли, будет стоять очень мало [4, с. 415]. Главным мотивом резко отрицательного отношения к Багдадскому пакту была уже не неудача с закупкой американского современного оружия. В Каире не могли не видеть, что, вступив в пакт, Ирак обрел военную помощь со стороны США. Но Ирак, находившийся в то время под руководством проанглийского короля Фейсала и премьер-министра Нури Саида, не мог стать и не стал примером для насеровского Египта. А прямая оппозиция к багдадскому пакту возникла по той причине, что с его помощью Египет попытались изолировать от других арабских стран.

Антони Иден перед назначением премьер-министром в апреле 1955 года предложил Насеру «пряник»: направил ему секретное послание, в котором в обмен на прекращение насеровской кампании против Багдадского пакта обещал не принимать в него ни одну арабскую страну, кроме уже вступившего в пакт Ирака. Это послание свидетельствовало, насколько действенной становилась египетская

пропаганда, особенно когда из Каира начала вещать радиостанция «Голос арабов», которую слушал весь арабский мир. Но не помогли ни давление, ни маневрирование: 29 октября 1955 года оборонительный египетско-сирийский союз был подписан [19, с. 41].

Однако отношения между Египтом и западными партнерами продолжали обостряться. По распоряжению А. Идена британские спецслужбы разработали план физической ликвидации Насера [14, с. 725]. После провала переговоров по закупке американского оружия в отношении Египта с Западом произошел еще один сбой, чрезвычайно болезненный для «Свободных офицеров». Насеру Запад оружие продавать не собирался, за исключением разве что Англии, которая продала Египту 41 танк «Центурион», 200 самоходных установок «Арчер», 70 реактивных самолетов, 2 военных корабля и 150 орудий [22, с. 209].

Провалились переговоры о предоставлении западных кредитов на строительство жизненно важной для Египта Асуанской плотины. Отказ принять ряд требований, которые, по словам Насера, означали фактическое установление контроля над финансами, бюджетом и экономикой Египта, повлек за собой аннулирование предложений со стороны американского и английского правительств и Международного банка реконструкции и развития предоставить соответственно 55, 15 и 200 млн долларов США в виде займов на сооружение плотины на Ниле.

Отказ финансировать строительство Асуанской плотины оказался неожиданным для египетского руководства, которое было в определенной степени ослеплено американскими многообещающими демаршами, призванными сорвать сделку по закупке оружия у СССР. В декабре 1955 года Вашингтон объявил даже о том, что готов вместе с Англией финансировать не только начало, но и все последующие стадии строительства на Асуане. Вдохновляло молодых офицеров и признание президента США Эйзенхауэра в отчете конгрессу США за вторую половину 1955 года, что строительство Асуанской плотины является «...ключом к способности Египта в будущем обеспечивать свое растущее население». Все эти заявления делались уже после объявления Каиром о закупке советского оружия. Все это вселяло надежду. И вдруг – скоординированный отказ.

Нужно сказать, что Египет сначала даже решил постучать в уже захлопнутую дверь. Стержнем экономической программы насеровского режима было сооружение высотной Асуанской плотины. Как известно, Соединенные Штаты первыми заявили устами Даллеса в июле 1956 года об отказе финансировать строительство Асуанской плотины. За ними через день последовала Англия. Возможно, недопонимая, что в Международном банке заправляют США и именно их отказ предопределил решение банка, Насер обратился к его президенту с просьбой взять все финансирование на себя: доля банка, как было видно из предыдущего текста, во много раз превосходила предлагавшиеся займы США и Англии. Но просьба Насера была отклонена [19, с. 44].

Несбалансированная политика США и Великобритании способствовала дальнейшей радикализации настроений египетского руководства [3, с. 279]. 27 июля 1956 года возмущенный Г. А. Насер объявил о национализации Компании Суэцкого

канала (большинство акций которой принадлежало английскому правительству) и расторг в одностороннем порядке договор между Египтом и Великобританией [20, с. 134]. Англия и Франция увидели в национализации канала угрозу своим стратегическим интересам, связанным с поставками нефти [24, с. 41].

Национализация компании была немедленно отвергнута Англией и Францией. 2 августа 1956 г. британский кабинет одобрил военную подготовку к свержению Насера и захвату канала [5, с. 629]. Однако Великобритания не собиралась уступать так просто свои позиции и начала сближение с естественным противником Египта. Отношения Израиля с Англией начали приобретать уже с начала 1956 г. дружественный характер. В январе 1956 г. во время дебатов в английской палате общин, по сообщению израильской «Джерусалем пост», министр иностранных дел С. Ллойд заявил, что «должны быть предприняты определенные действия, если будет сделана попытка изменить силой» границы Израиля» [16, с. 165].

В августе 1956 г. (т. е. уже после национализации Компании Суэцкого канала) лорд Киллерман писал на страницах лондонской «Джуиш ревью»: «Ввиду жизненных интересов Суэцкого канала пришло время для англо-израильского пакта...». Касаясь англо-израильских отношений до 1956 г., он продолжил: «Мы поддерживали нашего врага, которым Египет показал себя, против нашего потенциального друга». Ллойд подчеркнул, что это надлежит сделать в соответствии с Англо-франко-американской тройственной декларацией 1950 г. [Цит. по: 16, с. 165].

Через 24 часа после объявления о национализации английский премьер-министр получил согласие кабинета на применение силы против Насера. Президент США Эйзенхауэр, посчитав, что такие действия могут дестабилизировать обстановку на всем Ближнем Востоке, 31 июля просил Идена по телефону проявить выдержку. Франция, занимая позицию, аналогичную английской, предпочла это не афишировать и вступила в секретные переговоры с израильским руководством.

Юридическая сторона национализации компании Египтом была безупречной. Поэтому Иден не последовал рекомендации Эйзенхауэра о передаче дела в международный суд, а заявил, что речь идет о «неспособности Египта самостоятельно управлять этим важнейшим для всего мира каналом». Ни одна арабская радиостанция, даже тех стран, где правительства были тесно связаны с англичанами, не выступала против египетского лидера. Исключение составила только созданная при помощи англичан радиостанция «Братьев мусульман» на Кипре, которая регулярно обвиняла египетского президента в том, что он «тянет страну в хаос». Как рассказывал Е. М. Примакову один из ближайших коллег Насера, он опасался, что англичане, используя эту радиостанцию, готовят заговор против него в Египте. Однако события начали развиваться по другому сценарию [19, с. 47].

5 августа объединенная англо-французская военная группа начала разработку плана военной операции «Мушкетер». В Лондоне был создан общий военный штаб с отделениями в Париже, на Кипре и на Мальте [11, с. 107]. В Совете Безопасности ООН создалась тупиковая ситуация. СССР заблокировал англо-французскую резолюцию, носившую откровенно антиегипетский характер. Великобритания и

Франция заветировали резолюцию, в которой предлагалось мирное решение при сохранении Египтом управления Суэцким каналом.

Однако подготовка к нападению на Египет уже вступила в практическую фазу. 14 и 16 октября состоялся обмен визитами между французскими эмиссарами, прибывшими в Лондон, и Иденом, приехавшим в сопровождении министра иностранных дел С. Ллойда в Париж. Англия и Франция подготовили операцию в расчете на упорное сопротивление египтян [1, с. 385].

Израиль, который до этого держался в тени и имел контакты только с французами, вышел на сцену в качестве основного «забойщика» вооруженного нападения на Египет. Бен-Гурион получил гарантии от англичан, что они уничтожат египетские ВВС на земле, и потребовал, чтобы наблюдатели ООН отодвинулись со своего основного поста в Аль-Аудже [19, с. 48].

По мнению Г. Киссинджера, Великобритания и Франция, полагаясь на американскую поддержку, решили вообще не привлекать к этому делу ООН, опасаясь солидарности группы не присоединившихся стран с Египтом. Когда же дипломатические расхождения Великобритании и Франции со своим заокеанским союзником достигли предела, они обратились в ООН. Таким образом, ООН превращалась в последний барьер, через который следовало перескочить, прежде чем прибегнуть к силе и оправдать ее применение [3, с. 282]. Это было сделано.

В ночь с 29 на 30 октября 1956 г. по договоренности с Англией и Францией Израиль вторгся на Синай. Вечером 31 октября англо-французская авиация бомбардировала Каир, Александрию и города зоны Суэцкого канала. На следующий день в Порт-Саиде и других районах зоны канала были высажены англо-французские войска, оккупировавшие часть зоны канала, несмотря на сопротивление египетских войск и населения [2, с. 74]. 2 ноября правительство Великобритании объявило об установлении морской блокады египетского побережья [22, с. 226]. Парализованный франко-британским вето, СБ ООН не сумел добиться прекращения огня [3, с. 283].

В этот момент решительную поддержку Египту оказал Советский Союз. В ноте от 4 ноября 1956 г. советское правительство выразило странам-агрессорам решительный протест по поводу нарушения ими норм международного права. После того как Англия, Франция и Израиль не вняли резолюции Генеральной Ассамблеи ООН (от 2 ноября 1956 г.), 5 ноября Председатель Совета министров СССР Н. А. Булганин направил в Лондон, Париж и Тель-Авив предупреждение о том, что советское правительство полно решимости «применением силы сокрушить агрессоров и восстановить мир на Востоке» [16, с. 184].

В этом плане весьма интересны воспоминания в ту пору министра иностранных дел СССР Д. Т. Шепилова, высказанные им в интервью с Алексеем Васильевым, директором Института Африки Российской академии наук. По словам Шепилова, у советского руководства «...было твердое решение не доводить дело до военного конфликта. Но кое-какие меры психологического порядка я продумал и осуществил. Послов Франции, Англии и Израиля я вызвал ночью... На пользу дела пошла и экстравагантность Хрущева: “Черт его знает, что он может выкинуть...”» [Цит. по: 19, с. 49].

США заняли негативную позицию в отношении интервенции своих союзников в Египет. В своих мемуарах А. Иден рассказал, что США знали о готовившейся агрессии против Египта. Он писал, что как только стало известно о вступлении израильских войск на территорию Египта, «обсуждали также позицию США». Немедленно президенту Эйзенхауэру были посланы одна за другой две телеграммы. В них указывалось, что «во-первых, правительства Англии и Франции никогда не скрывали перед Вашингтоном своих планов выступить против намерений Насера» и, во-вторых, что «решающий удар» мог бы явиться хорошей возможностью «укрепить слабое звено в цепи против коммунизма». В полученном незамедлительно ответном послании, указывал далее Иден, Эйзенхауэр высказывался за то, чтобы «Англия и США быстро и ясно изложили друг другу свою настоящую позицию и намерения», с тем, чтобы в случае необходимости ничто «не помешало бы им действовать в согласии» [16, с. 184].

В ООН прошла резолюция в редакции США, призывающая прекратить войну, военные грузы воюющим странам не поставлять и отвести войска на довоенные позиции. Представителям Израиля, Англии и Франции резолюция была вручена 2 ноября. Англия и Франция предъявили Израилю и Египту ультиматум с требованием отвести войска от Суэцкого канала. Их требование носило антиегипетский характер, так как последний оборонял собственную территорию [3, с. 283].

Общественное мнение в Англии и во всем мире (что можно проследить в резолюциях и решениях ООН, в том числе от 4 и 5 ноября 1956 года [9;10]) все более враждебно относилось к кампании, поэтому командование эскадрой наложило ограничения на тип орудий, которые могли использовать корабли для поддержки десанта [23, с. 143]. 7 ноября военные действия были прекращены. Однако именно в этот день англо-французские войска захватили Порт-Саид и продвинулись вдоль Суэцкого канала на 35 км. [22, с. 229]. 22 декабря 1956 г. британские и французские войска были эвакуированы из Египта, а в марте 1957 г. из Синая и из сектора Газы были выведены и израильские войска [2, с. 74].

Внутри страны началась быстрая ликвидация позиций иностранного капитала. Правительство в ноябре – декабре 1956 г. наложило секвестр на всю собственность и акции, владельцами которых были англичане и французы. В январе – апреле 1957 г. были национализированы все английские и французские банки и страховые общества. Вслед за этим были «египтизированы», т. е. переданы египтянам или в государственные, или в частные руки, английские и французские промышленные, торговые, транспортные, подрядные, строительные и другие компании.

Провал тройственной агрессии против Египта и общее ослабление позиций Англии и Франции на Ближнем Востоке обусловили стремление США занять место бывших колониальных держав в этом регионе. В начале 1957 г. Вашингтон провозгласил «доктрину Эйзенхауэра», согласно которой была обещана военная и экономическая «помощь» любому государству региона, которое «пожелает» защитить себя от экспансии «международного коммунизма». По существу, странам, принявшим доктрину, предлагался американский неоколониалистский протекторат.

Против «доктрины Эйзенхауэра» выступил, прежде всего, Египет; большинство стран региона ее также отвергли [2, с. 75].

Участие Великобритании во вторжении в Египет резко подорвало ее позиции в арабском мире. Как считает Диана Кунц, «катастрофически плохо спланированное англо-французское вторжение в Египет разрушило все надежды на европейское колониальное возрождение в этом регионе». Форин Офис не зря опасался, что, будучи теперь тесно ассоциированной в глазах арабов с Израилем, страна потеряет многих своих прежних друзей и клиентов. Антимонархическая революция в июле 1958 г. в Ираке была еще одним ударом по британским позициям на Ближнем Востоке. Как пишет Хэлидей, «После катастрофического вторжения в Египет в 1956 г. британская оборонная политика была пересмотрена, что нашло отражение в Белой книге обороны 1957 г. Это означало, что основная ставка теперь была сделана на военные базы в Восточной Африке и к востоку от Суэца, где крупнейший из них стал Аден. В колонии была размещена штаб-квартира верховного командования английских вооруженных сил в Аравии, а в 1960 г. в Аден из Кипра переместилось Средневосточное командование» [Цит. по: 15, с. 23–24].

Нельзя обойти стороной широкий общественный резонанс и волну негодования, которую вызвала тройственная агрессия в арабских странах, в частности, в августе 1956 г. в Кувейте состоялись многолюдные демонстрации в поддержку Египта, в ходе которых произошли столкновения их участников с полицией и солдатами. Демонстранты бойкотировали английские и французские товары, выдвинули требование приостановить вывоз нефти в Англию и Францию. В ответ на отказ правительства удовлетворить это требование патриоты взорвали в Мина-эль-Ахмади в декабре 1956 г. нефтепровод, газопровод, установки по опреснению морской воды, повредили ряд нефтяных вышек. Англия была вынуждена послать в Кувейт военные корабли. Английские войска оккупировали все стратегически важные объекты в Эль-Кувейте и его окрестностях, взяли под охрану нефтепромыслы, нефтяной порт и прочие предприятия «Кувейт Ойл Компани» [6, с. 71].

Осенью 1956 г., когда началась англо-франко-израильская агрессия против Египта, в Ливане было введено чрезвычайное положение. Повсеместно в стране развернулось широкое народное движение солидарности с Египтом. Народ требовал от правительства оказать твердую поддержку египетскому народу в его борьбе, по примеру Сирии разорвать дипломатические отношения с Англией и Францией. Но правящие круги Ливана не пошли на это. Воспользовавшись напряженностью обстановки, ливанская реакция свалила негодное ей правительство Абдаллы аль-Яфи, который выступил за разрыв отношений с Англией и Францией. К власти пришел ставленник президента Шамуна – Сами Сольх [20, с. 128].

В такой кульминационный момент, как агрессия против Египта, арабские массы стояли рядом. Сирийские рабочие взорвали три насосные станции нефтепровода «Ирак петролеум компании», перекачивающего нефть в Средиземноморье, Саудовская Аравия под давлением народа объявила эмбарго на поставки нефти Великобритании и Франции, все арабские страны предприняли против этих стран дипломатические демарши.

Антиимпериализм не был изначально не только для египетских «Свободных офицеров», но и для тех, кто осуществил переворот 1958 года в Ираке. Члены нового иракского руководства заверили британских представителей, что отношения с Англией останутся важным для них приоритетом, а генерал Касем сказал послу США: «мы, иракцы, хотим добрых отношений с Соединенными Штатами» [Цит. по: 19, с. 51].

Но реакция и США и Великобритании на события, происшедшие в Ираке, развивались вне зависимости от этих заверений. В значительно большей степени подействовал замок, повешенный на входных дверях помещения, где до переворота располагался штаб Багдадского пакта. Вашингтон и Лондон могли опасаться и «цепной реакции» в арабском мире после свержения монархии в Ираке. Беспокойство на Западе, несомненно, могла вызвать также возможность сближения, а то и слияния Ирака с насеровским Египтом.

15 июля началась высадка американских морских пехотинцев в Ливане, вскоре их число достигло 20 тысяч. Одновременно в Иорданию было переброшено 6 тысяч английских солдат. Это уже была солидная военная группировка, которая по своей численности и оснащенности оставляла мало сомнений в том, что ее предназначение – не оборона Ливана и Иордании от гипотетической иракской угрозы, просматривалась опасность вооруженного вторжения американо-английских войск в Ирак. Беспокойство в этом плане вызывали позиции и Турции, и Ирана, и Пакистана, готовых силой сохранить разваливающийся Багдадский пакт и с этой целью разгромить новый режим в Ираке.

Вооруженное вторжение в Ирак не состоялось, в том числе и в результате позиции, занятой СССР, который предпринял военные меры, чтобы остудить Турцию и Иран [19, с. 51]. Многие считали, что в постколониальном арабском мире дело идет к формированию единой арабской общности, даже к воссозданию единого арабского пространства, значительная часть которого оказалась искусственно разделенной англо-французскими соглашениями. Тем более что насеровский Египет во все большей степени становился магнитом, притягивавшим к себе население других арабских стран. В них возникали не просто почитатели Насера, но группы и политические партии, объявлявшие себя насеристскими. Египетский президент выдвигался на роль признанного общеарабского лидера [19, с. 54–55].

До 1955 г. иорданская оппозиция, в которой главную роль играли политически активные палестинцы, не имела серьезной поддержки извне. Ситуация изменилась с укреплением власти Г. А. Насера в Египте в 1955 г. и переходом Каира к активной внешней политике, направленной на ликвидацию иностранного влияния в арабском мире и укрепление арабского единства. В этот период в иорданском королевстве сохранялось английское присутствие. Попытки Великобритании и США в 1955 г. включить Иорданию в Багдадский пакт привели к дестабилизации внутривнутриполитической жизни страны. Именно в это время палестинское население начало оказывать решающее влияние на внешнюю политику Иордании. Когда 6 декабря 1955 г. королевство посетил с визитом глава английского генерального штаба генерал Джеральд Темплер для обсуждения условий присоединения

Иордании к Багдадскому пакту, в стране начались митинги, демонстрации протеста и беспорядки. 13 декабря министры-палестинцы в знак протеста вышли из правительства.

Продолжавшиеся волнения привели к смещению правительства Х. аль-Маджали, роспуску парламента и назначению премьером 21 декабря Ибрагима Хашима, провозгласившего отказ от вступления в Багдадский пакт. Уступив общественному давлению, король Хуссейн 1 марта 1956 г. принял решение об отставке генерала Дж. Глабба и увольнении из Арабского легиона всех английских офицеров. Но английские войска и базы продолжали находиться на территории Иордании, а договор 1948 г. так и остался в силе.

Досрочные парламентские выборы 21 октября 1956 г. проходили в атмосфере ухудшения арабо-израильских отношений, постоянных инцидентов на линии перемирия, обострения обстановки вокруг национализации Египтом Суэцкого канала. Это привело к победе Национальной социалистической партии С. Набулси, ставшего новым премьер-министром. В его правительстве большинство мест получили представители Западного берега [7, с. 151].

Известие об англо-франко-израильской агрессии против Египта (октябрь 1956 г.) вновь всколыхнуло бахренийцев. Всеобщая забастовка возобновилась. Британские власти объявили чрезвычайное положение и стали перебрасывать на Бахрейн новые войсковые подразделения. В конце 1956 г. было объявлено о восстановлении порядка, однако правительству Англии пришлось согласиться на отставку Белгрейва и ряда ответственных чиновников [12, с. 68].

Следует заметить, что в 50-е годы XX в. шейхства и эмираты Персидского залива уже не были мировой окраиной. Быстрое развитие средств коммуникации, оперативно сообщавших о различных внутри- и внешнеполитических событиях в арабском регионе, привело к тому, что местное население оказалось втянутым в события, вызванные, например, революцией в Египте, волнениями в Южной Аравии, «Суэцким кризисом», сирийским кризисом, восстанием в Ливане, иракской революцией и другими конфликтами, которые превратили Арабский Восток в арену ожесточенной борьбы.

Попытки колониальных держав локализовать эти конфликты путем частичных уступок или методом устрашения приносили ограниченный результат. Повсеместно выдвигались требования об эвакуации иностранных войск, ликвидации баз, аннулировании концессионных и прочих договоров и соглашений [12, с. 66–67].

Хотя были и исключения. В частности, что касается Маската и Омана, страна имела очень тесные отношения с Британией, находясь под ее протекторатом с XIX в. Когда в 1951 г. была признана полная независимость государства как султаната Оман, обе страны подписали договор о дружбе [8, с. 174–175].

События в Египте повлияли и на развитие ситуации в Южном Йемене. Закрытие Суэцкого канала после его национализации оставило в Адене без работы десятки тысяч людей. Перед уходом англичане в три раза повысили зарплату офицеров и солдат. Первые стали получать более 200 английских фунтов стерлингов, а солдаты – от 60 до 80 фунтов. Для Адена это была огромная сумма. Создавалась армейская каста, которая, конечно, препятствовала всем действиям, что

могли ее ослабить. Население находилось под влиянием радиопропаганды из Саудовской Аравии против социальных преобразований, которые «могут способствовать отторжению ислама» [19, с. 91].

В 1956–1957 гг. Британия и Франция, стремясь сохранить слабеющие позиции на Ближнем Востоке и контроль хотя бы над частью арабских нефтяных месторождений, оказали помощь Израилю в его войне против Египта, вызванной спорами относительно статуса Администрации Суэцкого канала [21, с. 127].

Успехи, достигнутые израильскими войсками при поддержке Британии и Франции, были нивелированы вмешательством СССР и США, что наглядно продемонстрировало последующее оформление второстепенного положения Лондона в мировой политике и его зависимость от Вашингтона.

Список использованных источников и литературы

1. Арабо-израильские войны / Состав, приложение Б. Лозовского. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2004. – 507 с.
Arabo-izraillskiye voyny / Sostav. prilozheniye B. Lozovskogo. – М.: АСТ; SPb.: Terra Fantastica. 2004. – 507 s.
2. Арабская Республика Египет: справочник. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 355 с.
Arabskaya Respublika Egipet: spravochnik. – М.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1990. – 355 s.
3. Батенко А. В., Близняков Р. А., Малышев Д. А., Щевелев С. С. История Палестины: международный аспект (1897 – 2009 гг.) – Симферополь – Киев: Доля, 2011. – 512 с.
Batenko A. V. Bliznyakov R. A. Malyshev D. A. Shchevelev S. S. Istoriya Palestiny: mezhdunarodnyy aspekt (1897–2009 gg.) Simferopol–Kiyev: Izdatelstvo «Dolya». – 2011. – 512 s.
4. Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ, 1947–1967. В 2 т. Том 1: 1947 – 1956 / Отв. Ред. В. В. Наумкин. – М.: МФД, 2003. – 608 с.
Blizhnevostochnyy konflikt: Iz dokumentov arkhiva vneshney politiki RF, 1947–1967. V 2 t. Tom 1: 1947 – 1956 / Otv. Red. V. V. Naumkin. – М.: MFD. 2003. – 608 s.
5. Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи 1781–1997 / Пирс Брендон. – М.: АСТ, 2010. – 957 с.
Brendon P. Upadok i razrusheniye Britanskoy imperii 1781–1997 / Pirs Brendon. – М.: АСТ: АСТ MOSKVA. 2010. – 957 s.
6. Государство Кувейт: справочник. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. – 272 с.
Gosudarstvo Kuveyt: spravochnik. – М.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 1990. – 272 s.
7. Демченко А. Г. Палестинская проблема в политике Иордании, 1947–1967 / А. Г. Демченко / Отв. ред. И. Д. Звягельская. – М.: КРАСАНД, 2009. – 208 с.
Demchenko A. G. Palestinskaya problema v politike Iordanii, 1947–1967 / A. G. Demchenko / Otv. Red. I. D. Zvyagelskaya. – М.: KRASAND. 2009. – 208 s.
8. Дербишайр Д. Денис. Политические системы мира: в 2-х т. / Д. Денис Дербишайр, Ян Дербишайр. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. – Т. 2. – 496 с.
Derbishayr D. Denis. Politicheskiye sistemy mira: v 2-kh t. / D. Denis Derbishayr. Yan Derbishayr. – М.: RIPOL KLASSIK. 2004. – Т.2. – 496 s.
9. Док. ООН. Res. 998(ES-1). (1956). 4 ноября 1956 года.
Dok. OON. Res. 998(ES-1). (1956). 4noyabrya 1956 goda.
10. Док. ООН. Res. 1000 (ES-1). (1956). 5 ноября 1956 года.
Dok. OON. Res. 1000 (ES-1). (1956). 5 noyabrya 1956 goda.
11. Звягельская И. Д. История Государства Израиль / И. Звягельская. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 359 с.

- Zvyagelskaya I. D. Istoriya Gosudarstva Izrail / I. Zvyagelskaya. – М.: Aspekt Press. 2012. – 359 s.
12. Королевство Бахрейн. Опыт развития в условиях изменения ресурсной ориентации. – М.: Институт востоковедения РАН; Институт Ближнего Востока, 2006. – 292 с.
- Korolevstvo Bakhreyn. Opyt razvitiya v usloviyakh izmeneniya resursnoy oriyentatsii. – М.: Institut Vostokovedeniya RAN; Institut Blizhnego Vostoka. 2006. – 292 s.
13. Крыжко Л. А. Роль Египта в Ближневосточном конфликте (1952–1970 гг.): автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. – Всеобщая история (новое и новейшее время) – Симферополь, 2018. – 25 с.
- Kryzhko L. A. Rol Egipta v Blizhnevostochnom konflikte (1952–1970 gg.): avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.03. – Vseobshchaya istoriya (novoye i noveysheye vremya) – Simferopol. 2018. – 25 s.
14. Наумкин В. В. Ислам и мусульмане: культура и политика. Статьи, очерки, доклады разных лет / В. В. Наумкин. – М. – Н. Новгород: ИД «Медина», 2008. – 768 с.
- Naumkin V. V. Islam i musulmane: kultura i politika. Stati. ocherki. doklady raznykh let / V. V. Naumkin. – М.. N. Novgorod: ID «Medina». 2008. – 768 s.
15. Наумкин В. В. «Красные волки» Йемена. Национальный фронт в революции / В. В. Наумкин. – М.: Институт востоковедения РАН, 2003. – 380 с.
- Naumkin V. V. «Krasnyye volki» Yemena. Natsionalnyy front v revolyutsii / V. V. Naumkin. – М.: Institut Vostokovedeniya RAN. 2003. – 380 s.
16. Никитина Г. С. Государство Израиль (особенности экономического и политического развития) / Г. С. Никитина. – М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1968. – 413 с.
- Nikitina G. S. Gosudarstvo Izrail (osobennosti ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya) / G. S. Nikitina. – М.: Nauka; Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 1968. – 413 s.
17. О'Делл М. А. Внешняя политика Великобритании на Ближнем Востоке : XVIII – XXI вв. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.15 – М., 2016. – 27 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006652901> (дата обращения: 23.05.2018).
- O'Dell M. A. Vneshnyaya politika Velikobritanii na Blizhnem Vostoke : XVIII – XXI vv. : avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk : 07.00.15 – М.. 2016. – 27 s. [Elektronnyy resurs]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006652901> (data obrashcheniya: 23.05.2018).
18. О'Делл М. А. Внешняя политика Великобритании на Ближнем. Востоке (XVIII – XXI вв.): дисс. ...к. ист. н. М., 2016. – 233с. [Электронный ресурс]. URL:http://www2.rsu.ru/binary/object_46.1464869214.92676.pdf (дата обращения: 23.05.2018).
- O'Dell M. A. Vneshnyaya politika Velikobritanii na Blizhnem. Vostoke (XVIII – XXI vv.): diss. ...k. ist. n. M.. 2016. – 233s. [Elektronnyy resurs]. URL:http://www2.rsu.ru/binary/object_46.1464869214.92676.pdf (data obrashcheniya: 23.05.2018).
19. Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века) / Е. М. Примаков. – М.: ИИК «Российская газета», 2006. – 384 с.
- Primakov E. M. Konfidentsialno: Blizhniy Vostok na stsene i za kulisami (vtoraya polovina KhKh – nachalo KhKhI veka) / E. M. Primakov. – М.: ИИК «Rossiyskaya gazeta». 2006. – 384 s.
20. Современный Ливан: справочник. – М.: Издательство восточной литературы, 1963. – 263 с.
- Sovremennyy Livan: spravochnik. – М.: Izdatelstvo vostochnoy literatury. 1963. – 263 s.
21. Stoessinger J. S. Nations in darkness. China, Russia and America. 4th edition. – N–Y.: Random House, 1986. – 302 p.
22. Штереншис М. История Государства Израиль / М. Штереншис. – Герцлия: ISRADON, 2005. – 720 с.
- Shterenshis M. Istoriya Gosudarstva Izrail / M. Shterenshis. – Gertsliya: ISRADON. 2005. – 720 s.
23. Эпштейн Алек Д. Ближайшие союзники: подлинная история американо-израильских отношений. Т. I. Эпоха межгосударственных войн: от Второй мировой войны до Войны Судного дня. 1945–1973 / Алек Д. Эпштейн, Институт Ближнего Востока. – М.: Мосты культуры, 2014. – 312 с.
- Epshteyn Alek D. Blizhayshiyе soyuzniki: podlinnaya istoriya amerikano-izrailekikh otnosheniy. Tom I. Epokha mezhgosudarstvennykh voyn: ot Vtoroy mirovoy voyny do Voyny Sudnogo dnya. 1945–1973 / Alek D. Epshteyn, Institut Blizhnego Vostoka. – М.: Mosty kulturey. 2014. – 312 s.
24. Эпштейн Алек Д. Войны и дипломатия. Арабо-израильский конфликт в XX веке / Алек Д. Эпштейн. – К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2003. – 216 с.

Epshteyn Alek D. Voyny i diplomatiya. Arabo-izrail'skiy konflikt v XX veke / Alek D. Epshteyn. – K.: DUKH I LITERA. 2003. – 216 s.

Bliznyakov R. A., Malyshev D. A. The Suez crisis of 1956 in the light of the British presence in the Middle East

The authors of the article address to one of the most important aspects of international relations of the twentieth century – the hot autumn of 1956. The Suez crisis is a classic of a genre that is losing ground to colonialism and reincarnating neocolonialism in relation to the region. The researchers deliberately avoid the classical consideration of the issue in the key of «trio»: operation of «Three Musketeers», the authors also refuse to consider the issue in the previous forum – the UN, an aspect that has already been given enough attention in domestic and foreign historiography.

Thus, avoiding consideration of classical military operations, the focus was the British lion not only in the Eastern Mediterranean area, but also in the Middle East as a whole. The British factor is characterized as a British presence, as for a full-scale and stereotypical picture it is necessary to take into account the equal of all elements of the British sunset in the Middle East. Suez is a time of change and a time of new challenges for both external players and Arab States in the region. The relevance of the topic is determined by the need to study the foreign policy of the UK in such an important, from the point of view of world politics, the region, as the Arab countries of Asia, during the transformation of the status of the UK in the international arena: from a key player to a Junior partner of the United States at both global and regional level.

These processes are related to the dynamics of British policy at the particular level of the Middle East region, with the transformation of the UK's status as an actor in the region during the period under review, which has epoch-making extremes. In particular, such an extremum was the middle of the 50-ies of the twentieth century. Passionarity is due to the growth of political activity of Arab nationalist forces (primarily in Egypt) and it is during this period that we can talk about the decline of Britain's former power in the Middle East. So, this is a milestone in 1956 - the year of the Suez crisis and the Anglo-Franco-Israeli company in the Middle East. Of course, in the trio under consideration, the British violin was the first in its all-encompassing influence on the region. How this British influence changed and its projection in the form of variants of presence in the light of the events of 1956, will be discussed in the article.

Keywords: Suez crisis, Great Britain, USA, G. A. Nasser, «cold war».

УДК 94(470)

ИСТОРИЯ ПОДГОТОВКИ II ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1915 Г. В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ¹

Борщик Н. Д.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация,
E-mail: arktur4@rambler.ru*

На основании документальных материалов Российского государственного исторического архива и Государственного архива Республики Крым восстановлена история организации II Всероссийской переписи населения в Таврической губернии, проведение которой планировалось на декабрь 1915 г. Детально изучены механизм подготовки этого народоисчисления, взаимодействие центральных, региональных и местных органов власти, прослежено межведомственное сотрудничество. Актуальность подобных исторических исследований очевидна: в 2020 г. планируется проведение очередной всеобщей переписи населения в новейшей истории России, подготовку к которой уже активно ведет Росстат. Хотя традиция проведения подобных обследований у нас в стране началась с первой переписи подданных Российской империи 1897 г., до сих пор ни одно из уже проведенных статистических мероприятий не было безупречным: подготовка, проведение или полученные итоговые данные отечественных демографических исследований общества имеют критические отзывы специалистов и общественности. Использование положительного опыта дореволюционной России и извлечение уроков из прошлого поможет избежать многих ошибок при проведении последующих всероссийских переписей.

Ключевые слова: Российская империя, всероссийская перепись населения, историческая демография, история статистики.

Статистические сведения о населении страны являются важнейшим фактором, определяющим основные направления внутренней и внешней политики государства: вопросы национальной безопасности, налогообложения, социальной стабильности и пр. Неудивительно, что исследователи особенностей социально-экономической жизни пореформенной России для подтверждения или иллюстрации собственных выводов зачастую приводят количественные показатели крупнейшего статистического мероприятия к XIX в. – первой (и единственной) всеобщей переписи подданных Российской империи. В отечественной историографии имеются многочисленные труды, основным источником для которых стали опубликованные результаты народоисчисления 1897 г.: изучены история самого обследования [2], динамика численности населения [10], основные демографические показатели [4], особенности миграции [26] и т. д.

¹ Настоящая работа выполнена при поддержке Программы развития федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» на 2015–2024 годы в рамках реализации академической мобильности по проекту ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» «Поддержка академической мобильности работников университета на заявительной основе – ПМР» в федеральном государственном бюджетном учреждении «Российская национальная библиотека», г. Санкт-Петербург.

Организация Всероссийской переписи 1897 г., обработка и публикация ее результатов имели многочисленные нарекания: отстранение от подсчета итогов местных переписных комиссий и земских деятелей, некомпетентность служащих Центрального статистического комитета (ЦСК) МВД, обилие отчетных материалов, хаотичность публикуемых итогов и, самое главное, длительность обнародования ее материалов. Критичный отзыв оставил И. П. Белоконский, известный писатель и оппозиционер, заведующий Курским земским оценочно-статистическим бюро в 1895–1897 гг.: «Начало же 1897 г., именно 28 января, ознаменовалось осуществлением первой за время существования России всероссийской однодневной переписи. Она еще раз подчеркнула самовлюбленность, невероятное самомнение и ненависть к местному самоуправлению со стороны правительства. Во главе переписки был поставлен бывший свирепый губернатор Тройницкий... Тройницкому приказали – и он из губернаторов “обернулся”, как говорят в народе, в статистика, сделав из переписи абсолютную государственную тайну. <...> Под руководством того же Тройницкого началась разработка переписи, закончившаяся через <...> восемь лет, когда, собственно говоря, надо было произвести новую перепись!» [1, с. 131].

И действительно, в любом статистическом мероприятии подобного уровня можно выделить несколько этапов: организационный и подготовительный период; непосредственно перепись; обработка и публикация результатов. Для Всероссийской переписи населения 1897 г. проведение обследования растянулось на период с 1895 по 1905 г. – с момента утверждения Николаем II «Положения о Всеобщей переписи населения Российской империи» 5 июня 1895 г. и до окончания выпусков итоговых материалов по отдельным губерниям в 1905 г. [3, 11].

На наш взгляд, явно недоброжелательное отношение населения ко всероссийскому учету населения 28 января 1897 г., критика в адрес сотрудников и руководства Главной переписной комиссии Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел (далее – ЦСК), затянувшаяся публикация данных проведенного обследования, большие финансовые затраты, недоверие научной общественности к полученным результатам вызвали оправданную негативную реакцию к проведению подобных статистических операций: очередное подобное обследование центральные власти планировали провести в 1910 г., которое затем было отложено до 1915 г., но в конечном итоге так и не было осуществлено.

Общеизвестно, что механизм проведения народоисчисления России 1897 г. стал основой (при определенном усовершенствовании) для всех последующих учетов населения, в том числе в советский период и настоящее время, которые тоже вызывают нарекания у специалистов. В условиях начавшейся подготовки к очередной переписи россиян, намеченной на октябрь 2020 г., уместно рассмотреть процедуру организации так и не состоявшейся II Всероссийской переписи населения Российской империи. Это может быть важным, во-первых, при решении вопроса о полноте и достоверности итоговых данных аналогичных обследований; во-вторых, необходимо учесть утраченный ныне опыт активного взаимодействия

местных властей, органов государственной власти, общественности по сбору демографической информации.

Почему же, несмотря на большое количество отрицательных факторов, правительство все же решилось на проведение новой всенародной переписи и даже запустило механизм ее подготовки? Отметим, что состояние официальной статистики, несмотря на неоднократные попытки реорганизации отечественной статистической службы во второй половине XIX столетия, оставляло желать лучшего [8]. В регионах к учреждениям административной статистики относились созданные в 1830-е гг. губернские статистические комитеты (ГСК). В их функции входило составление статистических таблиц, требуемых ЦСК, и сбор статистических сведений, прилагаемых к отчетам губернаторов. В губернских статистических комитетах собственные исследования не проводились, а собирались сведения из различных учреждений и ведомств, местных органов власти. Так как материалы ГСК служили основанием для всей общегосударственной статистики, многие специалисты отмечали, что собранные, обработанные и изданные статистическими комитетами данные «имеют, в сущности, небольшую ценность» [6]. Широко распространенным было мнение, высказанное известным статистиком А. А. Кауфманом: «Центральный статистический комитет и Статистический совет продолжали пребывать в состоянии полного застоя, не играя решительно никакой роли не только в эволюции русской статистики как научной дисциплины, но даже в развитии вширь и вглубь нашей административной статистики, которая расплылась между десятком ведомств и в некоторых из них достигла, несомненно, высокой степени развития» [7].

В губерниях, особенно после открытия губернских и уездных земских учреждений, местные чиновники тоже достаточно критично отзывались о сборниках статистических сведений, публикуемых ЦСК: «Как ни почтенны или внешненаучны статистические труды нашего Центрального статистического комитета, существующего при Министерстве внутренних дел, тем не менее материал, в них сгруппированный и обработанный, заподозревается в своей достоверности, так как он получался не из совсем благонадежных источников (волостных правлений) или через посредства третьих лиц, умышленно скрывавших по личным соображениям истину» [24].

Поэтому в земствах стали создаваться собственные специализированные статистические учреждения – столы, отделения, которые затем повсеместно преобразовались в статистические бюро. К концу 1880-х гг. статистические органы были открыты почти во всех земствах. Земские деятели высказывали подчас достаточно смелые предложения, например, в Курской губернии ходатайствовали о закрытии местного статистического комитета «в установленном порядке» ввиду его «полной неспособности» справляться со «статистическими нуждами» [25, с. 711]. Центральные власти относились весьма настороженно к подобным инициативам, многие земские статистические учреждения были закрыты «за вольнодумство», все земские статистические исследования были прекращены; земствам разрешалось вести только оценочные статистические работы.

Тем не менее во многих губерниях Российской империи ощущался недостаток в элементарных статистических сведениях: о точном числе населенных пунктов губернии и количестве их жителей, об их грамотности и вероисповедании, о численности скота и промыслах и т. п. Эта проблема, вероятно, стояла достаточно остро, потому что среди документов Российского государственного исторического архива (РГИА) в профильном фонде ЦСК МВД встречается немало обращений региональных и местных чиновников и к руководству ЦСК, и к министру внутренних дел с просьбой разрешить проведение статистических описаний [23]. Поскольку поток подобных обращений не иссякал, в МВД был издан специальный циркуляр, разрешающий проведение статистических работ в регионах, – «О разрешении губернским управам проводить переписи населения и другие стат. работы согласно циркуляра МВД № 2008 от 9 дек. 1887 г.» [22]. Аналогичный норматив МВД от 5 марта 1904 г. № 210 всю ответственность за проведение местных статобследований возлагал на губернские власти: «...разрешение производства в губерниях статистических обследований и утверждение программ и инструкций городских управлений и земских учреждений каждой губернии по статистическим их обследованиям и работам предоставлено власти губернатора» [15].

Всего, по нашим подсчетам, в 1880–1910-х гг. в разных регионах империи было проведено более ста местных переписей отдельных губерний, уездов, населенных пунктов [14]. Но даже такое обилие проведенных местных статистических работ не давало общего представления о состоянии сельского хозяйства и промышленности в стране, развитии ремесел и промыслов, о численности населения и пр. К тому же земские подворные переписи и статистические работы, осуществленные органами городского самоуправления, значительно различались по способам и методике проведения, а их результаты невозможно было сопоставить. Не лучше обстояло и дело со статистическими приложениями к отчетам губернаторов [9]. Другими словами, правящим кругам пришлось решиться на проведение II Всероссийской переписи населения Российской империи.

Возглавил подготовительные работы по предстоящей переписи П. И. Георгиевский, профессор политической экономии Петербургского университета, председатель Статистического совета МВД, впоследствии работавший профессором кафедры политической экономии Таврического университета в Симферополе (в 1918–1920-е гг.).

Подготовка к общенародной переписи 1915 г. была начата еще зимой 1910–1911 гг. В это время П. И. Георгиевскому из МВД поступило предложение разработать проект предстоящего обследования, но сначала усовершенствовать текст Положения о Первой всеобщей переписи населения [16]. В результате длившегося с 1911 по 1913 г. обсуждения, в котором принимали участие служащие ЦСК и статистических отделов разных ведомств, представители научных статистических кругов и заинтересованной общественности, был создан проект этого норматива, который из столицы «спустили» в губернские статистические комитеты для рассмотрения и обсуждения. Новое «Положение...» мало чем отличалось от аналогичного, принятого в 1895 г. [12]. Новшеством было

предложение для полноты сведений о населении учесть все учебные заведения, в которых имелись интернаты, общежития, квартиры и пр.; переписать пациентов всех лечебных заведений (псих. лечебниц, домов умалишенных, стационарных больных); собрать сведения обо всех тюрьмах, колониях, рабочих домах, арестантских ротах; о богадельнях, приютах, «домах трудолюбия»; о фабриках и заводах с общежитиями для рабочих; о монастырях, скитах и мн. др. [17].

Одновременно началась разъяснительная работа с населением: на страницах центральных, ведомственных и региональных печатных изданий публиковались информационные материалы о целях и задачах новой переписи, ее важности как для государства в целом, так и «для местных нужд», о значении статистических сведений в государственном управлении [13, 18]. П. А. Столыпин справедливо отмечал, что «слишком темна еще главная масса нашего населения; слишком еще слабо развито понятие о статистике в населении, чтобы рассчитывать на серьезное содействие со стороны общества, а потому у нас еще долгое время придется ожидать успеха исключительно лишь от правительственной статистической деятельности» [21].

В Государственном архиве Республики Крым в фонде Таврического губернского статистического комитета сохранилось дело «О предварительных работах по второй всеобщей переписи населения. 31 марта 1914 – 31 декабря 1917 г.» [5], материалы которого дают представление о масштабе выполненных работ. Известно, что в начале 1914 г. по распоряжению Министра внутренних дел было создано Особое совещание «для обсуждения и планомерного направления» подготовительных работ по планируемому обследованию с участием «профессоров и сведущих лиц-специалистов по статистике». На этом совещании был окончательно утвержден проект переписной ведомости, причем участники особо отметили, что «при составлении <...> были приняты во внимание, с одной стороны, пожелания разных государственных и общественных учреждений, с другой – трудности, с которыми у нас связывается соби́рание сведений о населении» [5, л. 151].

28 марта 1914 г. в регионы, в том числе и в Таврическую губернию, был отправлен циркуляр № 802 за подписью директора ЦСК Н. Белявского, в котором говорилось: «для производства второй всеобщей переписи населения Империи признано необходимым ныне же приступить к составлению полных и точных списков населенных мест Империи, каковые списки должны служить основным пособием для местных переписных органов при предстоящем народоисчислении» [5, л. 5–5 об.]. Аналогичный циркуляр ЦСК МВД от 31 марта 1914 г. предписывал «ввиду необходимости при подготовительных работах по предстоящей второй переписи населения иметь подробные карты губерний по уездам с волостями, а также планы городов» [5, л. 6].

По поводу важности сбора списков населенных мест с разъяснениями выступил министр МВД Н. А. Маклаков: «Для организации переписного дела на местах необходимо заблаговременно озаботиться о полноте и точности этих списков, для чего нужно немедленно произвести самую тщательную проверку означенных списков и одновременно дополнить их... Наиболее целесообразным способом

поверки и дополнения списков представляется собрание сведений обо всех населенных местах посредством отдельных для каждого вопросных листов (бланков): А – для негородских поселений, Б – для городских». Предполагалось для этой цели задействовать уездные полицейские управления. Планировалась многоуровневая проверка собираемых сведений – в качестве низовой инстанции были задействованы стантовые приставы; их данные потом проверял уездный исправник или начальник уездной полиции; окончательные списки формировались в ГСК.

Эти нормативы были продублированы губернаторскими канцеляриями, нередко с добавлением: «имея в виду государственную важность дела всеобщей переписи населения <...> при заполнении вопросных листков <...> не произошло ошибок и упущений, в случае обнаружения которых при производстве всеобщей переписи населения таковые будут поставлены в вину как упущение по службе» [5, л. 33].

Все подлинные списки с кратким их описанием должны были быть отправлены в ЦСК не позднее 15 августа 1914 г., а списки, составленные ГСК, оставались на местах «для надобностей местных переписных комиссий по их образованию». Предполагалось и межведомственное взаимодействие – «относительно населенных мест, состоящих в ведомствах: духовном, дворцовом, военном, железнодорожном и т.п., надлежит войти в соглашения с местными представителями этих ведомств и установить наилучший способ их записи» [5, л. 10–10 об.]

Например, из материалов фонда Таврического губернского статистического комитета очевидно, что в целом в Таврической губернии успешно справились с этой задачей: Таврическое губернское правление в ЦСК направило 15 карт (карты Симферополя, Ялты, Карасубазара, Старого Крыма, Евпатории и пр.), Феодосийская и Евпаторийская уездные земские управы отправили только карты уездов, Мелитопольская и Перекопская уездные земские управы отправили подробные карты своих уездов с границами волостей. А Ялтинская уездная земская управа в ответ на требование прислать карту уезда «имеет честь представить, что подробной карты Таврической губернии ни губернским, ни уездным земством не издано. Для своих нужд Управа пользуется картой, выписанной из магазина Генерального Штаба в Петербурге, на которой границы волостей не нанесены» [5, л. 77].

Следующий этап подготовительных работ – печатание переписных бланков. Ввиду огромных расстояний и удаленности регионов от центра первоначально было решено печатать бланки на местах по единому образцу. Для выполнения подобного государственного заказа местным властям надо было собрать пакет документов: «Для определения порядка, времени и места печатания бланков и инструкций, необходимых для предстоящей второй всеобщей переписи населения, причем печатание на местах могло бы быть произведено с готовых, высланных отсюда клише, представляется надобность иметь ныне же сведения о числе имеющихся в губернских городах типографий и печатных машин»; обязательно должны быть также указаны дополнительные сведения: кто владеет типографией (частное лицо, земство, город, университет и пр.), количество машин, их двигатель (паровой,

ротационный), фабрика изготовления и технические данные машины, количество экземпляров печатания в час и пр. [5, л. 1–2 об.] В конечном итоге было решено печатать бланки централизованно и рассылать их из ЦСК в регионы.

Сведения о населенных пунктах необходимо было выслать к 1 июля 1914 г. (переписные листы А и Б), но местные чиновники Таврической губернии сообщали, что запрашиваемые бланки еще не поступили (Ялтинский уездный исправник сообщал об этом в письме от 3 мая и от 11 мая, Бердянский уездный исправник – от 19 мая, Феодосийский уездный исправник – от 20 мая, Евпаторийский – от 24 мая, Перекопский – от 28 мая Феодосийский полицмейстер – от 9 июня, Мелитопольский – от 22 июня и др.).

В Симферополе переписные бланки были получены только 25 июня 1914 г., поэтому было предложено все списки населенных мест губернии заполнить и отправить в столицу к 1 августа. Но и к этому времени уложиться не удалось потому, что «все чины полиции были заняты мобилизацией» [5, л. 120].

Несмотря на начало I мировой войны подготовительные работы по организации всенародной переписи были продолжены. 15 сентября 1914 г. состоялось очередное совещание Статистического совета МВД под руководством П. И. Георгиевского, где был утвержден проект переписного листа формы А для «негородского» населения. В отличие от переписных бланков 1897 г. теперь вопросы стали более конкретны. Переписной лист образца 1915 г. состоял из 23-х вопросов (против 14-ти по переписи 1897 г.).

В первом вопросе предлагалось помимо имени (прозвища) указывать имеющиеся физические недостатки – слепой, глухой, умалишенный, слабоумный и пр. Нужно было указать свой возраст, пол, отдельно сообщить, кем записанный приходится главе хозяйства и отдельно главе семьи. Как и в переписи 1897 г., вопрос о национальности решался на основе данных о родном языке. Но самостоятельным был и вопрос о разговорном языке, и о знании русского языка. Предполагалось также выяснить, умеет ли подданный читать и писать (по-русски или на другом языке), причем если написать может только свою фамилию, то считался неграмотным; где обучался или у кого, название учебного заведения. Были вопросы, касающиеся происхождения опрашиваемых: где родился, где проживает. Пять вопросов из переписного листа было посвящено экономическим показателям: выяснялись источники существования респондентов, их основные и вспомогательные занятия с указанием профессии, отрасли и специальности, статуса (хозяин, служащий, работник, ученик и пр.), постоянная или сезонная занятость [20].

Проект переписного бланка был разослан по губерниям для обсуждения и внесения возможных поправок, предложений и пр.

К концу 1914 – началу 1915 г. была полностью разработана и утверждена вся документация: переписные бланки и ведомости, инструкции для переписчиков. И «Наставления городским счетчикам», и «Наставления сельским счетчикам» содержали одинаковые разделы: «общие правила», «положение и обязанности», «действия до дня, к которому приурочена перепись», «действия в день, к которому

приурочена перепись» и пр. Достаточно подробно в инструкциях были прописаны «правила для заполнения отдельных граф переписной ведомости» [19].

Тем не менее, несмотря на уже предпринятые колоссальные усилия по организации новой всеобщей переписи населения Российской империи, военные действия 1915 года потребовали внести определенные коррективы и в организацию переписных работ. Мобилизация тысяч мужчин, огромная нагрузка на экономику, территориальные потери России, поток беженцев из оккупированных губерний заставили правительство отказаться от проведения этого статистического мероприятия. Хотя «Особое совещание по вопросу о подготовительных работах по второй переписи населения» работало до 11 мая 1916 г., уже к середине 1915 г. Центральный статистический комитет возвратил «за ненадобностью» Таврическому ГСК присланные им в 1914 г. карты и планы местностей. Позже и П. И. Георгиевский, и другие видные статистики того времени «к своему большому сожалению» называли планировавшуюся перепись «несостоявшейся» [27].

Таким образом, подготовка к новой всеобщей переписи подданных Российской империи, намеченной на декабрь 1915 г., была более качественной по сравнению с предыдущим обследованием. Анализ недостатков при проведении всенародной переписи 1897 г. позволил устранить многие из них уже на подготовительном этапе: благодаря участию научной общественности и статистиков-практиков были усовершенствованы переписные бланки и ведомости, разработаны новые инструкции для переписчиков, упорядочен документооборот, проведена разъяснительная работа с населением и пр. Благодаря четкой организации все подготовительные работы по переписи 1915 г. были выполнены в установленные сроки и в полном объеме. И только начало Первой мировой войны в 1914 г. помешало осуществлению этого грандиозного статистического мероприятия.

Список использованных источников и литературы

1. Белокопский И. П. В годы бесправия (Дань времени. Ч. II). – М., 1930. – 160 с.
Belokonskij I. P. V gody bespraviya (Dan' vremeni. CH. II). – M., 1930. – 160 s.
2. Борщик Н. Д. История первой всеобщей переписи населения 1897 г. (на примере Курской губернии): Дис. ... канд. ист. наук. – Курск, 2003. – 205 с.
Borshchik N. D. Istoriya pervoj vseobshchej perepisi naseleniya 1897 g. (na primere Kurskoj gubernii): Dis. ... kand. ist. nauk. – Kursk, 2003. – 205 s.
3. Борщик Н. Д. Первая всеобщая перепись населения 1897 г.: делопроизводство и документооборот // Вестник РГГУ. Серия: «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». – 2017. – № 3. – С. 45–53.
Borshchik N. D. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya 1897 g.: deloproizvodstvo i dokumentooborot // Vestnik RGGU. Seriya: «Dokumentovedenie i arhivovedenie. Informatika. Zashchita informacii i informacionnaya bezopasnost'». – 2017. – № 3. – S. 45–53.
4. Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. Сб. статей / Под ред. А. Г. Вишневого. – М.: Статистика, 1977. – 246 с.
Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i SSSR. Sb. statej / Pod red. A.G. Vishnevskogo. – M.: Statistika, 1977. – 246 s.
5. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 61.
Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK). – F. 39. – Op. 1. – D. 61.
6. Каблуков Н. А. Теория и методы статистики: Основные моменты ее развития: Краткий очерк статистики народонаселения. – М., 1915. – 346 с.

Kablukov N. A. Teoriya i metody statistiki: Osnovnye momenty ee razvitiya: Kratkij ocherk statistiki narodonaseleniya. – М., 1915. – 346 s.

7. Кауфман А. А. Статистическая наука в России: Теория и методология, 1806–1917, историко-критический очерк. – М., 1922. – 564 с.

Kaufman A. A. Statisticheskaya nauka v Rossii: Teoriya i metodologiya, 1806–1917, istoriko-kriticheskij ocherk. – М., 1922. – 564 s.

8. Котельников А. Н. История производства и разработки Всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. – СПб.: Новая жизнь, 1909. – 123 с.

Kotel'nikov A. N. Istoriya proizvodstva i razrabotki Vseobshchej perepisi naseleniya 28 yanvarya 1897 g. – SPb.: Novaya zhizn', 1909. – 123 s.

9. Минаков А. С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи: современные проблемы историографии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2. – С. 5–24.

Minakov A. S. Vsepoddannejshie otchety gubernatorov Rossijskoj imperii: sovremennye problemy istoriografii // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. – 2016. – № 2. – С. 5–24.

10. Михайловский В. Г. Факты и цифры из русской действительности. I. Население России по первой всеобщей переписи // Новое слово. – 1897. – № 9 (июнь). – С. 97–117.

Mihajlovskij V. G. Fakty i cifry iz russoj dejstvitel'nosti. I. Naselenie Rossii po pervoj vseobshchej perepisi // Novoe Slovo. – 1897. – № 9 (iyun'). – С. 97–117.

11. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. [СПб.], 1897–1905 / Сайт Электронной библиотеки Государственной публичной исторической библиотеки. – [Электронный ресурс] – URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/12632-pervaya-vseobshchaya-perepis-naseleniya-rossijskoj-imperii-1897-goda-spb-1897-1905> (Дата обращения: 14.04.2018).

Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 goda. [SPb.], 1897–1905 / Sajt EHlektronnoj biblioteki Gosudarstvennoj publichnoj istoricheskoy biblioteki. – [EHlektronnyj resurs] – URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/12632-pervaya-vseobshchaya-perepis-naseleniya-rossijskoj-imperii-1897-goda-spb-1897-1905> (data obrashcheniya: 14.04.2018).

12. Положение о Первой всеобщей переписи населения Российской Империи // Правительственный вестник. – 1895. – № 160. – 25 июля.

Polozhenie o Pervoj vseobshchej perepisi naseleniya Rossijskoj Imperii // Pravitel'stvennyj vestnik. – 1895. – № 160. – 25 iyulya.

13. Приготовления ко Всеобщей переписи населения // Правительственный вестник. – 1896. – № 188. Prigotovleniya ko Vseobshchej perepisi naseleniya // Pravitel'stvennyj vestnik. – 1896. – № 188.

14. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1290. – Оп. 2. – Д. 188, д. 192, д. 193, д. 196 и др.

Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. (RGIA). – F. 1290. – Op. 2. – D. 188, d. 192, d. 193, d. 196 i dr.

15. РГИА. – Ф. 1290. – Оп. 2. – Д. 838. – Л. 1–1 об.

RGIA. – F. 1290. – Op. 2. – D. 838. – L. 1–1 ob.

16. РГИА. – Ф. 1624. – Оп. 1. – Д. 17.

RGIA. – F. 1624. – Op. 1. – D. 17.

17. РГИА. – Ф. 1624. – Оп. 1. – Д. 27.

RGIA. – F. 1624. – Op. 1. – D. 27.

18. РГИА. – Ф. 1624. – Оп. 1. – Д. 28.

RGIA. – F. 1624. – Op. 1. – D. 28.

19. РГИА. – Ф. 1624. – Оп. 1. – Д. 30, д. 31.

RGIA. – F. 1624. – Op. 1. – D. 30, d. 31.

20. РГИА. – Ф. 1624. – Оп. 1. – Д. 31.

RGIA. – F. 1624. – Op. 1. – D. 31.

21. РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 3. – Д. 97. – Л. 81 об.

RGIA. – F. 1276. – Op. 3. – D. 97. – L. 81 ob.

22. РГИА. – Ф. 1290. – Оп. 2. – Д. 324.

RGIA. – F. 1290. – Op. 2. – D. 324.

23. РГИА. – Ф.1290. – Оп. 2. – Д. 96, д. 99, д. 101 и др.
RGIA. – F.1290. – Op. 2. – D. 96, d. 99, d. 101 i dr.
24. Рошток А. И. Земство и статистика // Русский вестник. – СПб., 1888. – Т. 196. – С. 137–176.
Roshtok A. I. Zemstvo i statistika // Russkij vestnik. T. 196. SPb., 1888. S. 137–176.
25. Сборник постановлений Курского губернского земского собрания с 1865 по 1891 гг. – Курск: Изд. Курск. губ. земства, 1893. – 1480 с.
Sbornik postanovlenij Kurskogo gubernskogo zemskogo sobraniya s 1865 po 1891 gg. – Kursk: Izd. Kursk. gub. zemstva, 1893. – 1480 s.
26. Тихонов Б. В. Переселения в России во второй половине XIX в. По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. – М.: Наука, 1978. – 117 с.
Tihonov B. V. Pereseleniya v Rossii vo vtoroj polovine XIX v. Po materialam perepisi 1897 g. i pasportnoj statistiki. – M.: Nauka, 1978. – 117 s.
27. Юбилейный сборник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. 1863–1913. – СПб., 1913. – 467 л.
Yubilejnyj sbornik Central'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennih del. 1863–1913. – SPb., 1913. – 467.

Borshchik N. D. History of preparation II All-Russian census of the population Russian empire in 1915 in the Tauric government

In this paper, on the basis of documentary materials of the Russian State Historical Archive and the State Archive of the Republic of Crimea is an attempt to trace the organization of the II All-Russia population census in the Tauride province, which was planned to hold in December 1915 studied in detail the mechanism of the preparation of this narodoischisleniya, interaction between central, regional and local authorities authorities, interdepartmental cooperation has been traced. The relevance of such historical research is obvious: in 2020, it is planned to hold the next general census in the newest history of Russia, the preparation for which is already actively conducted by Rosstat. Although the tradition of conducting such surveys in our country began with the first census of the subjects of the Russian Empire in 1897, so far, none of the already conducted statistical activities was not flawless: preparation, carrying out or received by the summary data of domestic demographic studies of society have critical comments of experts and the public. Using the positive experience of pre-revolutionary Russia and drawing lessons from the past will help to avoid many mistakes in the conduct of subsequent All-Russian censuses.

Keywords: Russian Empire, All-Russian population census, historical demography, history of statistics.

УДК 904

ПОЗДНЕСКИФСКИЕ «ЗЕМЛЯНКИ» ГОРОДИЩА КАРА-ТОБЕ

Внуков С. Ю.

*Институт археологии РАН,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: vnukovs@mail.ru*

Изучены заглубленные в грунт сооружения, открытые в позднескифских слоях городища Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму (I в. до н. э. – начало II в. н. э.), обычно называемые позднескифскими землянками. Такие конструкции известны и на прочих синхронных поселениях Западного и Центрального Крыма. Большинство землянок Кара-Тобе имеют округлую форму диаметром около 3 м, две поздние землянки – подпрямоугольные. Вдоль их стенок расположена приступка-ступенька, обложенная плоскими камнями или сырцовыми блоками. Рассматриваются место землянок в застройке, их конструкция, стратиграфия, хронология. Установлено, что они выкапывались на незастроенных участках, использовались очень недолго, после чего специально засыпались. Надежных данных о назначении землянок получить не удалось. Предполагается их возможное использование для погребально-поминальных собраний, но этот вопрос остается открытым. Подобные сооружения являются одной из характерных черт позднескифской культуры Крыма.

Ключевые слова: Северо-Западный Крым, городище Кара-Тобе, позднескифская культура, позднескифские землянки.

Круглые, реже четырехугольные заглубленные в землю сооружения встречаются на многих позднескифских поселениях Крыма. Первая такая конструкция была обнаружена в 1934 г. П. Н. Шульцем на городище Кара-Тобе у г. Саки [1, с. 273–275, рис. 73–75]. Он интерпретировал ее как основание заглубленной в слой «юрты-зимника», имевшей 2 слоя каркасной конической крыши. Коляя каркаса ее внешнего покрытия упирались в дневную поверхность за пределами котлована конструкции, а внутреннего – в верхнюю поверхность пристенной ступеньки внутри его стенок. Основанием для столь необычной реконструкции послужили 2 концентрических круга ямок от наклонных шестов, якобы выявленных вокруг и внутри котлована конструкции (рис. 1, а). Такая интерпретация подобных сооружений сначала получила распространение среди исследователей [2, с. 85; 3, с. 83; 4, с. 11, 12], хотя сам термин «юрта» был неудачен. Полуземляночное стационарное сооружение с конической крышей типа чума не имеет ничего общего с разборной каркасной юртой тюрко-монгольских кочевников [5, с. 43]. На фотографиях раскопа П. Н. Шульца ясно видно, что при зачистке «юрты» были тщательно выбраны все норки сусликов, во множестве прорезающие культурный слой памятника (рис. 1, б), но на план были нанесены только те из них, которые вписывались в окружности от «каркаса крыши» [1, с. 274, рис. 74]. Это создало впечатление концентрической системы (рис. 1, а).

Сейчас термин «юрта» практически не применяется к подобным конструкциям. Но единого мнения об их назначении до сих пор не сложилось. Их считают жилыми [2, с. 85; 8, с. 11; 9, с. 9–11; 10, с. 115; 11], хозяйственными [12, с. 186], даже «сторожевыми» сооружениями [13, с. 149, 150], или же применяется нейтральный термин «земляночная

структура» [14, с. 94, 95]. В данной статье используется условный термин «позднескифская землянка», хотя конструктивно такие сооружения являются полуземлянками. Это округлые или четырехугольные заглубленные конструкции с земляной ступенькой («приступкой», «лежанкой») вдоль стенок. Они впущены в грунт более чем на 0,6 м. Боковая поверхность пристенной ступеньки обложена плоскими камнями или сырцовыми блоками (рис. 2, а, б). Иногда стенки землянок обмазывались глиной или, редко, обкладывались рваными камнями в 1 слой. Прочие заглубленные позднескифские сооружения здесь не рассматриваются.

На городище Кара-Тобе открыто 22 таких землянки – больше, чем на любом другом памятнике (рис. 3). Все они сохранились не полностью. Даже если их удастся проследить на весь диаметр и глубину, почти все они прорезаны более поздними ямами (рис. 2, 3). Поэтому ряд признаков у некоторых сооружений просто не сохранился.

Все открытые на Кара-Тобе землянки расположены на пустырях, которые во время их сооружения не были застроены. Обычно это периферия жилых кварталов, использовавшаяся также для устройства зерновых ям (рис. 3). В центре городища, на площади позднескифской цитадели, землянки единичны. Ни одна из них не имела планировочной связи с каким-либо жилищно-строительным комплексом городища. Та же закономерность расположения землянок отмечена на Калос Лимене [11, с. 238; 14, с. 99).

Из 22 раскрытых на Кара-Тобе землянок пять (ок. 23 %) выкопаны на местах уже засыпанных более ранних аналогичных сооружений (землянки 4, 5, 8, 15, 20 – см. рис. 3; рис. 4). При этом, судя по стратиграфии, промежуток между сооружением ранней и поздней землянок обычно не превышал периода жизни одного поколения или был даже короче. Устройство нескольких землянок в одном и том же месте не могло быть случайным. Возможно, существовали какие-то традиционные участки для их сооружения.

Первые землянки Кара-Тобе были выкопаны не ранее 2 четверти I в. до н. э., вскоре после разрушения греческой крепости строительного периода I. Они впущены из наслоений зольника, образовавшихся при разборке, расчистке и перестройке сооружений периода I (горизонт 2₀; периодизацию наслоений городища см.: [15, с. 67, 68; 16, с. 45–47; 17, с. 22; 18, с. 167, 168]. Землянки прорезают сырцовый завал разрушений этих помещений или эллинистические отложения того же зольника. Две ранние землянки были перекрыты стенами скифской цитадели, построенными около 3 четверти I в. до н. э. (строительный горизонт 2а). Ни одна землянка не относится ко времени существования греческой крепости. Они появляются только после возвращения скифов на оставленное греками поселение.

Большинство открытых на Кара-Тобе землянок имеют округлую или овальную форму (рис. 1, а; 2–4). Только 2 сооружения (14 и 20) четырехугольные в плане (рис. 3; 5). Они датируются последними периодами существования городища. Вдоль стенок всех землянок расположена невысокая ступенька. Диаметр округлых землянок колеблется в пределах 2,6–3,7 м, размеры двух подпрямоугольных – около 2,3 х ≈2,8 м и ≈3,3 х 4,0 м. Максимальная глубина колеблется от 0,75 м до 1,25 м (прослежена у 15 землянок).

Диаметр центральной части (пола) землянки зависит от внешнего диаметра сооружения и ширины ступеньки вдоль его стенки. Пол ограничен обкладкой ступеньки, которая не всегда параллельна внешней стенке. Порой этот контур состоит из прямолинейных отрезков, из-за чего он приобретает угловатую форму (рис. 4). Диаметр пола круглых землянок колеблется в пределах 1,7–2,6 м, у двух прямоугольных сооружений его размер 2,4 х 2,7 м и 1,6 х 2,1 м (табл. 1). Таким образом, площадь пола большинства землянок составляет всего 3–5 м².

Размеры пристенной ступеньки различаются даже в одной землянке. Ее высота от пола колеблется от 18 до 31 см, ширина изменяется в пределах 30–70 см. Верхняя поверхность ступеньки обычно имеет уклон к центру землянки от 2–3 до 17 см.

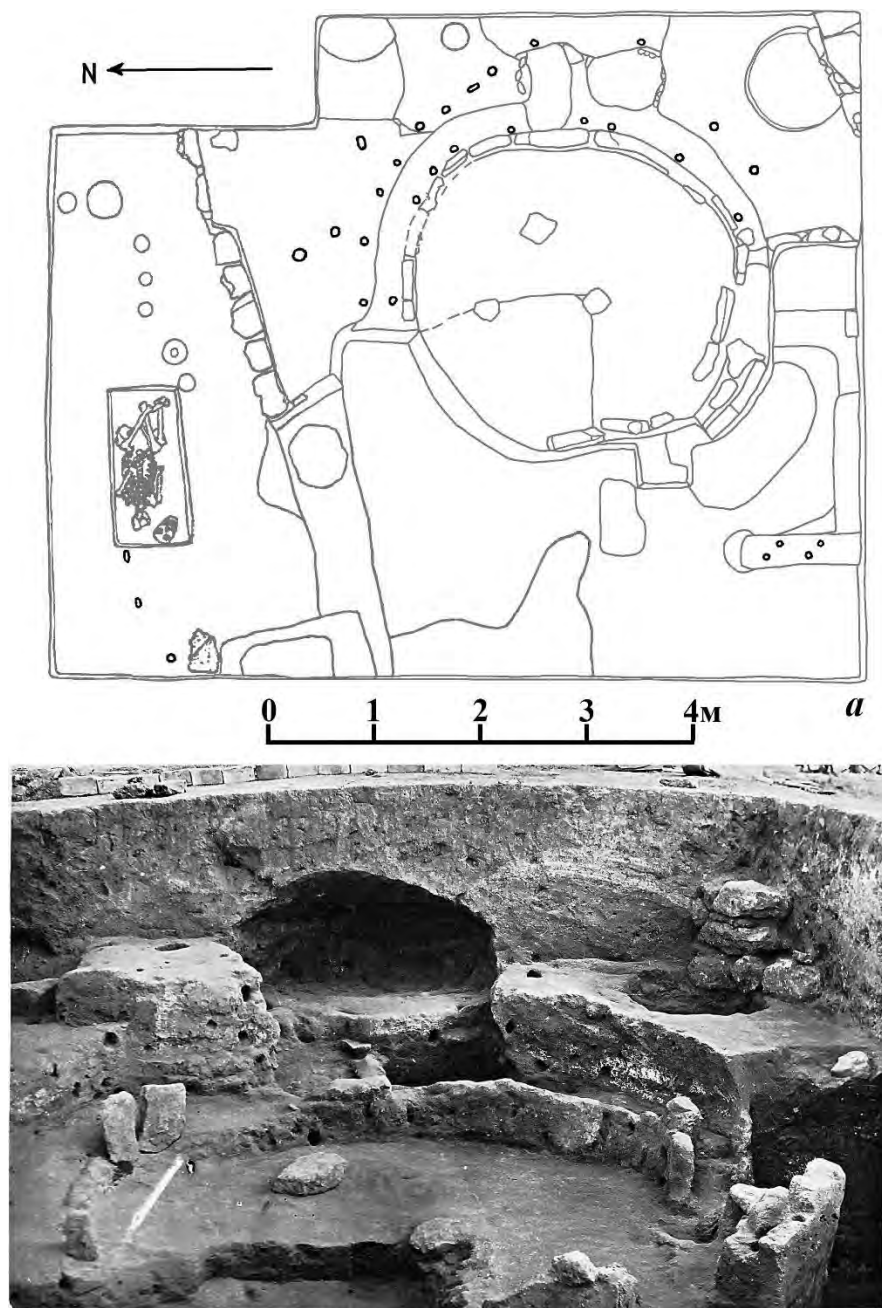
Фиксируемая высота внешней стенки землянки над ступенькой колеблется от 0,4 до 1,0 м, обычно составляя 0,6–0,8 м. Учитывая уклон конической крыши, такая высота позволяла сидеть на пристенной ступеньке, но не стоять на ней.

Пол в центральной части землянки, как правило, имеет уклон к центру до 10 см. Глиняная намазка пола, характерная для позднескифских наземных помещений, зафиксирована только в землянках 2 и 16. В остальных случаях пол представлял собой утоптанную поверхность нижележащего материка или зольника. Во всех землянках над ним залегала прослойка золисто-глинистого натопа микрослоистой структуры толщиной 1–7 см, к центру она утолщается. Толщина натопа в землянках, целиком выкопанных в культурном слое, как правило, больше.

В землянках Кара-Тобе ни разу не обнаружено следов центрального подпорного столба (ямка с забутовкой в центре пола или опорные камни под столб). Вместе с тем в некоторых землянках на соседних памятниках такие следы отмечались исследователями – Калос Лимен [11, с. 241, 243, 245], Керкинитида [10, с. 113], Южно-Донузлавское [19, рис. 20], Неаполь [8, рис. 3, 3] и др.

Боковая поверхность ступеньки всех землянок Кара-Тобе обложена прямоугольными сырцовыми блоками или плоскими рваными камнями, стоящими орфостатно (рис. 1, 2, 4, 6). В некоторых из них для обкладки применялись только сырцовые блоки, в 9 землянках наряду с блоками использовались и камни. Нет ни одной землянки, в которой обкладка была бы сделана только из камней. Это связано с дефицитом камня в районе Кара-Тобе. По этой же причине камни обкладки в некоторых случаях выбирались для повторного использования перед засыпкой землянки.

Прослежено 2 способа сооружения ступеньки в землянках. В рыхлом грунте обычно сначала выкапывали котлован нужной глубины с отвесными стенками, которые плавно или под прямым углом переходили в дно. Затем в дне вдоль стенок на расстоянии равном примерной ширине будущей ступеньки делалась неглубокая (2–6 см) канавка шириной до 15 см. В нее на ребре устанавливали сырцовые блоки или камни обкладки. Пространство между обкладкой и стенкой котлована засыпалась выбросом из котлована до уровня верха обкладки. В плотном грунте при рытье котлована внизу вдоль стенок сразу оставлялся уступ. Затем на необходимом расстоянии от него делалась канавка для обкладки ступеньки, при этом корректировалась ширина ступеньки. Щель между обкладкой и уступом также засыпалась.

б

Рис. 1. Кара-Тобе, разведочный раскоп П. Н. Шульца 1934 г. с позднескифской «юртой»: а – глазомерный план [по: 1, с. 274, рис. 74]; б – общий вид «юрты» с запада (фото из архива О. Д. Дашевской)

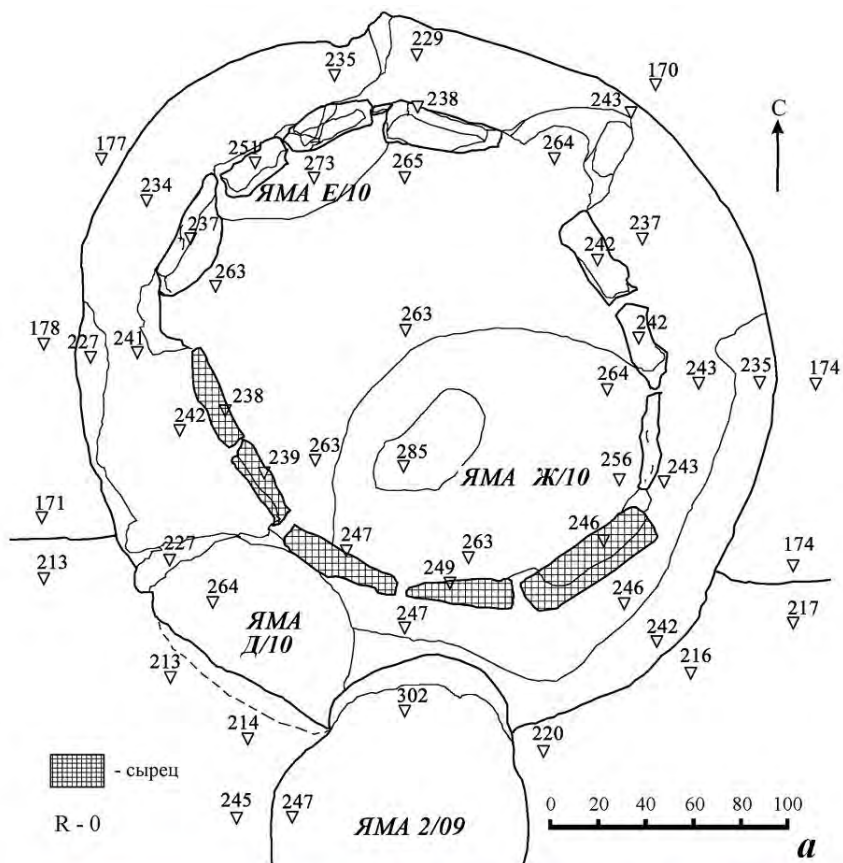

Рис. 2. Кара-Тобе, землянка 17: а – план; б – вид с юга

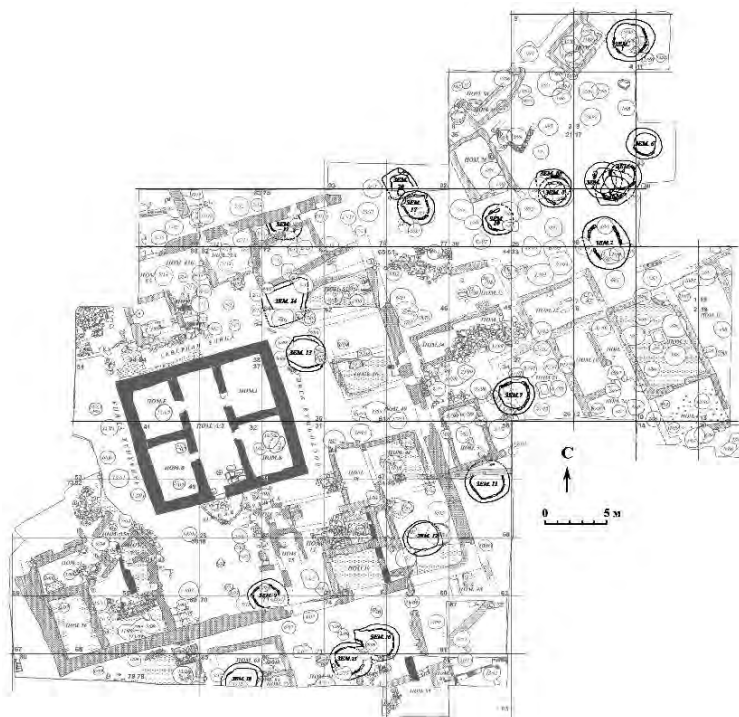

Рис. 3. Кара-Тобе, план раскопа на уровне скифского строительного периода II (горизонт 2а)

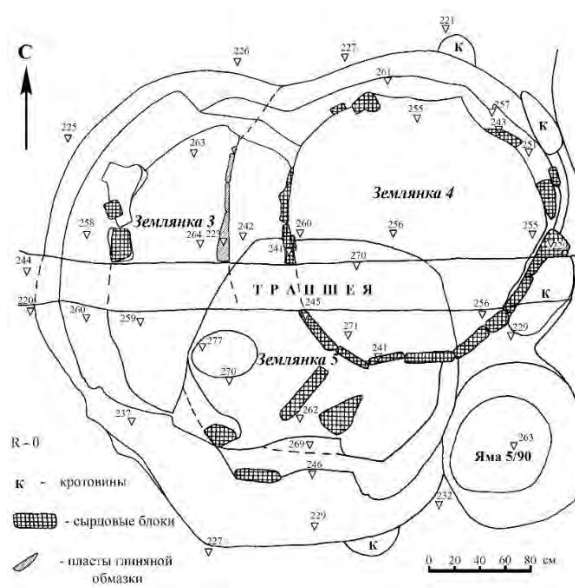

Рис. 4. Кара-Тобе, землянки 3–5, план

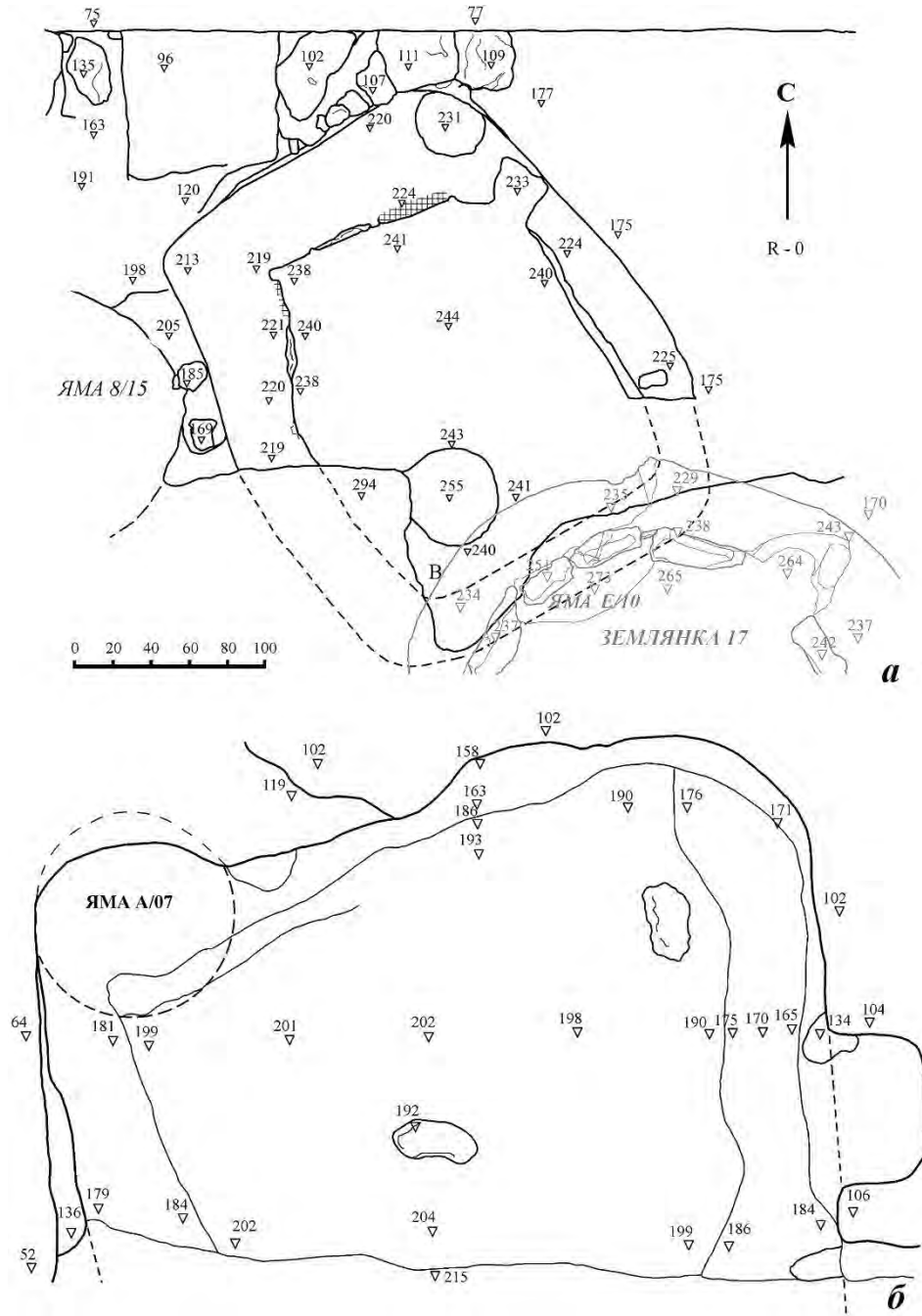

Рис. 5. Кара-Тобе, подпрямоугольные землянки, планы:
 а – землянка 20; б – землянка 14

а

б

*Рис. 6. Кара-Тобе, обкладка пристенной ступеньки:
а – землянка 16; б – землянка 17*

а

б

Рис. 7. Кара-Тобе, штукатурка и обмазка стенок: а – землянка 18, пристенная ступенька с обмазкой жидкой глиной и отпечатками вертикальных кольев; б – землянка 16, глиняная штукатурка стенки

а

б

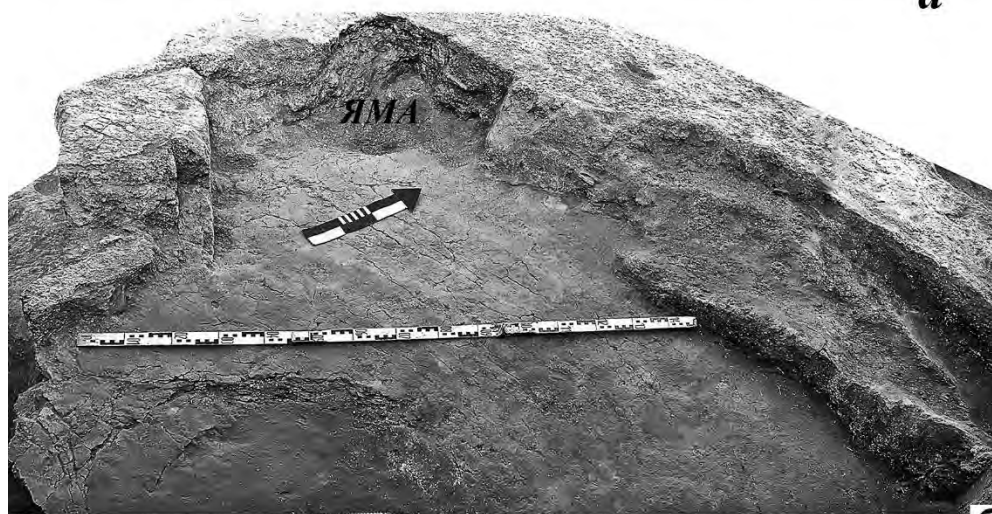

в

Рис. 8. Ямки в ступеньках землянок: а – землянка 15; б, в – землянка 20 (б – после выборки, в – до выборки)

а

б

Рис. 9. Входы в землянки: а – землянка 6, следы входа-спуска с отпечатками опор приставной лестницы? (выделены стрелками; золистый на топ над полом убран); б – землянка 16, следы входа-пандуса в западной стенке

а

б

Рис. 10. Отпечатки кольев в обкладках ступенек: а – землянка 15, б – землянка 18

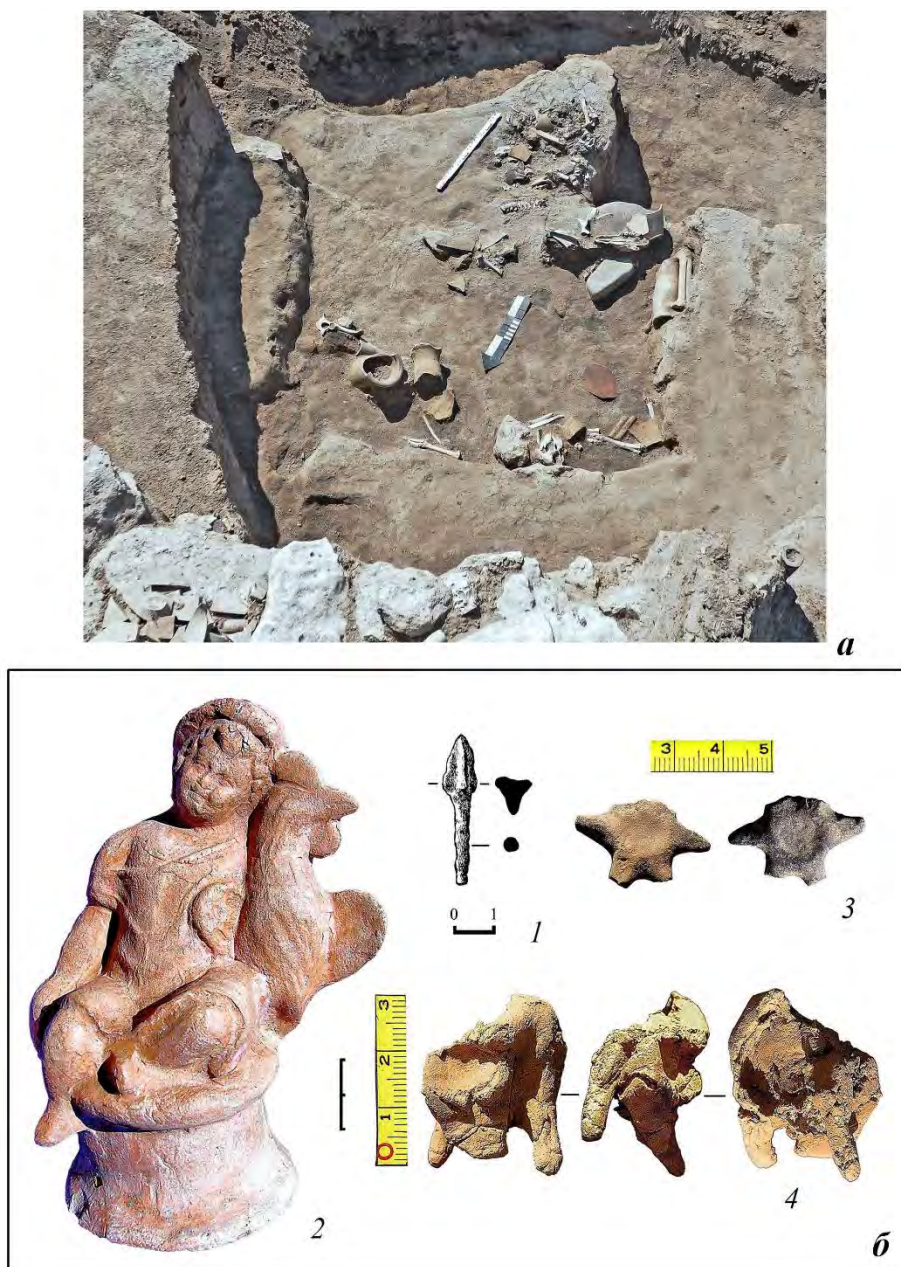

Рис. 11. Находки из землянок: а – скопление материала на полу землянки 20; б – находки из прочих землянок: 1 – стрела железная (земл. 20), 2 – терракотовая статуэтка (земл. 14), 3, 4 – поделки из обожженной глины (земл. 17)

Верхняя и боковая поверхности ступеньки в землянках 1, 2, 11 и 18 были покрыты глиняной обмазкой толщиной 1–2 см. Ею же замазаны швы между сырцовыми блоками или камнями. Иногда для этого использовалась сильно разведенная глина, наносившаяся с помощью мягкого мокрого материала, так что швы между блоками обкладки не просматриваются (рис. 7, а). На верхней поверхности ступеньки золистый натоп отсутствует или его толщина, как правило, не превышает 1–2 см.

Внешние стенки землянок практически вертикальные. В 5 сооружениях они были покрыты тонким слоем глиняной штукатурки толщиной 1–2 см, порой переходящим на поверхность ступеньки (рис. 7 а, б). В землянке 15 обмазка стен была покрыта известковой побелкой. В землянке 12 штукатурки на стенке нет, но внизу сохранилась такая же побелка прямо по прорезанному котлованом слою сырцового завала. Никаких повторных подмазок штукатурки или побелки ни разу не зафиксировано.

В шести землянках Кара-Тобе у границы пола или на ступеньке обнаружено по одной неглубокой ямке (рис. 8, а, б); еще в двух землянках они предполагаются. Система в их расположении не просматривается, но чаще они встречаются в западной и южной частях землянок, а на востоке не отмечены ни разу. Ямки округлые, полусферические или подконические. Их диаметр – 15–50 см, глубина – 7–15 см. Они явно не столбовые. Все ямки прорезают натоп на дне землянок и выкопаны в конце их использования.

Среди них выделяется ямка в полу в южном углу четырехугольной землянки 20 (рис. 5, а; 8, б). В плане она округлая, диаметром около 0,5 м, глубиной до 0,15 м. Заполнение – легкий черный гумусированный слой с золой и углями. В нем находилось почти 300 обломков костей козлят или ягнят и несколько позвонков дельфина, частично лежавших в анатомическом порядке. Некоторые кости обожжены, но следов огня в ямке нет. Вверху лежало несколько стенок амфор и обломки лепного черпака с ручкой (рис. 8, в). Ямка очень напоминает фависсу, но ее заполнение отличается от заполнения обычных фависс на городище. В последних, как правило, лежит полный расчлененный скелет одного ягненка/козленка без следов огня. Кости дельфина в фависсах не встречались. В данной ямке кости мелко раздроблены, обгорели, количество особей определить невозможно. Тем не менее она тоже, видимо, была культовой и содержала остатки сожжения на стороне.

Все другие ямки в землянках заполнены рыхлым слоем, не отличимым от заполнения сооружений. Функция их не ясна, не исключено, что они также использовались для культовых целей, возможно, для возлияний.

Схожие ямки зафиксированы и в землянках Калос Лимена. Мелкие углубления, расположенные у края пола, по мнению В. Б. Уженцева, служили для установки неких «переносных жаровен» для отопления [11, 1994, с. 242, 243; 14, с. 95]. Что это такое – не ясно. Никаких переносных жаровен на синхронных позднескифских памятниках Крыма не известно, ничего, похожего на остатки жаровен, в землянках не обнаружено. Поэтому логично предположить, что некоторые из этих ямок имели то же назначение, что и ямки в землянках Кара-Тобе.

Вход у подавляющего большинства землянок, сохранившихся на всю округность, никак не выделяется. Это позволяет справедливо предполагать, что спуск в них обычно осуществлялся по приставным лестницам [3, с. 83; 13, с. 150; 10, с. 113; 12, с. 184]. Возможно, на Кара-Тобе местоположение таких лестниц прослежено в землянках 5 и 6. В землянке 6 она была расположена в северной части и выделяется мощным (10–12 см) слоем натопа на узком участке ступеньки с четкими границами шириной 0,7–0,8 м (рис. 9, а). Натоп перекрывал поверхность ступеньки, сырцовую обкладку и с нее языком спускался на утопанный пол, где выклинивался к центру землянки. В натопе зафиксированы 3 пары неглубоких подпрямоугольных одинаковых углублений, которые могут быть отпечатками опор ставившейся здесь приставной лестницей шириной ок. 0,5 м (рис. 9, а).

В землянке 5 участок ступеньки шириной 0,6–0,7 м был полностью стоптан до уровня пола, так что ступенька превратилась здесь в короткий пандус. Отпечатки лестницы не прослеживались.

В редких случаях фиксируется более или менее четко оформленный разрыв в стенке землянки, который, видимо, служил пологим спуском в нее. Такой вход-пандус был открыт на городище Чайка в южной короткой стенке подовальной землянки 1979 г. со стенками, обложенными камнем. Проем был оформлен более крупными камнями. К нему снаружи вел пологий утопанный пандус. Еще одна землянка с входом-пандусом была открыта на Калос Лимене [11, с. 242; 14, с. 94, № 5]. Он представлял собой разрыв шириной около 0,95 м в южной стенке котлована землянки и в ступеньке. Внутри по его сторонам открыты 2 столбовые ямки для крепления завесы (?). Снаружи к проему тоже спускался утопанный пандус. Разрывы в пристенных ступеньках, видимо, отмечающие входы в землянки, отмечены и в Керкинитиде [10, с. 113].

На городище Кара-Тобе только в землянке 16 была выявлена конструкция, которую можно интерпретировать как вход-пандус (рис. 9, б). Она представляет собой разрыв в западной стенке и в ступеньке землянки. В него изнутри языком заходит утопанный пол землянки. Он тянется за границы землянки. Ширина проема до 0,8 м, прослеженная длина до 0,7 м; на западе натоп разрушен поздней ямой. На юге проем ограничен сырцовым блоком, стоящим перпендикулярно внешней стенке (рис. 9, б). Северный торец проема и примыкавшая к нему часть ступеньки сильно затоптаны.

В землянках 15 и 18 и, возможно, 20 зафиксированы следы деревянных конструкций. Это отпечатки кольев, воткнутых вертикально в сырцовые блоки обкладки ступеньки (рис. 7, а; 8, а; 10, а, б). Лучше всего они сохранились в северной части землянки 18. Всего зафиксировано 7 отверстий в восточной ступеньке и 3 в западной (южная часть землянки еще не раскрыта; рис. 10, б). Колья были вбиты в сырцовые блоки почти вертикально таким образом, что они частично выступали из боковой поверхности ступеньки. Диаметр кольев – 5–7 см. Они на несколько сантиметров уходят глубже пола землянки. Промежутки между кольями – 20–40 см, некоторые из них расположены попарно. Колья были установлены до нанесения глиняной обмазки ступеньки, которая их частично прикрывала.

В западной ступеньке землянки 15 сохранились 3 таких же отверстия (рис. 8, а; 10, а). Еще 2 или 3 менее четких отпечатка, которые могут быть и плохо заделанными швами между блоками, отмечены в северной ступеньке землянки 20.

Аналогичные следы были зафиксированы в землянке 1 Калос Лимена, в Неаполе Скифском [11, с. 243] и на Усть-Альминском городище [9, с. 140]. В землянке на Калос Лимене колья были вбиты не в сырцовые блоки, а вплотную к камням обкладки восточной ступеньки. В. Б. Уженцев полагал, что они просто поддерживали камни обкладки и их высота не превышала высоты ступеньки [11, с. 243]. При этом данных о полной высоте колея нет (они были *не ниже* ступеньки), а камни обкладки и сырцовые блоки обычно стоят достаточно надежно и не нуждаются в дополнительных подпорках. С другой стороны, если колья были выше обкладки, то они располагались так часто, что затрудняли доступ к ступеньке человеку средней комплекции (рис. 10, а).

Две открытые на Кара-Тобе четырехугольные землянки отличаются от округлых только формой. Их углы не всегда прямые, противоположные стенки порой не параллельны и местами выгнуты наружу (рис. 5). Прочие их характеристики схожи с признаками округлых сооружений (табл. 1). Обе эти землянки – самые поздние на Кара-Тобе.

Большинство исследователей полагают, что округлые землянки покрывались каркасной конической крышей [3, с. 83; 10, с. 113; 13, с. 150; 11, с. 248, 250, рис. 8]. Изредка фиксируются ямки или опорные камни от центральных столбов этой конструкции. На Кара-Тобе они не обнаружены, что говорит об использовании здесь легких шалашеобразных крыш без центральных опор. Колья их каркаса должны были упираться в дневную поверхность на некотором расстоянии от стенок котлована. Сверху каркас, видимо, покрывался камышом или соломой; такой тлен зафиксирован на полу землянки 3. Крыша перед засыпкой землянки, видимо, разбиралась. Следов упавшего ее земляного покрытия над полами сооружений ни разу не обнаружено, да оно и не удержалось бы на крутой крыше. В четырехугольных землянках крыша могла быть одно- или двускатной [9; 14, с. 100].

Остается неясной функция колея, отпечатки которых описаны выше. Считать, что это были короткие колышки, которые поддерживали блоки обкладки ступеньки [11, с. 243; 9, с. 140], нет оснований: обкладка держится достаточно надежно. С другой стороны, если предположить, что колья были длинными и поддерживали крышу в прогибавшихся местах, то неясно, зачем они поставлены так часто (20–40 см), что затрудняли доступ к пристенной ступеньке. Этот вопрос остается открытым.

Заполнение 15 землянок Кара-Тобе практически однослойное и представляет собой тот же слой, в котором выкопано сооружение, но мешаной комковатой структуры. В нем, как правило, нет прослоек. Это явно преднамеренная засыпка грунтом из выброса, образовавшегося при копке котлована сооружения. Еще в 3 землянках такая засыпка предполагается. Только 3 землянки заполнялись постепенно, как мусорные ямы. Единовременная засыпка отвалом не позволяет использовать для датировок землянок редкий материал из их заполнения. Он происходит из перемещенного раннего слоя, в котором выкопан котлован.

Не обязательно все землянки Кара-Тобе засыпались сразу же после прекращения использования. Четыре из них (землянки 8а, 14, 17, 18) непродолжительное время стояли открытыми. За это время над их полом образовались тонкие прослойки грунта, осыпавшегося со стенок или намытого дождями. Они перекрыты слоем засыпки. В некоторых землянках в воронке, образовавшейся после проседания их засыпки, отложились поздние регулярные отложения. Такая воронка в землянке 19 перед постройкой перекрывшей ее северной стены скифской цитадели была засыпана материковой глиной.

Находок в заполнении землянок Кара-Тобе немного. Как правило, они происходят из засыпки отвалом, содержащим более ранний материал, и не связаны с функционированием землянок. Лишь в редких случаях комплекс включает синхронные им находки. Так, выделяется материал из четырехугольной землянки 20. В нее перед засыпкой был сброшен мусор (?), синхронный времени использования. Это крупные фрагменты амфор, редкие обломки посуды и крупные кости (рис. 11, а). Можно отметить 2 горла амфор С 1б, верх и низ амфоры Син IVа с графитом (сарматская тамга), крупные фрагменты амфор варианта Син IVа и с воронковидным венчиком, а также широкий поддон амфоры С IVа₁ или переходной разновидности С IVZ [20, с. 45, рис. 10, 3, 4, с. 140, рис. 60, 1, с. 119, рис. 45, 1–6, с. 123, рис. 47, 1; 21, с. 38, 39, рис. 2, 7–18]. Узкогорлой светлоглиняной тары здесь нет. Найден и железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы (рис. 11, б, 1). Комплекс датируется 20–30-ыми гг. I в. н. э. Он мог отложиться в конце строительного горизонта 2б (который закончился Аспурговым разгромом городища) или в самом начале периода III. Судя по черешковому наконечнику стрелы, которые обычны в слое разгрома, более вероятно, что землянка использовалась в начале восстановления городища после Аспурговой войны (рубеж 20–30-ых гг. I в. н. э.).

Еще одна, также четырехугольная, землянка 14 в заполнении содержит выразительный датирующий материал, но он не связан с ее использованием. Землянка была засыпана слоем расчистки какого-то помещения, погибшего в конце периода III. В нем присутствуют крупные обломки светлоглиняных узкогорлых амфор подвариантов С IVа₁, С IVа₂, а также сосудов типа С I, синопских амфор разновидностей Син III и Син IVа, а также амфор неизвестных центров с воронковидным венчиком, псевдокосских и массивных красноглиняных. Краснолаковая посуда представлена фрагментами поздних канфаров и чаши с хрупчатой поверхностью. Особо следует отметить находку здесь целой терракотовой статуэтки мальчика с петухом (рис. 11, б, 2). Комплекс засыпки можно датировать временем не ранее 60–80-ых гг. н. э., а сооружение землянки – последним строительным периодом IV (рубеж I–II вв. н. э.). Она выкопана практически из-под слоя гумуса, это самая поздняя землянка на Кара-Тобе.

Из находок следует также упомянуть 2 поделки из обожженной глины, найденные в засыпке землянки 17 (рис. 11, б, 3, 4). Одна из них – хорошо обожженная шестилучевая звезда (часть лучей обломана). Вторая представляла собой примитивную фигурку свиньи или собаки с треугольной мордой. Ее смяли пополам и сплюснули пальцами, так что задняя часть животного оказалась под

мордой. Позднее поделка, видимо случайно, попала в огонь. Назначение этих поделок – детские игрушки или какие-то votивные предметы.

Материал из заполнения остальных землянок Кара-Тобе маловыразительный и дает только *terminus post quem* их сооружения. Поэтому для датировок этих конструкций более надежны даты жилых горизонтов, с которых они выкопаны. Их можно определить только у 15 землянок Кара-Тобе, которые прослежены с самого верха. Как правило, для датировок учитывались стратиграфическое положение землянок и верхняя дата материала из их заполнения. Дату «юрты» 1934 г. определить невозможно. К самому раннему скифскому строительному горизонту 2₀ (2 четверть – середина I в. до н. э.) отнесено 5 землянок (4, 5, 8, 9, 19). Некоторые из них перекрыты сооружениями горизонта 2а. К горизонту 2а (3 – начало 4 четверти I в. до н. э.) относятся 8 землянок (3, 8а, 10, 12, 13, 15, 16, 18), а к горизонту 2б (4 четверть I в. до н. э. – ок. 20 г. н. э.) – 5 землянок (1, 2, 6, 7, 17). Землянка 11 выкопана или в конце этого же горизонта, или, скорее, в начале следующего периода III. По одной землянке относятся к периоду III (землянка 20; 2 четверть или 2 треть I в. н. э.) и IV (землянка 14; последняя треть I – начало II вв. н. э.). Обе они имеют четырехугольную форму. Землянки сооружались на протяжении всего скифского этапа истории Кара-Тобе. В первые 80–90 лет (горизонты 2₀ и 2а) было выкопано 13 землянок, во второй такой же отрезок времени (горизонт 2б, периоды III и IV) – восемь. Из них 5 землянок были сооружены до Аспургова разгрома поселения (ок. 20 г. н. э.) и только 3 – после него. В I в. н. э. на Кара-Тобе наблюдается сокращение количества землянок. Это могло быть отчасти вызвано общим уменьшением населения городища.

Таким образом, все открытые на Кара-Тобе позднескифские землянки расположены за пределами существовавшей на время их сооружения сплошной застройки, обычно на периферии поселения. Порой они устраивались на одном и том же месте несколько раз по прошествии непродолжительного времени. Землянки использовались недолго, не дольше одного сезона. Зафиксированная в ряде землянок штукатурка/обмазка или побелка никогда не поновлялась. Нет и других следов ремонта. Намазки пола делались в редких случаях. Натоп на полу в некоторых землянках составляет всего 1–2 см. Земляные стенки обычно не разрушены, каменной обкладки стенок нет. Не зафиксировано никаких следов отопительных устройств. В полу или в ступеньке некоторых землянок зафиксированы мелкие ямки диаметром до 50 см; одна из них имела культовое назначение. Вход в землянки осуществлялся обычно по приставным лестницам, редко устраивались входы-пандусы. Следов центрального столба, подпиравшего коническую крышу, не зафиксировано. Натоп на пристенной ступеньке или отсутствует, или был значительно тоньше, чем на полу. Большинство землянок было специально засыпано выбросом из их котлована вскоре после прекращения функционирования. Находки на полу, связанные с использованием землянок, единичны; материал в них происходит из засыпи. Лишь в землянку 20 он был сброшен перед засыпкой. Явных следов, по которым можно было бы определить функцию землянок, нет.

Стационарных землянок с обложенными камнем стенками на Кара-Тобе нет. Это связано, видимо, с дефицитом камня на городище. Такие землянки известны на ближайших памятниках Северо-Западного Крыма, где нехватки камня не наблюдалось: Керкинитида [10, с. 113, рис. 60, 3, рис. 61, 2], Чайка [12, с. 183, 184], Беяус [13, с. 149, 150], Усть-Альминское городище [9, с. 138–140, рис. 3, 1, 2]. Строить стационарные каменные сооружения для однократного использования не рационально. Видимо, землянки с обкладкой использовались продолжительное время, о чем свидетельствует 8 слоев побелки стенок в одной из них на Усть-Альминском городище [9, с. 138–140]. Но, кроме обкладки, все конструктивные признаки временных и стационарных землянок одинаковы. Логично предположить, что и их функции были одни и те же.

Сооружения, аналогичные землянкам Кара-Тобе, встречены почти на всех достаточно исследованных синхронных позднескифских памятниках Центрального и Западного Крыма: Неаполь Скифский [3, с. 81–83], Кермен-Кыр [22, с. 138, 139; 11, с. 246], Булганак [23, с. 7, 12, 13, 27], Усть-Альминское [11], Керкинитида [10, с. 113–115, табл. 2, рис. 60, 61], Чайка [12, с. 183, 184, рис. 5], Южно-Донузлавское [19, с. 69, 70, рис. 20], Беяус [13, с. 149, 150], Кульчук [24, с. 82], Маслины [25, с. 306] и др.¹ Они тоже являлись временными сооружениями. Конструкции, наиболее близкие землянкам Кара-Тобе, открыты на синхронных памятниках Керкинитида и Калос Лимен. У них присутствуют все перечисленные выше признаки. Можно отметить только 2 различия между землянками Кара-Тобе и этих поселений. Это отсутствие следов центрального подпорного столба в землянках Кара-Тобе и более широкое использование в них сырца вместо камня.

Четырехугольные землянки с пристенной ступенькой имеют аналогии на Усть-Альминском городище [9] и Неаполе Скифском [3, с. 80, 81]. В некоторых землянках Усть-Альминского городища ступенька зафиксирована лишь вдоль 3 стенок. Т. Н. Высотская реконструирует у них односкатную крышу. Остальные характеристики всех таких сооружений схожи. Они тоже датируются первыми веками н. э. Вероятно, изменение формы землянок – хронологическое явление, и четырехугольные конструкции постепенно сменяют округлые в I половине I в. н. э.

Большинство отмеченных признаков присутствует и у землянок на других позднескифских памятниках Крыма, что позволяет считать все эти сооружения однотипными.

В заключение следует затронуть вопрос о функции описанных землянок. Для его решения важны следующие наблюдения: сравнительная редкость землянок, расположение их на периферии поселений вне жилищно-хозяйственных комплексов, последовательное устройство нескольких землянок на одном и том же месте, кратковременность или однократность их использования, обязательное наличие пристенной ступеньки, на поверхности которой почти нет натопа,

¹ В 1940–1960-ые гг. исследователи часто фиксировали только обкладку ступеньки землянки и натоп на полу. В таких случаях конструкция интерпретировалась как обкладка юрты или шалаша [19, с. 69, 70, рис. 20; 3, рис. 28, 3, 6–8; 11, с. 246, рис. 4, 1–3].

В последние годы большое количество круглых землянок открыто на поселении Бурлюк в Бахчисарайском районе, материалы еще не опубликованы (устное сообщение Ю. П. Зайцева).

отсутствие в них явных функциональных признаков, преднамеренная засыпка землянок после использования. Потому предположение некоторых исследователей о хозяйственном назначении землянок представляется недостаточно обоснованным. Их немногочисленность, кратковременность использования, отсутствие загорожек, коробов, ямок для установки амфор и др., а также остатков каких-либо продуктов или производств свидетельствует против такого предположения. Единственная хозяйственная функция, которую теоретически могли выполнять эти сооружения, – временное хранение какой-то сельскохозяйственной продукции. Но с ней трудно связать ступеньку, присутствующую во всех землянках.

Практически невозможно использование таких землянок и в качестве жилищ, даже сезонных. Они располагались в основном на отшибе, на незастроенных участках. Площадь их пола (около 3–5 м²) слишком мала, здесь невозможно устроить спальные места всем членам семьи. Использовать в качестве лежанки кольцевую пристенную ступеньку, ширина которой около 0,5 м, а поверхность, как правило, наклонена к центру, невозможно. В землянках также отсутствуют какие-либо отопительные устройства¹.

До сих пор никем не рассматривалась возможность использования пристенной ступеньки просто в качестве скамейки. Если принять такое предположение, то землянки могли служить для собраний-«посиделок» небольших коллективов (семей?) по каким-то особым поводам. Такие собрания должны были быть нерегулярными и слишком редкими, для того, чтобы сохранять землянки «до следующего случая». Этим можно объяснить и сравнительную редкость землянок, и непродолжительность их использования. Если бы они были связаны с регулярными праздниками (например, календарными), то такие одноразовые сооружения встречались бы значительно чаще.

Если принять гипотезу об использовании землянок для каких-то собраний, то возникает ассоциация с рассказом Геродота о «скифской бане» [Herod., IV, 74–75]. Но проводить между этими сооружениями прямую параллель довольно рискованно. Они имеют существенные конструктивные различия и далеко разделены во времени. Тем не менее присутствие сакральных элементов в обычае «скифской бани» не вызывает сомнения. Общественные собрания в древних обществах всегда имели определенную сакральную окраску. В исследуемых сооружениях отражением этого может быть ямка-фависса в землянке 20, а также необычные глиняные поделки из других землянок (рис. 11, б). Не исключено, что и остальные ямки, обнаруженные в землянках, могли служить для каких-то возлияний, проводившихся перед их засыпкой.

В качестве **рабочей гипотезы** можно предположить и конкретный повод собраний в рассматриваемых землянках. Они проводились нерегулярно, достаточно редко и в них участвовал небольшой коллектив (семья?). Землянки использовались, скорее всего, несколько дней, за которые на полу образовывался тонкий золисто-глинистый натоп. Это могли быть, например, погребально-поминальные собрания по поводу смерти особо уважаемых членов семьи. В землянке могло «выставляться»

¹ Специально вопрос о возможности использования схожих землянок более раннего времени в качестве жилых рассмотрен В. Д. Кузнецовым [26].

тело покойного для прощания и/или проходить поминки. Эти события случались нечасто, нерегулярно, обычно непредсказуемо и непосредственно связаны с семьей. Действия могли продолжаться несколько дней как до погребения, так и после него.

Эта гипотеза объясняет и случаи устройства 2–3 землянок на одном месте. Так могли делать, если в семье на протяжении короткого отрезка времени случалось несколько смертей. С этой гипотезой согласуется и наличие стационарных землянок с каменной обкладкой стенок. Они могли сооружаться и многократно использоваться членами нескольких семей. Возможно поэтому на Чайкинском городище на раскопанных примерно 7 000 м² скифского поселения обнаружено только 2 таких землянки и ни одной «одноразовой».

Не исключены и другие возможные способы использования позднескифских землянок, например, в лечебно-магических практиках. Детальное рассмотрение этого вопроса требует отдельного исследования с привлечением этнографических материалов.

Землянки с пристенной ступенькой были распространены на позднескифских поселениях Крыма со времени сложения здесь позднескифской культуры. В соседних регионах такие сооружения неизвестны. По всей видимости, они являются одной из характерных черт позднескифской культуры Крыма.

Список использованных источников и литературы

1. Шульц П. Н. Евпаторийский район / В. В. Гальмстен // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 265–277.
2. Shul'ts P.N. Evpatoriyskiy rayon. / V.V. Gal'msten // Arkheologicheskie issledovaniya v RSFSR v 1934-1936 gg. – М., Л.: Izd-vo AN SSSR, 1941. – С. 265–277.
3. Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. – Л.: Наука, 1978, – 158 с.
4. Shcheglov A. N. Severo-Zapadnyu Krym v antichnyuyu epokhu. – L.: Nauka, 1978, – 158 s.
5. Высотская Т. Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. – Киев: Наукова думка, 1979. – 205 с.
6. Vysotskaya T. N. Neapol' - stolitsa gosudarstva pozdnih skifov. – Kiev: Naukova dumka, 1979. – 205 s.
7. Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму / А. И. Мелюкова // Свод археологических источников. – М.: Наука, 1991. – Вып. Д 1–7. – 142 с.
8. Dachevskaya O.D. Pozdnie skify v Krymu / A. I. Melyukova // Svod arkheologicheskikh istochnikov. – М.: Nauka, 1991. – Вып. D 1–7. – 142 s.
9. Вайнштейн С. И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // Советская этнография. – 1976. – № 4. – С. 42–62.
10. Vaynshteyn S. I. Problemy istorii zhilishcha stepnykh kochevnikov Evrazii. // Sovetskaya etnografiya. – 1976. – №4. – S. 42–62.
11. Высотская Т. Н. Своеобразие культуры поздних скифов в Крыму / Т. Н. Высотская // Население и культура Крыма в первые века н. э. – Киев: Наукова думка, 1983. – С. 5–28.
12. Vysotskaya T. N. Svoeobrazie kul'tury pozdnih skifov v Krymu / T. N. Vysotskaya // Naselenie i kul'tura Kryma v pervye veka n.e. – Kiev: Naukova dumka, 1983. – S. 5–28.
13. Высотская Т. Н. Полуземляночные жилища Усть-Альминского городища / С. Н. Бибиков // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – Киев: Наукова думка, 1988. – С. 138–147.
14. Vysotskaya T. N. Poluzemlyanochnye zhilishcha Ust'-Al'minskogo gorodishcha / S. N. Bibikov // Arhitekturno-arheologicheskie issledovaniya v Krymu. – Kiev: Naukova dumka, 1988. – S. 138–147.
15. Кутайсов В. А. Античный город Керкитида. – Киев: Наукова думка, 1990. – 174 с.
16. Kutaysov V. A. Antichnyu gorod Kerkinitida. – Kiev: Naukova dumka, 1990. – 174 s.
17. Уженцев В. Б. Землянки из скифского горизонта Калос Лимена / В. А. Кутайсов // Северо-Западный Крым в античную эпоху. – Киев, 1994. – С. 238–252.

Uzhentsev V.B. Zemlyanki iz skifskogo gorizonta Kalos Limena / V. A. Kutaysov // Severo-Zapadnyy Krym v antichnyuyu epohu. – Kiev: Kievskaya akademiya evrobiznesa, 1994. – S. 238–252.

12. Попова Е. А. О Северо-Причерноморском домостроительстве I в. до н. э. – I в. н. э. (по материалам квартала Запад – II городища «Чайка») / В. Л. Янин // Историческая археология. Традиции и перспективы. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – С. 182–195.

Popova E.A. O Severo-Prichernomorskom domostroitel'stve I v. do n.e. - I v. n.e. (po materialam kvartala Zapad - II gorodishcha "Chayka"). / V.L. Yanin // Istoricheskaya arheologiya. Traditsii i perspektivy. – M.: MGU im. M.V. Lomonosova, 1998. – S. 182-195.

13. Дашевская О. Д. Позднескифская фортификация и ее вариант на городище Беляус / А. И. Мелюкова // Проблемы скифо-сарматской археологии. – М.: Наука, 1990. – С. 143–158.

Dashevskaya O.D. Pozdneskifskaya fortifikatsiya i eyo variant na gorodishche Belyaus. / A. I. Mel'yukova // Problemy skifo-sarmatskoj arheologii. – M.: Nauka, 1990. – S. 143-158.

14. Уженцев В. Б. Эллины и варвары Прекрасной Гавани. – Симферополь: Сонат, 2006. – 248 с.

Uzhentsev V. B. Elliny i varvary Prekrasnoy Gavani. – Simferopol': Sonat, 2006. – 248 s.

15. Внуков С. Ю. Центральный строительный комплекс городища Кара-Тобе (конец II – первая половина I вв. до н. э.) / Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева // Древняя Таврика. – Симферополь: Универсум, 2007. – С. 67–80.

Vnukov S. Yu. Tsentral'nyy stroitel'nyy kompleks gorodishcha Kara-Tobe (konets II - pervaya polovina I vv. do n.e.) / Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva // Drevnyaya Tavrika. – Simferopol': Universum, 2007. – S. 67-80.

16. Внуков С. Ю. Новые исследования и находки на городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму / А. А. Масленников. // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. – М.; Киев: ИА РАН, 2010. – Вып. 1. – С. 45–50.

Vnukov S. Yu. Novye issledovaniya i nahodki na gorodishche Kara-Tobe v Severo-Zapadnom Krymu / A. A. Maslennikov. // СΥΜΒΟΛΑ. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie nahodki i otkrytiya. – M., Kiev: IA RAN, 2010. – Vyp. 1. – S. 45–50.

17. Внуков С. Ю. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе / А. А. Масленников // Древности Боспора. – М.: ИА РАН, 2013. – Т. 17. – С. 22–55.

Vnukov S. Yu. Amfory rimskogo vremeni gorodishcha Kara-Tobe / A. A. Maslennikov // Drevnosti Bospora. – M.: IA RAN, 2013. – T. 17. – S. 22–55.

18. Внуков С. Ю. Раскопки на городище Кара-Тобе (Северо-Западный Крым) в 2014 г. // Краткие сообщения Института археологии. – М., 2015. – № 237. – С. 167–176.

Vnukov S. Yu. Raskopki na gorodishche Kara-Tobe (Severo-Zapadnyy Krym) v 2014 g. // Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii. – M., 2015. – № 237. – S. 167–176.

19. Дашевская О. Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963–1965 гг. // Краткие сообщения Института археологии. – М., 1967. – №109. – С. 65–72.

Dashevskaya O. D. Raskopki Yuzhno-Donuzlavskogo gorodishcha v 1963–1965 gg. // Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii. – M., 1967. – №109. – S. 65–72.

20. Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Часть I. Морфология. – М.: ИА РАН, 2003. – 237 с.

Vnukov S. Yu. Prichernomorskie amfory I v. do n. e. – II v. n. e. Chast' I. Morfologiya. – M.: IA RAN, 2003. – 237 s.

21. Внуков С. Ю. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // Российская археология. – 2016. – № 2. – С. 36–47.

Vnukov S. Yu. Eshche raz o tipologii, evolyutsii i hronologii svetloglinyanyh (pozdnegerakleyskih) uzkogorlyh amfor // Rossiyskaya arheologiya. – 2016. – № 2. – S. 36–47.

22. Пуздровский А. Е. Охоронні роботи на пізньюоскіфському городищі Кермен-Кир // Археологія, – 1989. – № 2. – С. 136–142.

Puzdrov's'kyu A. E. Ohoronni roboty na pizn'oskifs'komu horodyshchi Kermen-Kyr. // Arheolohiya, – 1989. – №2. – S. 136–142.

23. Храпунов И. Н. Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981–1989 гг.). / А. И. Айбабин // Материалы по археологии истории и этнографии Таврии. – Симферополь: Таврия, 1991. – Вып. 2. – С. 3–34.

Khrapunov I. N. Bulganakskoe pozdneskifskoe gorodishche (po raskopkam 1981–1989 gg.). / A. I. Aybabin // *Materialy po arheologii istorii i etnografii Tavrii*. – Simferopol': Tavriya, 1991. – Vyp. 2. – S. 3–34.

24. Голенцов А. С. Охранные раскопки античного Кульчукского городища и могильника в 1989–1993 / В. А. Кутайсов // *Археологические исследования в Крыму. 1993 год*. – Симферополь: Таврия, 1994. – С. 80–84.

Golentsov A. S. Ohrannye raskopki antichnogo Kul'chukского gorodishcha i mogil'nika v 1989–1993. / V. A. Kutaysov // *Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1993 god*. – Simferopol': Tavriya, 1994. S. 80–84.

25. Латышева В. А. Исследования в Северо-Западном Крыму / Р. М. Мунчаев // *Археологические открытия 1983 года*. – М.: Наука, 1985. – С. 305–306.

Latysheva V. A. Issledovaniya v Severo-Zapadnom Krymu / R. M. Munchaev // *Arkheologicheskie otkrytiya 1983 goda*. – М.: Nauka, 1985. – S. 305–306.

26. Кузнецов В. Д. Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // *Боспорский сборник*. – М.: ИА РАН, Центр Фарсал, 1995. – Вып. 6. – С. 99–126.

Kuznetsov V. D. Ranniye tipy grecheskogo zhilishcha v Severnom Prichernomor'ye // *Bosporskiy sbornik*. – М.: IA RAN, Tsentr Farsal, 1995. – Vyp. 6. – S. 99–126.

УДК 94(479.24)/ 94(560)

ВЗЯТИЕ БАКУ КАВАЗСКОЙ АРМИЕЙ ИСЛАМА И АЗЕРБАЙДЖАНО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ ОСЕНЬЮ 1918 г.

Гомон К. А.

*Соискатель Санкт-Петербургского государственного
университета авиационного приборостроения,
г. Санкт-Петербург,
E-mail: kupigiliato@mail.ru*

Рассмотрены малоизученные вопросы истории Закавказья в период русской революции и Первой мировой войны после взятия совместными турецко-азербайджанскими силами (Кавказской армией ислама) г. Баку. На основании изучения значительного корпуса первичных источников и современных исследований показаны противоречия в военно-политических отношениях правительства АДР и военного командования Османской империи. Несмотря на культурно-языковую близость и стремления части политических лидеров АДР к более близкому взаимодействию с Турцией, в правительстве преобладали опасения, что могучий южный сосед станет вмешиваться во внутренние дела Азербайджана, что заметно из переписки министерства иностранных дел с представителями АДР в Константинополе и на Парижской мирной конференции. При этом осознававшееся все сильнее в Османской империи неизбежное поражение германо-турецкого блока в Первой мировой войне придавало осторожность военному командованию турецких сил в Закавказье, а политики в столице империи поддерживали стремление азербайджанцев к независимости. Короткий период между взятием Кавказской армией ислама Баку 15 сентября 1918 г. и поражением Турции в Первой мировой войне 30 октября 1918 г. можно назвать поэтому периодом, наиболее благоприятным для проведения правительством АДР самостоятельной внутренней политики, что и показывают сохранившиеся документы.

Ключевые слова: Азербайджанская демократическая республика (АДР), Кавказская армия ислама, Диктатура «Центрокаспия», Денстерфорс, генерал Л. Денстервилль, А. М. Топчибашев, Ф. Х. Хойский, Мудросское перемирие.

Все более увеличивающееся в последние годы военно-политическое напряжение на Ближнем Востоке обуславливает возросший интерес к событиям, происходящим в Закавказье после распада Российской империи. Создание независимых государств Азербайджана, Армении и Грузии и их взаимоотношения с Османской империей, активно участвующей в Первой мировой войне на стороне Германии, представляют малоизученный аспект мировой истории и являются историческим примером того комплекса противоречий национального, религиозного и политического уровня, которые и сегодня обуславливают международное положение этого пограничного с Российской Федерацией региона. Особенностью событий 1918 г. было, в первую очередь, совместное участие вооруженных сил Османской империи и новообразованного фактически независимого Азербайджанского государства (АДР) – Кавказской армии ислама в походе на Баку, занятый летом 1918 г. пророссийской властью – Диктатурой «Центрокаспия» [27, с. 14], сменившей большевистскую Бакинскую коммуну и обратившуюся за военной поддержкой к Великобритании [31, с. 197]. Участие в обороне Баку английского контингента сил под началом генерала Л. Денстервилля в

августе – сентябре 1918 г. хорошо отражено в отечественной и зарубежной исторической литературе, однако события в Азербайджане, происходившие после взятия Баку Кавказской армией ислама и до поражения германо-турецкого блока в Первой мировой войне, остаются малоизученными.

6 сентября 1918 г. турецкая артиллерия начала систематический обстрел города. 10 сентября состоялось совещание командования армии ислама и азербайджанского корпуса, на котором командующий 15-й турецкой дивизией Сулейман Иззет-паша предложил план захвата города. Этот план был одобрен главнокомандующим Нури-пашой, который издал приказ начать наступление в ночь на 14 сентября. Турецкие силы составили более 8 000 человек, азербайджанские насчитывали от 7 000 до 8 000 тысяч штыков [1, с. 494]. Им противостояли не более 6 тысяч защитников города, боевой дух большинства которых был чрезвычайно низок [2, с. 2771]. Показательно, что 12 сентября, еще до начала артиллерийской подготовки, в расположение защитников города прибыл арабский дезертир, сообщивший о приказе наступать ночью. Денстервилль был тотчас поставлен об этом в известность, однако, как признает сам генерал, это лишь укрепило его решение эвакуировать свои силы, и он был более всего озабочен мероприятиями «на случай отступления» [21, с. 257–258]. Когда в 4 часа утра 14 сентября 1918 г. началась турецкая артиллерийская подготовка, Денстервилль был уже на своем флагманском корабле «Президент Крюгер».

Сохранилось множество свидетельств того хаоса, который сопровождал последние два дня обороны Баку. В 9 часов утра Л. Денстервиллю доложили о прибытии к порту Баку двух пароходов, которые посчитали присланными из Дагестана Л. Бичераховым. Но, – сокрушался Денстервилль, – «увы! Наши бинокли показывали нам слишком ясно, что эти люди могли быть всем, чем угодно, только не солдатами. Вскоре выяснилось, что эти суда везли не бичераховских героев, а отнюдь не героических бакинских обывателей, которые погрузились на эти пароходы и поспешно вышли в море, но были возвращены обратно одной из канонерок» [21, с. 265]. Надежды Денстервилля на Бичерахова не были беспочвенными. Тот 3 сентября занял Порт-Петровск, что позволило ему значительно усилить свой отряд за счет местных антибольшевистских сил. Часть бичераховского отряда была оставлена в Мугани, где в июле – августе препятствовала турецким силам наступать в южном от Баку направлении. В отряд влилась часть местных русских сил самообороны и участвовала в боевых действиях в Дагестане, в районе Дербента. «Муганцам оказывалась большая помощь офицерскими кадрами, вооружением и транспортом... Оказана организационная помощь» [15, с. 128]. 12 сентября отряд в 500 бойцов и 10 пулеметных расчетов Бичерахов послал и в Баку, обещая и сам прибыть в город «со вторым эшелоном» [15, с. 100]. Но эти силы не могли переломить ситуацию, которая развивалась стремительно и не в пользу защитников города.

Вечером 13 сентября 1918 г. турецкое командование в лице Мюрсел-паши направило письмо Армянскому городскому комитету с предложением сдать город и обещанием гарантий безопасности населению и сложившим оружие солдатам, но в неразберихе и хаосе, начавшихся в городе на следующий день, это предложение

осталось без ответа [13, с. 132]. Утром 15 сентября началось паническое бегство из города политических лидеров, военных и всех, кто опасался за свою судьбу. Делегат Кузнецов, направленный в Баку Астраханским советом, сообщал: «англичане в количестве трех тысяч уже сидели на пароходах и артиллерийским огнем турок обстреливались с пристани...были подбиты резервуары с нефтью и бензином. Весь берег был в огне и подбит один пароход с отступавшими войсками дашнаков... С трех часов утра пятнадцатого началась с военного порта посадка всей бегущей в ужасе армии и населения. Первыми сели на пароходы каспийские моряки, затем бичераховские и дашнакцаканские отряды, рабочие и население. Англичане сели на пароходы раньше всех. Большинство населения осталось на берегу не эвакуированными. Орудия и броневые автомобили... погрузить не успели» [34, л. 2–3]. Британский офицер полковник Д. Уорден также пишет о хаосе, сопровождавшем эвакуацию «Денстерфорс» из Баку: «я никак не ожидал увидеть такой хаос среди британских военных, особенно же действующей армии. У них не возникло даже смутной идеи, что делать, как делать, когда, где и т. д. Они просто беспомощно переглядывались друг с другом. Баку можно было удержать при помощи хорошей организации и управления, но генерал Денстервилль не был способен на это, и еще менее – его штаб. Ночью никакого движения не было сделано, чтобы достойно встретить врага, а когда атака началась, никто не решился быть на передовой и выяснить, как и что происходит... когда же во время посадки в доках Кейворт бросил броневики, это, по моему мнению, было преступлением, и Кейворта надо за это если не судить, то хотя бы оштрафовать... генерал-майору Денстервиллю надо дать полного генерала, пожаловать в рыцари и выкинуть из армии, как обычно это делают с провалившими свое дело военными» [5].

Днем 15 сентября 1918 г. турецкие войска вошли в город, а к вечеру последние очаги сопротивления были подавлены. Нури-паша направил телеграммы в Константинополь и Гянджу с известиями о взятии Баку. 17 сентября из Гянджи в Баку приехали министры АДР. К их приезду командование Кавказской армии ислама издало приказы о прекращении насилия над мирным населением, которое в течение двух дней испытывало месть азербайджанцев за события марта – апреля 1918 г. [29]. Население должно было без различия национальности сдать оружие к 21 сентября [3, с. 203]. Дочь бакинского нефтепромышленника Асадуллаева Банин вспоминала: «в Баку турки наводили порядок. Почти ежедневно состоялись казни. Вешались преступники и мародеры. В одном из городских парков была установлена виселица, на которой ветер раскачивал тела казненных, в устрашение прочим. Надо признать, такая мера давала хорошие результаты: очень скоро прекратились разбои, грабежи и прочие преступления» [14, с. 107].

Правительство АДР признавало наличие «эксцессов и жертв», «чего можно было, естественно, ожидать при настроениях, создавшихся после резни мусульман в марте, а равно и последовавшего затем непрерывного террора над мусульманским же населением», однако, отвечая на ноту армянского представителя А. Джамаляна, отвергло упреки в запоздалых и недостаточных мерах по пресечению беззакония, сообщив, что «число повешенных публично на месте грабителей превышало сотню человек», а судьбу лиц армянской национальности, арестованных за участие в

мартовской резне мусульман, будет решать правомочный суд, «и наказанию будут преданы лишь те из них, против которых будет иметься достаточный обвинительный материал» [10, с. 72]. В армянской литературе имеет широкое хождение цифра в 30–35 тысяч убитых после взятия Баку армян, однако источники эти данные не подтверждают, а писавший по свежим следам событий в 1920 г. Б. Ишханян сообщает о 5248 погибших, не указывая, сколько из них погибло с оружием в руках, а сколько в результате погромов, прибавляя к ним 25 % неопознанных жертв [24, с. 28].

Председатель правительства АДР Ф. Х. Хойский от имени народа и правительства независимого Азербайджана выразил благодарность турецким воинам и командованию за освобождение столицы и духовного центра [28, с. 20]. 18 сентября правительство издало постановление о восстановлении деятельности Бакинского городского самоуправления «в наличном составе гласных, избранных по закону Временного российского правительства» и предоставлении «Думе по своему усмотрению пополнить свой состав, доведя число гласных до 80 и пополнить наличный состав городской управы в количестве по своему усмотрению» [11, с. 316]. Показательно, что правительство АДР по сути восстанавливало российские законы и порядок управления, начало чему было положено еще 12 августа 1918 г., когда правительство АДР восстановило смертную казнь «за преступные деяния, за которые таковая была определена гражданскими, военными и военно-морскими законами, действовавшими до 12 марта 1917 г.» [11, с. 281]. Начальник юридического отдела министерства торговли, промышленности и продовольствия АДР. К. Д. Кафафов [7, с. 307], общавшийся с членами правительства после освобождения Баку от большевиков, писал, что большинство в правительстве состояло в партии «Мусават», но, «несмотря на то, что в эту партию входили люди интеллигентные, никто, однако, из них не мог отчетливо детализировать мне программу своей партии: все ограничивались обычно объяснением, что программа их приблизительно та же, которая была у русской кадетской партии... Русские, несмотря на свое подданство, могли занимать всякие должности, до министра включительно... Не стеснял русских в Азербайджане и вопрос о подданстве, так как с этим вопросом, по крайней мере по отношению к русским, там не считались, <...> татары – мусульмане – оказались самыми благодарными России за то, что она сделала для них» [25, с. 69–70].

19 сентября по улицам города прошли торжественным парадом победоносные войска Кавказской армии ислама [32, с. 182]. При этом турецкое командование и политическое руководство опасалось открыто выражать свои претензии на завоеванный Баку, показывая, что это было сделано ради Азербайджана и его народа. Как писал Т. Свиетоховский, Нури-паша «был осторожен и старался не вмешиваться во внутренние дела Азербайджана, за исключением военных дел, во всем остальном он ожидал урегулирования дел местными органами власти, как выразился один германский офицер, Нури прячется за спиной правительства Азербайджана, а последнее, в свою очередь, за его спиной» [6, с. 140]. При этом 14 сентября было издано распоряжение Османского правительства о формировании

на землях «Эвлие-и Селассе» Батумского вилайета, в который вошли территории Карса, Ардагана, собственно Батума, а также Нахичевань [18, с. 152].

Осторожность османских военных можно объяснить не только опасениями вызвать недовольство своего германского союзника, но и неудачами, которые преследовали турецкие армии в Палестине и Месопотамии, а также общим упадком боевого духа в союзе Центральных держав. Австро-Венгрия предлагала начать мирные переговоры с Антантой, а Болгария к середине сентября уже была отрезана от союзников после начала наступления Салоникской армии и оказалась на грани военного поражения. 30 сентября Болгария сложила оружие. В Закавказье турки еще могли иметь определенные успехи. 15-я дивизия после освобождения Баку была направлена на север, в Дагестан, где 5 октября 1918 г. заняла Дербент. 36-я дивизия и части азербайджанского корпуса 1 октября вошли в Шушу, причем, как сообщал официальный правительственный орган АДР газета «Азербайджан», «со стороны армян не было оказано никакого сопротивления. Этого никто не ожидал, наоборот, думали, что не обойдется без сильного сопротивления и кровопролития» [8]. Более того, вскоре «армяне стали украшать к приходу турок армянскую часть; поставили арки перед интернациональным комитетом и на верхнем Майдане, а также при въезде в город» [9]. На своем съезде жители Карабаха приняли решение о вхождении в Азербайджан.

Правительство АДР отменило многие «коммунистические» экономические реформы. 6 октября 1918 г. кабинет министров принял постановление о денационализации нефтяной промышленности. 7 октября был опубликован декрет правительства, по которому нефтяные промыслы и заводы, корабли Каспийского торгового флота возвращались нефтяным фирмам и судовладельцам, тем самым правительство восстанавливало принципы частной собственности» [12, с. 104–105]. При этом в правах собственности были восстановлены как азербайджанские капиталисты, так и русские и иностранные, за исключением армянских.

Правительство Советской России предприняло ряд резких заявлений относительно занятия Баку турецко-азербайджанскими силами. Уже 16 сентября А. Иоффе в Берлине встретился с Хинтце и пригрозил разорвать Дополнительное соглашение от 27 августа, если Германия не исполнит договоренности по Баку. 20 сентября НКВД Советской России подготовил ноту турецкому правительству, которая, ввиду отсутствия в Москве посланника, была передана на следующий день берлинскому послу Османской империи. В ней говорилось: «Оттоманское Правительство в течение истекшего полугодия непрерывно нарушало Брест-Литовский договор, несмотря на все протесты Советского Правительства. Теперь, наконец, в довершение всего, оно захватило и подвергло ужасающему разгрому один из важнейших городов Российской Республики. Оттоманское Правительство этим показало, что Брест-Литовский договор между Россией и Турцией уже не существует. Правительство Российской Федеративной Советской Республики принуждено признать, что действия Оттоманского Правительства фактически отменили устанавливавший мирные отношения между Россией и Турцией Брест-Литовский договор между этими двумя государствами» [22, с. 492]. В тот же день К. Радек опубликовал в «Известиях» статью, в которой сообщал о намерениях

Турции захватить Крым, а также предупреждал, что турки в случае поражения в войне передадут Баку англичанам, стремящимся к монополизации мировой нефтедобычи, в то время, как советское правительство готово в случае возврата Баку поставлять нефть Германии [23]. На встрече в Берлине Иоффе и и находящегося здесь министра внутренних дел Турции Талаат-паши последний отрицал, что турецкие офицеры возглавляют Кавказскую армию ислама, заявив, что Баку заняли войска Азербайджанского правительства. Это позволило и немцам отвергнуть претензии Советского правительства заявлением о невмешательстве во внутренние дела закавказских народов [3, с. 205].

23 сентября Германия и Османская империя заключили секретный договор, в котором Османское правительство признало независимость Азербайджана, Грузии и Армении, обязалось вывести свои войска с территории этих стран, однако сохранило за собой право «вести работу в целях создания независимых государств на Северном Кавказе и в Туркестане и добиваться установления союзнических отношений с ними». Кроме того, в договоре указывалось, что Германия и Турция «на основе договора о доле участия заинтересованных сторон согласны уделить долю добытой в Баку нефти двум своим союзницам, России и различным кавказским правительствам» [16, с. 8–9]. Также Германия «обещала, что и Советская Россия в скором времени признает независимость Азербайджана и Германия даже готова быть посредником в этом» [17, с. 257]. На проходившей на следующий день встрече Талаат-паши с А. Иоффе советский посланник резко отверг идею признания независимости всех закавказских государств и потребовал от Турции передачи Баку Советской России. Талаат ответил, что Турция не намерена вмешиваться во внутренние дела кавказских народов, и вечером покинул Берлин, вернувшись в Стамбул [17, с. 259]. 2 октября Талаат встретился с главой азербайджанской делегации А. М. Топчибашевым, в ходе которой описал и свой спор с Иоффе, который спросил Талаата «Что у вас общего с кавказскими мусульманами – ведь они шииты, а турки – сунниты?». Талаат ответил, что он, хотя и турок, но шиит. Топчибашев добавил: «Если бы я был с вами в Берлине, я бы сказал господину Иоффе, что я – кавказский мусульманин, но я – суннит» [19, л. 1–2].

Переговоры в Берлине продолжил турецкий посол Рифат-бей, но после того, как Иоффе заявил, что его правительство отвергает любые договоры, в которых Баку не признается российской территорией и власть не передается советам, встречи прекратились. 10 октября Чичерин послал министру иностранных дел Турции Насими-бею ноту, в которой говорилось: «Политическая деятельность и военные действия турок во всем Закавказье являлись одним сплошным нарушением Брестского договора и дружественных отношений к Российской Республике. Поход же турецкой армии на Баку не может быть оправдываем никакими ссылками на действия каких бы то ни было групп населения прилегающих к Турции местностей, ибо положение дел в Баку с этими действиями не имеет никакой связи. Лишена всякой убедительности и ссылка Оттоманского Министра Иностранных Дел на появление в Баку английского отряда по той простой причине, что наступление турецкой армии на Апшеронский полуостров

произошло значительно раньше, чем там появился хоть один англичанин... Русскому Правительству неизвестны никакие факты, которые могли бы доказывать стремление Турецкого Правительства соблюдать заключенные с Россией договоры и дружественные к ней отношения. Оттоманское Правительство могло бы доказать существование у него такого стремления лишь в том случае, если бы оно по мере возможности исправило причиненное им Российской Республике в этой области неслыханное зло, а это произойдет лишь в том случае, если турецкие власти формально передадут насильническим образом занятый ими Баку и всю территорию до установленной в Брест-Литовске границы Российским Советским властям и, в частности, тем нашим уполномоченным, которые нами будут для этой цели указаны, причем, само собой разумеется, что причиненные турецким нападением убытки должны быть полностью возмещены» [22, с. 516]. Правительство АДР Г. Чичерин назвал «тифлисскими мятежниками», которым турки оказали политическую поддержку, «в полном противоречии с дружественными отношениями к Российской Республике, суверенной договаривающейся стороной» [22, с. 514].

8 октября 1918 г. младотурецкий кабинет Османской империи пал, и было сформировано новое правительство А. Иззет-паши, которое начало сепаратные переговоры с Антантой о прекращении боевых действий, то есть о признании вслед за Болгарией своего поражения в войне. Англичане выработали условия турецкой капитуляции, в которые входили передача контроля над Транскавказской железной дорогой, оккупация Баку и Батума, контроль над Таврской системой тоннелей, немедленная эвакуация всех турецких сил с территории Персии и Закавказья до границ 1914 г., сдача всех граждан Германии и Австрии, как военных, так и гражданских служащих назначенным представителям Антанты, освобождение всех пленных союзных государств и депортированных армян, оккупация всех или избранных шести вилайетов Турецкой Армении [4].

Перед самой отставкой турецкий военный министр Энвер-паша встретился 3 октября с А. М. Топчибашевым и после выражения азербайджанским посланником благодарности за помощь в освобождении Баку Энвер предложил ему направить делегацию в нейтральные страны: «надо быть и в нейтральных государствах – в Швеции и Голландии, чтобы здесь повидаться с послами и вообще представителями воюющих и нейтральных держав и при помощи личных посещений, газетной пропаганды всячески напоминать как можно чаще об Азербайджане как о совершенно самостоятельном государстве. Необходимо долгое время и по крайней мере до заключения всеобщего мира оставаться в Швейцарии, наезжать в Берлин и др. центры. Если вам нельзя, долго оставаться, то, может быть, послали бы кого-нибудь из нынешней вашей делегации. Было бы даже еще лучше, если бы, например, в Женеве или Лозанне находилась целая азербайджанская делегация» [20, л. 8].

В 20-х числах октября 1918 г. А. М. Топчибашев встречался с лидерами нового турецкого кабинета, которые уверяли его в политической и военной поддержке, однако сомнения в искренности османских лидеров посланник выразил вполне откровенно [30, с. 17]. В свою очередь, после падения младотурецкого кабинета

повышенное внимание к Азербайджану снова выказали большевики. 12 октября 1918 г. Орджоникидзе телеграфировал Ленину: «Турецкий режим, под покровом которого восстановлены все худшие порядки султана, вызвал восстание татар против правительства и турок; в систему было введено всяческое издевательство над мусульманской беднотой. Земли полностью возвращены помещикам. Татары взорвали полотно железной дороги у Шамхора и Елисаветполя» [33, с. 45].

30 октября 1918 г. турецкие представители Рауф-бей, Хикмет-бей и Саадулла подписали в Мудросе перемирие с английским адмиралом Кальторпом. Согласно условиям перемирия, Баку передавался под контроль Великобритании, как и вся транспортная сеть, включая железные дороги и нефтепроводы до Батуми [26, с. 188–189]. 3 ноября Топчибашев смог добиться аудиенции у морского министра Рауф-бея. Бывшего весной председателем на Трапезундской конференции. Рауф-бей посочувствовал азербайджанскому послу, сказав, что «требования союзников-антантистов суровые, но ничего не поделаешь, они победители, а мы – побежденные... англичане категорически нам заявили, что они во что бы то ни стало возьмут Баку, а так как там имеются ваши люди из военных, говорили они, то надо иметь заверение, что мы, турки, взятию Баку мешать не будем. И они потребовали, чтобы это было занесено в текст условий перемирия. То же и относительно Закавказской] жел[езной] дор[оги]» [20, л. 2–3]. Статья 15 Мудросского перемирия гласила: «Будут назначены союзные офицеры для наблюдения за всеми железными дорогами, включая те части закавказских дорог, которые находятся ныне под контролем Турции и которые должны быть предоставлены в свободное и полное распоряжение союзных властей с учетом потребности населения. Из этого постановления следует, что союзники имеют право занимать Батум. Турция не сделает никаких возражений против оккупации Баку союзниками» [26, с. 189]. Однако в статье 11 перемирия был нечетко определен статус турецких вооруженных сил в Закавказье: «турецкие войска уже получили приказ эвакуировать часть Закавказья, при чем оставшиеся войска будут удалены, если союзники потребуют того по изучении положения на местах» [26, с. 189]. Этим воспользовались турецкие военные, продолжив наступление в Дагестане и Северном Кавказе, а также издав приказ о переподчинении турецких офицеров и солдат на Кавказе военному министерству Азербайджанской демократической республики и правительству Горской республики Северного Кавказа. Нури-паша и ряд офицеров стали подданными Азербайджана, поскольку только это освобождало их от требования вывода турецких войск с Кавказа [17, с. 272]. Таким образом, союзные отношения правительств АДР и Османской империи были официально прекращены, а достижения этих отношений были практически отменены.

Список использованных источников и литературы

1. Allen W.E.D., Muratoff P. *Caucasian Battlefields. A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border 1828-1921*. Cambridge: Camb.Univ.Press, 1953. – 616 p.
2. Missen L. *Dunsterforce // History of the First World War*, № 99, London, 1971. P. 2766–2774.

**ВЗЯТИЕ БАКУ КАВАЗСКОЙ АРМИЕЙ ИСЛАМА
И АЗЕРБАЙДЖАНО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ ОСЕНЬЮ 1918 Г.**

3. Murgul Yalcin. Baku Expedition of 1917–1918: A Study of the Ottoman Policy towards the Caucasus. Thesis In Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Arts. The Department of History Bilkent University. Ankara, September 2007.
4. National (British) Archives. IWC. CAB 23/145. Minutes of Meetings Aug. 13 – dec. 31 1918. Conditions of an Armistice with Turkey. 8th October, 1918.
5. Public Archives of Canada. MG-30 E192. LT. Col. J.W. Warden File. Diary. 1918–1919. 14 September.
6. Swietochowski T. Russian Azerbaijan, 1905–1920. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – 258 p.
7. Адрес-календарь Азербайджанской Республики на 1920 год. 1-й год издания. Баку: правительственная типография «Азербайджан», 1920. 336 с.
Adres-kalendar' Azerbajdzhanskoj Respubliki na 1920 god. 1-j god izdaniya. Baku: pravitel'stvennaya tipografiya «Azerbajdzhan», 1920. – 336 s.
8. Официальная газета правительства АДР «Азербайджан». № 14. 21 октября, 1918.
Official'naya gazeta pravitel'stva ADR «Azerbajdzhan». № 14. 21 oktyabrya, 1918.
9. Официальная газета правительства АДР «Азербайджан». № 24. 1 ноября, 1918.
Official'naya gazeta pravitel'stva ADR «Azerbajdzhan». № 24. 1 noyabrya, 1918.
10. Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Внешняя политика. Баку: Главное архивное управление при кабинете министров Азербайджанской Республики: издательство «Азербайджан», 1998. 632 с.
Azerbajdzhanskaya Demokraticheskaya Respublika (1918–1920). Vneshnyaya politika. Baku: Glavnoe arhivnoe upravlenie pri kabinete ministrov Azerbajdzhanskoj Respubliki: izdatel'stvo «Azerbajdzhan», 1998. – 632 s.
11. Азербайджанская демократическая республика (1918–1920). Законодательные акты (сборник документов). Баку: Главное архивное управление при кабинете министров Азербайджанской Республики: издательство «Азербайджан», 1998. 560 с.
Azerbajdzhanskaya demokraticheskaya respublika (1918–1920). Zakonodatel'nye акты (sbornik dokumentov). Baku: Glavnoe arhivnoe upravlenie pri kabinete ministrov Azerbajdzhanskoj Respubliki: izdatel'stvo «Azerbajdzhan», 1998. – 560 s.
12. Айдамиров Т. С-о. Вывоз бакинской нефти из Азербайджана в конце XIX – начале XX вв. Баку: Elm və təhsil, 2014. 368 с.
Ajdamirov T. S-o. Vyvoz bakinskoj nefti iz Azerbajdzhana v konce XIX – nachale ХХ vv. Baku: Elm və təhsil, 2014. – 368 s.
13. Байков Б. Л. Воспоминания о революции в Закавказье // Архив русской революции. Т. 9. Берлин: Слово, 1923. С. 91–194.
Vajkov B. L. Vospominaniya o revolyucii v Zakavkaz'e // Arhiv russkoj revolyucii. Т. 9. Berlin: Slovo, 1923. S. 91–194.
14. Банин (Ум-Эль-Бану). Кавказские дни. Баку: Кавказ, 2006. 220 с.
Banin (Um-El'-Banu). Kavkazskie dni. Baku: Kavkaz, 2006. – 220 s.
15. Безугольный А. Ю. Генерал Бичерахов и его кавказская армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны и иностранной интервенции на Кавказе. 1917–1919. М.: Центрполиграф, 2011. 348 с.
Bezugol'nyj A. Yu. General Bicherahov i ego kavkazskaya armiya. Neizvestnye stranicy istorii Grazhdanskoj vojny i inostrannoj intervencii na Kavkaze. 1917–1919. M.: Centrpoligraf, 2011. – 348 s.
16. Внешняя политика Азербайджанской Демократической Республики: сб. документов. Баку: Elm, 2009. 486 с.
Vneshnyaya politika Azerbajdzhanskoj Demokraticheskoj Respubliki: sb. dokumentov. Baku: Elm, 2009. – 486 s.
17. Гасанлы Дж. Русская революция и Азербайджан: трудный путь к независимости. 1917–1920. М.: Флинта, 2011. 664 с.
Gasanly Dzh. Russkaya revolyuciya i Azerbajdzhan: trudnyj put' k nezavisimosti. 1917–1920. M.: Flinta, 2011. – 664 s.

18. Гафаров В. Батумская конференция и Азербайджан // Азербайджанская Республика – 100. История, политика, культура: сборник статей / сост. Ш. Н. Камалова. СПб.: Нестор-История, 2018. 376 с.
- Gafarov V. Batumskaya konferenciya i Azerbajdzhan // // Azerbajdzhanskaya Respublika – 100. Istoriya, politika, kul'tura: sbornik statej / sost. SH. N. Kamalova. SPb. : Nestor-Istoriya, 2018. – 376 s.
19. Государственный архив Азербайджанской республики (ГААР). Ф. 894. Оп. 10. Д. 150. Gosudarstvennyj arhiv Azerbajdzhanskoj respubliki (GAAR). F. 894. Op. 10. D. 150.
20. ГААР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 151. GAAR. F. 894. Op. 10. D. 151.
21. Денстервилль Л. Британский империализм в Баку и Персии. 1917–1918. Воспоминания. Тифлис: Советский Кавказ, 1925. 283 с. Denstervill' L. Britanskij imperializm v Baku i Persii. 1917–1918. Vospominaniya. Tiflis: Sovetskij Kavkaz, 1925. – 283 s.
22. Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). Т. 1. 7 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г. М.: Госиздат. политической литературы, 1959. 772 с. Dokumenty vneshnej politiki SSSR (DVP SSSR). T. 1. 7 noyabrya 1917 g. – 31 dekabrya 1918 g. M.: Gosizdat. politicheskoy literatury, 1959. – 772 s.
23. Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Крестьянских, Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов, 21 сентября 1918. Izvestiya Vserossijskago Central'nago Ispolnitel'nago Komiteta Soviytov Krest'yanskih, Rabochih, Soldatskih i Kazach'ih Deputatov, 21 sentyabrya 1918.
24. Ишханян Б. Великие ужасы в гор. Баку. Анкетное исследование сентябрьских событий 1918 г. Издание анкетной комиссии при Бакинском Армянском национальном совете. Тифлис: Изд. Анкетной Комис. при Бакинск. арм. нац. совете, 1920. 180 с. Ishkhanyan B. Velikie uzhasy v gor. Baku. Anketnoe issledovanie sentyabr'skih sobytij 1918 g. Izdanie anketnoj komissii pri Bakinskom Armyanskom nacional'nom sovete. Tiflis: Izd. Anketnoj Komis. pri Bakinsk. arm. nac. sovete, 1920. – 180 s.
25. Кафафов К. Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 68–92. Kafafov K. D. Vospominaniya o vnutrennih delah Rossijskoj imperii // Voprosy istorii. № 8, 2005. S. 68–92.
26. Международная политика в договорах, нотах и декларациях. Часть II. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М.: Изд. литиздата Н. К. И. Д., 1926. – 468 с. Mezhhdunarodnaya politika v dogovorah, notah i deklaracijah. CHast' II. Ot imperialisticheskoy vojny do snyatiya blokady s Sovetskoj Rossii. M.: Izd. litizdata N.K.I.D., 1926. – 468 s.
27. Михайлов В. В. Политика Азербайджанской Демократической Республики в период Диктатуры «Центрокаспия» летом 1918 г. // IRS (Наследие-Heritage), Ч. 1. № 2 (86), 2017. Баку, 2017. С. 14–19. Mihajlov V. V. Politika Azerbajdzhanskoj Demokraticheskoj Respubliki v period Diktatury «Centrokaspiya» letom 1918 g. // IRS (Nasledie-Heritage), CH.1. № 2 (86), 2017. Baku, 2017. S. 14–19.
28. Михайлов В. В. Политика Азербайджанской Демократической Республики в период Диктатуры «Центрокаспия» летом 1918 г. // IRS (Наследие-Heritage), Ч. 2. № 3 (87), 2017. Баку, 2017. С. 14–21. Mihajlov V. V. Politika Azerbajdzhanskoj Demokraticheskoj Respubliki v period Diktatury «Centrokaspiya» letom 1918 g. // IRS (Nasledie-Heritage), CH.2. № 3 (87), 2017. Baku, 2017. S. 14–21.
29. Михайлов В. В. Политический и гуманитарный кризис в Баку в марте – апреле 1918 г.: правда и ложь о «мусаватистском мятеже» // Azərbaycan MEA-nın Xəbərləri. İctimai elmlər seriyası, 2017. № 2. С. 60–71. Mihajlov V. V. Politicheskij i gumanitarnyj krizis v Baku v marte-aprele 1918 g.: pravda i lozh' o «musavatistskom myatezhe» // Azərbaycan MEA-nın Xəbərləri. İctimai elmlər seriyası, 2017, №2. – 190 s. S. 60–71.

**ВЗЯТИЕ БАКУ КАВАЗСКОЙ АРМИЕЙ ИСЛАМА
И АЗЕРБАЙДЖАНО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ ОСЕНЬЮ 1918 Г.**

30. Михайлов В. В. Поражение Турции в Первой мировой войне и судьба первой независимой Демократической Азербайджанской Республики (к 90-летию образования ДРА) // Клио. СПб.: Нестор, 2008, № 3 (42). С. 17–19.

Mihajlov V. V. Porazhenie Turcii v Pervoj mirovoj vojne i sud'ba pervoj nezavisimoj Demokrateskoj Azerbajdzhanskoj Respubliki (k 90-letiju obrazovaniya DRA) // Klio. SPb.: Izd-vo «Nestor», 2008, № 3 (42). – 166 s. S. 17–19.

31. Михайлов В. В. Российские и британские вооруженные соединения в сражениях против турок при обороне Баку в 1918 г. // Клио. СПб.: Нестор. 2006, № 1 (32). С. 196–207.

Mihajlov V. V. Rossijskie i britanskije vooruzhennye soedineniya v srazheniyah protiv turok pri oborone Baku v 1918 g. // Klio. SPb.: Izd-vo «Nestor», 2006, № 1 (32). – 282 s. S. 196–207.

32. Михайлов В. В. Противостояние Британии и России с османской империей на Ближнем Востоке в годы первой мировой войны. СПб.: СПбГУТД, 2005. 216 с.

Mihajlov V. V. Protivostoyanie Britanii i Rossii s osmanskoj imperiej na Blizhnem Vostoke v gody pervoj mirovoj vojny. SPb.: SPbGUTD, 2005. – 216 s.

33. Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи в двух томах. Т. 1. 1910–1926 гг. М.: Политиздат, 1956. – 518 с.

Ordzhonikidze G. K. Stat'i i rechi v dvuh tomah. T. 1. 1910–1926 gg. M.: Politizdat, 1956. – 518 s.

34. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 160. Оп. 1. Д. 10.

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI). F. 160. Op. 1. D. 10.

Gomon K. A. The seizure of Baku by the Kavaz army of Islam and Azerbaijan-Turkish relationship by the autumn of 1918

The article is devoted to the little-studied issues of the history of Transcaucasia during the Russian Revolution and the First World War after the capture by Baku of the joint Turkish-Azerbaijani forces (Caucasian army of Islam). Based on the study of a significant body of primary sources and modern research, the contradictions in the military-political relations of the ADR government and the military command of the Ottoman Empire are shown. Despite the cultural and linguistic closeness and aspirations of some of the political leaders of the ADR to closer interaction with Turkey, the government was preoccupied with fears that the mighty southern neighbor would interfere in the internal affairs of Azerbaijan, as seen from the correspondence of the Ministry of Foreign Affairs with representatives of ADRs in Constantinople and the Paris peace conference. At the same time, the inevitable defeat of the German-Turkish bloc in the First World War, which was becoming increasingly evident in the Ottoman Empire, gave caution to the military command of the Turkish forces in Transcaucasia, while politicians in the capital of the empire supported the aspirations of Azerbaijanis to independence. The short period between the capture of the Islam of Baku by the Caucasian army on September 15, 1918 and the defeat of Turkey in World War I on October 30, 1918, can therefore be called the period most favorable for the ADR government's independent internal policy, which is shown by the surviving documents.

Keywords: Azerbaijan Democratic Republic (ADR), Caucasian army of Islam, Dictatorship «Centrocaspi», Densterforce, General L. Densterville, A. M. Topchibashev, F. H. Khoysky, Mudros truce.

УДК 94 (4)''19/411.16''

К ВОПРОСУ О ПРОЕКТАХ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМИИ В КРЫМУ В 1920–1940 ГГ. XX В.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Могаричев К. Ю.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: kostiamohar@outlook.com*

Рассматривается историография «Крымского проекта», то есть попыток создания еврейской автономии в Крыму. Выделяется два этапа этого явления. Первый этап (первый «Крымский проект») датируется 20–30-ми гг. XX в. и связан с еврейской сельскохозяйственной колонизацией, проводившейся в Крыму. Второй этап (второй «Крымский проект») относится к 40-м XX в. и является следствием деятельности Еврейского антифашистского комитета и реакции руководства СССР на «Крымское письмо». Автор приходит к выводу, что проблема «Крымского проекта» является малоисследованной. Начало активного изучения темы приходится на конец 90 – начало 2000-е гг. Работ, которые были бы посвящены непосредственно «Крымскому проекту», – единицы. В основном тема исследовалась в контексте еврейской аграрной колонизации в Причерноморье, межнациональных отношений в Крыму либо истории евреев в СССР. В зарубежной историографии основное внимание уделяется изучению «первого проекта», а тема «второго» затронута слабо. В постсоветской историографии изучался и второй проект. В зарубежной историографии преобладает структуралистский подход к теме, тогда как в постсоветской – позитивистский.

Ключевые слова: Крым, «Крымский проект», еврейская автономия, коренизация, сельскохозяйственная колонизация, СССР.

«Крымским проектом» принято называть несколько раз предпринимавшиеся в 20–40-х гг. XX в. попытки создания на территории Крымского полуострова (в целом или его отдельной части) Еврейской Советской автономной республики [1]. Сложность исследования данной проблемы заключается, с одной стороны, в том, что она фактически является «белым пятном» как в крымоведении, так и вообще в современной исторической науке. В большинстве работ, посвященных еврейской сельскохозяйственной колонизации полуострова или истории Крымской АССР (1920–1941 гг.), тема «крымского проекта» или опускается, или затрагивается косвенно [2–4].

С другой стороны, в силу контрверсионности, политизированности и, в целом, традиционной остроты и болезненности «еврейского вопроса», очень часто данная проблема становилась предметом ксенофобских и конспирологических мифов. Так, немецко-фашистские оккупанты и их пособники активно эксплуатировали тему еврейской автономии для нагнетания антисемитских настроений в Крыму в период Великой Отечественной войны [5]. В рамках этой же парадигмы стоит рассматривать периодически появляющиеся в различных СМИ и околонуучных изданиях версии: депортация крымских татар из Крыма в 1944 г. явилась следствием стремления создать на полуострове еврейское государство; Крым

должен был быть отдан США в качестве расплаты за долги СССР перед Агро-Джойнтом¹; и другие [6–7].

Существующие и периодически возникающие новые мифы, слухи, инсинуации вокруг «Крымского проекта» – тема отдельного исследования. Поэтому в настоящей работе этот вопрос затрагивается лишь опосредованно. Целью данной публикации является рассмотрение различных подходов к проблеме создания еврейской автономии на территории Крымского полуострова в основном среди ученых-историков². В итоге мы попытаемся определить уровень исследованности в современной исторической науке как рассматриваемой проблемы в целом, так и ее различных аспектов.

Учитывая, что за время обсуждения идеи «Крымского проекта» его сущность претерпела серьезную эволюцию, в отдельные периоды он обладал специфическими особенностями и даже нес разную смысловую нагрузку, мы считаем необходимым выделить два этапа этого исторического феномена.

Первый этап (первый «Крымский проект») датируется 20–30-ми гг. XX в. и связан с еврейской сельскохозяйственной колонизацией, проводившейся в Крыму³, функционированием в Крыму структур Общества землеустройства евреев-трудящихся (ОЗЕТ)⁴, Комитета землеустройства евреев-трудящихся (КомЗЕТ)⁵ Агро-Джойнта и других благотворительных организаций и является отражением политики коренизации.

Второй этап (второй «Крымский проект») относится к 40-м XX в. и является следствием деятельности Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) и реакции на «Крымское письмо»⁶.

Постсоветская историография. Высокопоставленный советский разведчик П. А. Судоплатов в своих мемуарах пишет, что являлся непосредственным участником обсуждения второго «Крымского проекта». Он полагает, что тот, или как он его называет «Крымская Калифорния», был попыткой со стороны советского

¹ Агро-Джойнт – дочерняя компания еврейской благотворительной организации Джойнт (Американский распределительный комитет), которая с 1924 г. по 1938 г. непосредственно занималась финансированием переселения евреев в Украине и Крыму.

² Конечно, мы понимаем определенную условность такого подхода и сложность дефиниции научного исследования и конъюнктурной публикации, особенно по «еврейскому вопросу».

³ С начала 20-ых гг. по конец 30-ых гг. XX в. шел процесс сначала стихийного, а с 1924 г. организованного переселения евреев на свободные земли на территории Северного Причерноморья (в особенности Северного Крыма). Это был крупнейший еврейский аграрный проект вне Эрец-Исраэль (территории современного Государства Израиль).

⁴ Советская правительственная организация, существовавшая в 1925–1938 гг., целью которой было приучение советских евреев к сельскохозяйственному труду и связи с заграничным еврейством.

⁵ Советская правительственная организация, непосредственно исполнявшая решения ОЗЕТа.

⁶ Крымское письмо – обращение руководства Еврейского Антифашистского комитета к председателю СНК СССР В. М. Молотову (1944 г.). В нем обосновывалась идея организации в Крыму еврейской республики.

руководства и спецслужб сыграть на национальных чувствах еврейской элиты США. Это было необходимо для привлечения средств для восстановления разрушенной войной советской промышленности [8]. Несмотря на то, что его воспоминания можно обозначить, скорее, как источник, нежели специальная литература, тем не менее эту работу можно считать ключевой. Ведь на нее ссылаются практически все авторы, затрагивающие вопрос о втором «крымском проекте».

Российские ученые Г. С. Батыгин и И. Ф. Девятко, анализируя причины государственного антисемитизма в СССР в последние годы правления И. В. Сталина, затронули и проблему второго «Крымского проекта». По их мнению, к которому, правда, не прилагалось обоснования в виде документальной базы, «крымское письмо» в тех реалиях не имело и не могло не иметь поддержки среди руководителей государства [9].

Знаковой для дальнейшей историографии представляется публикация Т. В. Царевской «Крымская альтернатива Биробиджану и Палестине». По сути, это одна из первых в отечественной историографии попыток научного осмысления «Крымского проекта». Это явление рассматривается Т. В. Царевской как попытка создания еврейского советского административного образования, альтернативного ишуву (еврейское население Палестины) и проекту Израиля. В итоге исследовательница пришла к выводу, что попытка создания еврейской автономии в Крыму во многом способствовала росту антисемитизма в СССР [10, с. 125].

Одним из признанных российских специалистов по истории советского еврейства является профессор Г. В. Кострыченко. В своей работе «Гайная политика Сталина: власть и антисемитизм» автор посвящает проблеме «Крымского проекта» несколько параграфов, рассматривая вопрос в контексте политики руководства СССР 20–50 гг. XX по отношению к еврейскому населению [1, с. 90–95]. Автор показывает зарождение и начало реализации проекта, настаивая на том, что его инициатива исходила от руководства Джойнта. В СССР идея получила одобрение членов ВЦИК и президиума ВЦИК. С точки зрения международной политики исследователь подчеркивает заинтересованность еврейских кругов США в продолжении еврейской колонизации в Крыму, показавшей определенные достижения на фоне кризиса эмиграции в Палестину в 1926–1927 гг. При этом «Крымский проект» вызвал негативную реакцию среди руководства Всемирной сионистской организации (ВСО). В заключении Г. В. Кострыченко приходит к выводу: в целом еврейская колонизация не привела к полноценному созданию районов и областей компактно проживающего еврейского населения, которое бы смогло составить основу будущей еврейской советской автономной республики. Кроме того, существовали трудности административного и климатического плана. Обратной стороной еврейской агроколонизации и разработки проекта создания автономной единицы явился рост антисемитизма во всем СССР, – постулирует автор.

Г. В. Кострыченко посвятил несколько публикаций и второму «Крымскому проекту». В отличие от П. А. Судоплатова, автор считает, что его инициатива на самом деле исходила непосредственно от ЕАК, руководство которого стремилось

спасти свой народ, подвергнувшийся ужасам Холокоста. В этом была заинтересована и часть еврейской несионистской элиты США. Исследователь подчеркивает, что предложения подобного рода не были редкостью в конце войны и в первые послевоенные годы. Кроме того, он полагает, что инициативы одного из руководителей Джойнта Джеймса Розенберга и некоторых других членов этой организации, олицетворяющих ее антиссионистскую группу, были следствием раскола внутри еврейской общины США. Они рассматривали Крым как альтернативный сионистскому проект еврейской государственности. В целом, Г. В. Кострыченко рассматривает второй «Крымский проект» как цепь закулисных переговоров между ЕАК и некоторыми членами Джойнта, между ЕАК и некоторыми членами советского руководства. При этом переговоры не выходили на дипломатический уровень, в отличие от первого «Крымского проекта», который обсуждался достаточно широко [11, с. 191–192].

В. Г. Чеботарева в работе, посвященной национальной политике в Крымской АССР во второй половине 20-х гг. XX в., подробно рассматривает процесс торпедирования руководством Крымской АССР планов по переселению евреев в Крым. В частности, она указывает, что предпринимались попытки в районах еврейской аграрной колонизации расселить крымских татар – репатриантов из Турции и Румынии или переместить туда часть крымских татар – жителей горных районов. В целом, данное ожесточенное противостояние привело к «делу Султан-Галиева» 1928 г., когда органами ОГПУ были репрессированы по обвинению в национализме председатель ЦИК Крымской АССР В. Ибраимов и часть лидеров республики из числа крымских татар. После этого национальная политика в автономии для смягчения напряженной обстановки, согласно решению ВЦИК, сместилась в сторону большей интернационализации [12, с. 38]. В то же время решение политбюро ЦК ВКП (б) от 18 марта 1926 г. о создании еврейской автономной единицы не было реализовано [12, с. 39].

Уроженец Львова, архивист и историк М. Мицель, специалист по истории Джойнта [13] и ассоциированных с ним гуманитарных организаций [14], повествуя о втором «Крымском проекте», приходит к выводу, что существующее в историографии представление о Джойнте как военно-политической организации, обладающей широким влиянием на правительство США, является ошибочным. Автор полагает, что в основе такого подхода находится неправильная интерпретация документов процесса над Еврейским Антифашистским комитетом. Более того, автор, ссылаясь на архивные документы Джойнта, постулирует, что инициатива второго «Крымского проекта» исходила скорее от советской стороны [15].

Тот же автор и М. Бейзер считают, что деятельность Агро-Джойнта в 1924 г. конкурировала с сионистским проектом, что вызывало негативную реакцию со стороны сионистов. В качестве иллюстрации исследователи приводят карикатуры середины 20-х гг. XX в., отражающие конкуренцию сионистов и еврейских колонистов в СССР за деньги американской диаспоры. Тогда руководство Джойнта полагало, что колонизация в СССР являлась более надежной и дешевой, чем халуцная (палестинская) [16, с. 60–69]. В рассматриваемой публикации также

отмечается, что брат председателя Всемирной сионистской организации (ВСО) Самуил Вейцман состоял в президиуме ОЗЕТа в 1926 г. [16, с. 102–112]. Крым при этом рассматривается как основной регион еврейской колонизации, предыстория которой увязывается с организацией «Хехалуц», которая до 1928 г. легально действовала в СССР¹. Членами этого движения были основаны поселения в Крыму, причем с названиями на иврите, что противоречило еврейской политике в СССР, позже включенными в цепь «ОЗЕТских» населенных пунктов. Для колонизации предполагались земли Северного Крыма. Кроме того, указывают авторы, Агро-Джойнт сотрудничал также с неашкеназскими евреями – бухарскими, горскими и грузинскими, переселяя тех на полуостров, а также с крымчаками [16, с. 114].

Украинский исследователь О. Козерод полагает, что в середине 20-ых гг. XX в. «Крымский проект» имел большой резонанс среди мирового еврейства и многие тогда не сомневались, что он будет в скором времени реализован. Автор резюмирует, что создание еврейской автономии в Крыму позволило бы, исходя из советской национальной политики, решить проблему государственно-правового положения евреев в СССР, хотя и не избавило бы от всех социальных проблем. Данные мероприятия в условиях становления тоталитарного режима и отсутствия земельной реформы, а также на фоне тлеющих межнациональных конфликтов в любом случае имели малый шанс на успех [17, с. 92]. Также автор утверждает, что руководство Крымской АССР рассматривало возможность создания на северо-востоке Крыма немецкой автономии в противовес потенциальной еврейской [17, с. 95].

Ж. Медведев представил собственное видение второго «Крымского проекта». Он считает, что «Крымское письмо» 1944 г. было все же прочитано И. Сталиным. Однако тогда все ограничилось отдельными обсуждениями в узкой среде советской элиты. Само «Крымское письмо» автор называет «вздорным», «наивным» и «слабо отражающим тогдашнюю реальность». Как пример называется идея создания отдельной еврейской советской республики. Автор не исключает, что документ изначально мог быть предназначен для использования в борьбе между различными группировками среди советского руководства. Правда, никаких убедительных аргументов на сей счет не приводит. С другой стороны, Ж. Медведев соглашается с П. Судоплатовым в том, что письмо было использовано для контактов с западными еврейскими организациями. В целом, по мнению автора, проект был малореален, так как среди возвращавшихся еврейских беженцев и переживших Холокост был больше запрос на переселение в Палестину или желание вернуться в родные села и города, чем на миграцию в Биробиджан или Крым [18].

Вопросу проекта еврейской автономии 1920–1930 гг. посвящена работа российского исследователя А. Е. Ефимова. Он считает, что настоящими авторами идеи были два человека – Ю. Ларин и А. Брагин, а сам проект появился в 1923 г. Причем если Ю. Ларин сосредотачивался на Крыме, то А. Брагин ратовал за еврейское государство во всем степном северном Причерноморье. В 1924 г.

¹ Хехалуц (Гахалуц, ha-Халуц, חֶחָלוּץ – в пер. с иврита – первопроходец) – сионистская организация, созданная И. Трумпельдором в 1918 г., целью которой была подготовка еврейской молодежи к выезду в Палестину.

«Крымский проект» был утвержден на заседании политбюро. Основой для реализации стала именно Крымская АССР, а с 1928 г. – Крымская АССР и Биробиджан. Договор с Агро-Джойнтом рассматривается автором как возможность решения финансовой стороны вопроса. Крымскому еврейскому проекту противостоял уже упоминавшийся проект Вели Ибраимова, принятый в 1926 г., по которому земли северного Крыма должны были стать местом расселения крымских татар – эмигрантов из Турции и Добруджи.

Показательно, что на Всекрымской еврейской конференции председатель отдела национальностей ВЦИК И. Рашкес заявил: «Мы стремимся создать сплошную земельную площадь с автономией в перспективе не для концентрации всемирного еврейства, а в целях устройства на земле трех миллионов евреев СССР». Однако через несколько дней после публикации этого доклада было заявлено, что выступление было ошибочно понято ввиду недостаточного владения И. Рашкесом идишем (что, по нашему мнению, учитывая длительную карьеру этого человека в еврейских политических организациях, является маловероятным. Заметим, что слово «автономия» в идише звучит как «автономие» – *אױטאָװניע*). Несмотря на это переселенческое движение развивалось, появлялись новые еврейские районы (например, в 1930 г. был создан Фрайфдорский – совр. часть Раздольненского и Сакского районов Крыма). В целом, А. В. Ефимов считает, что проект был провальным из-за неприспособленности еврейского населения СССР к сельскохозяйственному труду и тлеющих межнациональных конфликтов. Кроме того, автор указывает, что тема крымского проекта и агроколонизации активно использовалась немецкими оккупационными СМИ в качестве одной из тем антисемитской пропаганды [5].

С «Крымским проектом» связаны исследования и российского ученого М. Г. Агапова. Он полагает, что «крымский», или «крымско-комзетский», проект выдвигался руководством СССР как «ясно осознаваемая альтернатива сионистскому проекту еврейской колонизации Палестины» [19, с. 227]. В середине 1920-х он имел большой резонанс и порой даже выглядел намного привлекательнее и перспективнее, чем палестинский. Автор также рассматривает активное противостояние ВСО «Крымскому проекту», хотя иногда ОЗЕТ проявлял к сионистам определенную лояльность. Однако к 1928 г. в связи с экономическими и политическими проблемами крымское направление еврейского переселения было свернуто в пользу «дальневосточного» [19, с. 229]. Вывод автора состоит в следующем: «Уравнивание евреев в политических правах с другими народами СССР посредством предоставления им территориально-национальной автономии (Крымский, затем Биробиджанский проекты) должно было, по замыслу партийно-советского руководства, обеспечить их интеграцию в “семью советских народов” и доказать, что справедливо “еврейский вопрос” может быть решен только в советском социалистическом государстве». Исследователь обращает внимание, что важная информация по поводу «Крымского проекта» содержится в биографии А. Брагина, одного из руководителей ОЗЕТа (Всесоюзного общества по земельному устройству трудящихся евреев). Тот в середине 20-х годов был одним из проводников этой идеи среди высшего руководства СССР, активно выступал за

границей с целью популяризации еврейских сельскохозяйственных поселений. В частности, в интервью Еврейскому телеграфному агентству в 1924 г. он высказывал уверенность в появлении автономной еврейской области в среднесрочной перспективе. Кроме того, автор упоминает выпущенный в 1924 г. «меморандум Брагина», признававший сионизм как решение еврейского вопроса в капиталистических странах, но для СССР единственным вариантом могло быть только «решение в духе марксистско-ленинского учения». По мнению М. Г. Агапова, противодействие властей Крымской АССР, в том числе и Вели Ибраимова, а также экономические проблемы вынудили свернуть проект автономии, оставив только компонент сельскохозяйственной колонизации. После начала «Биробиджанского проекта» в 1928 г. А. Брагин вместе с Ю. Лариным решительно выступили против него, однако их протест не был принят [20, с. 96–98]. В начале 30-х гг. XX в. А. Брагин был одним из инициаторов идеи использования антисемитских настроений в Европе для приобщения европейского еврейства к коммунистической идеологии. Кроме того, А. Брагин был одним из немногих деятелей в СССР, которые не отказывались от сотрудничества с ишувом – еврейским населением в Палестине, а точнее, с отдельными организациями левого толка. Исследователь считает, что проекты еврейской колонизации и создания советского еврейского центра были изначально негативно восприняты И. Сталиным, для которого еврейский вопрос должен был решиться ассимиляцией еврейского населения. В 1938 г. А. Брагин был расстрелян по обвинению в шпионаже. Согласно выводам автора, «А. Брагин стал жертвой сталинской национальной политики, с одной стороны использовавшей национальные чувства еврейской интеллигенции... а с другой – допускавшей лишь формальный суверенитет национальных республик <...> в рамках унитарной, по сути, государственной системы» [20, с. 101]. Отметим, в качестве заглавия истории первого «Крымского проекта» М. Г. Агапов выбрал слова У. Черчилля – «борьба за душу еврейского народа» [19, с. 227].

В. Возгрин, в работах которого по истории Крыма во многом нашел отражение «крымско-татарский» взгляд на историческое прошлое полуострова, упоминает о «Крымском проекте» с негативной стороны. Он его называет «Кремлевской национально-утопической идеей» и попыткой решить еврейский вопрос в СССР за счет Крыма и крымских татар. Автор соглашается с оценкой крымско-татарского общественного деятеля Джафера Сейдамета о том, что еврейско-крымско-татарский конфликт второй половины 20-х гг. XX в. искусственно разжигался и поддерживался центральной советской властью. Кроме того, важным фактором было геополитическое противостояние и желание создать «альтернативную Палестину» в ущерб Британской Империи. В итоге проект завершился бесславно. В. Возгрин также упоминает и о втором проекте, однако в этом сюжете наблюдается хаотичное смешение известных фактов и мифов. Так, с одной стороны, «Крымское письмо» не имело каких-либо последствий для Крыма, с другой, фигурирует миф о займах Агро-Джойнта под «еврейский Крым», от которых освободились, передав Крыма в состав УССР [21, с. 292–319].

Специфическая позиция отражена в работе В. Л. Вихновича, посвященной биографии караимского собирателя древних рукописей XIX в. – А. С. Фирковича. По его мнению, большую часть караимов не депортировали из Крыма в 1944 г. в связи с возможным созданием здесь еврейской автономии: после Великой Отечественной войны большинство еврейского населения Крыма было уничтожено, а караимы как его часть оккупантами не были тронуты. В целом, эта версия остается бездоказательной в силу отсутствия источников [22, с. 322].

Одним из специалистов, занимающихся историей еврейских колхозов и межнациональными отношениями в Крымской АССР в 20–30-х гг. XX в., является доцент Крымского инженерно-педагогического университета Г. Н. Кондратюк. Он рассматривает и различные аспекты «Крымского проекта». В частности, автор связывает еврейскую аграрную колонизацию с определенной формой проявления политики коренизации для еврейского населения. С другой стороны, Г. Н. Кондратюк приводит слова из выступления председателя СНК УССР Власа Чубаря в 1925 г., где тот, отвергая идею организации некой еврейской республики, дает позитивную оценку создания еврейских национальных районов или областей [23, с. 95]. Кроме того, Г. Н. Кондратюк упоминает, что работники КомЗЕТА в целях улаживания отношений с враждебными селами доказывали, что проекта еврейской автономии не существует [23, с. 96]. Автор приходит к выводу, что после судебных процессов над В. Ибраимовым, другими руководителями КрАССР характер еврейской колонизации изменился, потеряв какой-либо политический намек [23, с. 96].

Тема «Крымского проекта» также является и предметом исследования зарубежных ученых. Отметим, что зарубежная историография имеет более длительную историю, чем постсоветская

А. Л. Кагедан, канадский историк, специалист по советским проектам национальных формирований, акцентирует внимание на политической плоскости вопроса. Автор называет аграрные поселения детищем национальных экспериментов Советского правительства и зарубежных организаций, которые их финансировали. Это привело к созданию еврейских автономных районов, которые, однако, не стали основой для построения еврейской автономии. Причины – неприспособленность большей часть ашкеназского еврейского населения к сельскохозяйственному труду и начавшаяся коллективизация, оттолкнувшая потенциальных переселенцев и иностранные организации, до того поддерживавшие процесс. Основная же причина, по мнению автора, состояла в негативной реакции украинского крестьянства и крымских татар, а также правительств УССР и Крымской АССР. Выбор Биробиджана, по мнению автора, был прежде всего связан с геостратегическим расположением региона – в приграничье с Китаем и Японией. Однако он заключает, что ни «Крымский проект», ни Биробиджанский никогда не предполагались И. Сталиным в качестве полноценных «советских еврейских родин». Именно И. Сталин лично был одним из тех, кто сорвал инициацию «Крымского проекта» [24]. В другой публикации А. Кагедан обращается к украинско-еврейским отношениям в рамках создания еврейских административных единиц. Он отмечает сопротивление украинской советской элиты созданию

еврейской административно-территориальной единицы на тогдашней территории УССР. По их мнению, создание еще одной автономной единицы в составе УССР (в 1924 г. была создана Молдавская АССР) может в перспективе ограничить суверенитет республики и ослабить власть республиканских институтов. Кроме того, один из главных активистов проекта Ю. Ларин был последовательным критиком политики украинизации, что также настораживало украинскую советскую элиту. Поэтому последняя согласилась только на административные районы и продолжение колонизации. В итоге, по мнению автора, было решено сконцентрироваться на Северном Крыму (правда, автор не указывает период, когда это было сделано). Кроме того, степной Крым находился рядом с еврейскими переселенческими центрами (этот регион использовался организацией Хехалахуц как тренировочное поле для будущих поселений в Палестине). При этом сопротивление руководства Крымской АССР было намного слабее, хотя и ожесточеннее. В целом, автор заключает, что данная история показательна в качестве примера противоречий на национальных окраинах СССР и влияния на них центральной власти [25, с. 129]. Он также рассматривает причины, побудившие Агро-Джойнт начать финансирование еврейских поселений в Причерноморье, и связывает это с проявлением еврейской солидарности, вызванной проблемами евреев в СССР, в том числе тем фактом, что большинство еврейского населения находилось в статусе «лишенцев», антисоциализмом многих лидеров организации и стремлением американского еврейства доказать свое лидерство в мировом еврейском сообществе. Особо автор подчеркивает, что многими американскими евреями, особенно левого толка, еще с XIX в. аграризация считалась безусловным благом, которое спасет народ от неравенства и антисемитизма [26, с. 163–164].

В. Лакер в разделе своего исследования, посвященного территориализму (движению за создание еврейской государственности вне Палестины), вскользь упоминает о еврейских национальных районах юга Украины и Крыма, больше описывая реализацию Биробиджанского проекта, который позже вылился в Еврейскую автономную область. Он упоминает о взглядах еврейского коммунистического активиста О. Геллера, который был критиком сионизма и считал, что СССР больше всех близок к разрешению «еврейского вопроса». В. Лакер приводит его цитату в своей книге: «В будущем году в Иерусалиме? В будущем году – в Крыму! В будущем году – в Биробиджане!». Но в целом, В. Лакер опускает вопрос о «Крымском проекте» или еврейской колонизации в Крыму [27, с. 611–613].

В рамках исследования «Крымского проекта» обращает на себя внимание работа немецкого исследователя из Марбургского университета Г. Хиллинга, посвященная сельскохозяйственной коммуне реэмигрантов из Палестины «Войо-Нова» (совр. с. Листовое, Сакского района). Поселение было основано в 1928 г. группой левых сионистов из организации «Гдуд ха-авода» (הגדוד העובד, с ивр. – рабочий батальон) во главе с уроженцем Евпатории Менахемом Элькингом. Небольшая по своим размерам (27 семейств или 110 душ) группа «разочаровавшихся» сионистов должна была иметь огромный пропагандистский эффект, показывая несостоятельность «буржуазного» сионизма перед «решением

еврейского вопроса в духе марксистско-ленинского учения» [28, с. 55–57]. Однако столкнувшись с начавшейся коллективизацией и советской бюрократией, а также, по-видимому, с постепенным закрытием «Крымского проекта», через несколько лет, к 1934 г., она превратилась в обычный колхоз, практически утратив национальный признак. М. Элькинд был осужден и расстрелян как «британский шпион» в 1938 г. [28, с. 83–84]. Г. Хиллинг лишь однажды упоминает идею создания крымской еврейской автономии и не развивает тему, однако ясно, что создание подобной пропагандистской картинки «раскаявшихся сионистов» не могло не иметь перед собой политических планов создания «социалистической альтернативы» еврейского национального очага.

В монографии немецкой исследовательницы А. Кюхенбеккер, посвященной идее и истории Еврейской Автономной области в Биробиджане, одна из глав рассматривает «крымский сюжет». Первопричиной начала еврейской колонизации она считает решение проблемы несправедливого еврейского населения, большая часть которого входила в категорию «лишенцев». Двигателем проекта была коалиция из Советского правительства, представителей еврейских национал-коммунистов (уже упоминаемые Ю. Ларин и А. Брагин и другие) и иностранных еврейских организаций вроде Агро-Джойнта. Как указывает А. Кюхенбеккер, с обсуждения проекта еврейской автономии в Крыму данная коалиция распалась. Советское правительство никогда не стремилось к созданию некоей полноценной административно-территориальной единицы, к тому же конфликты с правительствами УССР и Крымской АССР и рост антисемитизма внутри страны привели к созданию Биробиджанского проекта, который, в свою очередь, отвергли еврейские национал-коммунисты и часть еврейских зарубежных организаций, кроме ультралевых. Однако Биробиджан очень быстро потерял свою значимость для евреев СССР, что послужило поводом для представителей Еврейского антифашистского комитета к написанию «Крымского письма» 1944 г. [29].

Одним из крупных специалистов, который занимается еврейской сельскохозяйственной колонизацией в Крыму, является профессор Иерусалимского университета Й. Декель-Хен. Хотя непосредственно вопросом «Крымского проекта» в политическом аспекте исследователь не занимается, у него присутствуют разработки, показывающие взаимосвязь крымской колонизации, палестинской, а также еврейской аграризации в Аргентине, Доминиканской республике, а также в США и Канаде, которыми также опекался Джойнт [30]. Кроме того, автор подчеркивает, что А. Брагин был в числе первых сионистов, а брат лидера Сионистской организации Хаима Вейцмана Самуил был в президиуме ОЗЕТа [31, с. 272–273].

В целом, недостаточную изученность проблемы можно также проиллюстрировать упоминанием о ней в обобщающих работах. Например, в «Очерках истории евреев Украины», в главе, посвященной аграрной колонизации, тема «Крымского проекта» не упоминается вообще [32]. В Электронной Еврейской энциклопедии лишь в двух абзацах в разделе «Крым» про первый проект говорится, что «велась дискуссия, в основном тайная. <...> Выдвигались проекты А. Брагина и Ю. Ларина <...> но возобладала точка зрения членов Евсекции, которые видели в

этом только решение экономических проблем». Второй проект упоминается еще меньше: «По-видимому, в 1944 г. возник проект создания в Крыму еврейской республики, который был позже использован для расправы над еврейским антифашистским комитетом» [33].

Проанализировав историографию, мы можем сделать следующие выводы.

Проблема «Крымского проекта» является практически не разработанной. Начало активного изучения темы приходится только на конец 90-х – начало 2000-х гг.

Исследований, которые посвящены непосредственно «Крымскому проекту», – единицы. В основном тема рассматривается в контексте еврейской аграрной колонизации в Причерноморье, межнациональных отношений в Крыму либо истории евреев в СССР.

В зарубежной историографии основное внимание авторов сконцентрировано на изучении «первого проекта». В постсоветской распределение работ более равномерное. В зарубежной историографии преобладает структуралистский подход к теме, тогда как в постсоветской – позитивистский.

В истории «Крымского проекта» выявляется много «белых пятен», что позволяет поставить в качестве задач дальнейшего исследования следующие вопросы. Каковы были географические рамки потенциальной «еврейской автономии» в Крыму? Какова роль Агро-Джойнта в обсуждении политической составляющей «Крымского проекта» и участвовал он в этом вообще? Как реально относились представители сионистских кругов к «Крымскому проекту»? Каков был международный резонанс «Крымского проекта»? Насколько реальным было создание еврейской автономии в середине 20-х гг. в Крыму? Еврейские национальные районы были созданы для создания автономии либо вместо? Второй «Крымский проект» – это шпионская интрига, благая инициатива в никуда, позже ставшая основанием для государственного антисемитизма, или реально существовавший в среде советской элиты проект?

Список использованных источников и литературы

1. Кострыченко Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм / Г. В. Кострыченко. – изд. 2-е: доп. – М.: Международные отношения, 2003. – 778 с.
Kostyrchenko G. V. Tajnaja politika Stalina: vlast' i antisemitizm / G.V. Kostyrchenko – izd. 2-e: dop. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2003. – 778 s.
2. Бережанская Б. Б. Еврейские колхозы в Крыму // Евреи Крыма: очерки истории / Научно-исследовательский центр крымоведения. – Симферополь; Иерусалим, 1997. – С. 71–84.
Berezhanskaja B. B. Evrejskie kolhozy v Krymu // Evrei Kryma: ocherki istorii / Nauchno-issledovatel'skij centr Krymovedeniya. – Simferopol'; Ierusalim, 1997. – S. 71–84.
3. Пашеня В. Н. Этнонациональное развитие в Крыму в первой половине XX в. (1900–1945 гг.) / Таврический национальный ун-т им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2008. – 288 с.
Pashhenja V. N. Jethnonacional'noe razvitie v Krymu v pervoj polovine XX v. (1900–1945 gg.) / Tavricheskij natsionalnuy un-t im. V.I.Vernadskogo. – Simferopol', 2008. – 288 s.
4. Dekel-Chen J. «New» Jews of the Agricultural Kind: A Case of Soviet Interwar Propaganda // the Russian Review. – 2007. – № 66. – P. 424–450.
5. Ефимов А. Еврейская советская социалистическая республика в Крыму: к истории одного проекта // Фонд «Москва – Крым». – URL: <http://web.archive.org/web/20090212214919/http://www.moscow-crimea.ru/history/20vek/republic.html> (Дата обращения: 13.01.2018).

- Efimov A. Evrejskaja sovetskaja socialisticheskaja respublika v Krymu: k istorii odnogo proekta // Fond «Moskva-Krym» URL: <http://web.archive.org/web/20090212214919/http://www.moscow-crimea.ru/history/20vek/republic.html> (data obrashhenija: 13.01.2018).
6. Костырченко Г. Дело Михоэlsa – новый взгляд // Лехаим. – URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/139/kostyr.htm> (Дата обращения: 10/02/2018).
- Kostyrchenko G. Delo Mihojelsa – novyj vzgljad // Lehaim – URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/139/kostyr.htm> (data obrashhenija: 10/02/2018).
7. Громенко С. Миф о Крымской Калифорнии. – URL: <https://www.stopfake.org/mif-o-krymskoj-kalifornii/> (Дата обращения: 10/02/2018).
- Gromenko S. Mif o Krymskoj Kalifornii // URL: <https://www.stopfake.org/mif-o-krymskoj-kalifornii/> (data obrashhenija: 10/02/2018).
8. Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль, 1930–1950 годы. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/sudoplatov_pa/index.html
- Sudoplatov P. A. Specoperacii. Lubyanka i Kremľ' 1930–1950 gody. – M.: OLMA-PRESS, 1997. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/sudoplatov_pa/index.html
9. Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Еврейский вопрос: хроника сороковых годов // Вестник Российской академии наук. – 1993. – № 1. – С. 70–72.
- Batygin G. S., Devjatko I. F. Evrejskij vopros: hronika sorokovyh godov // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. – 1993, – № 1. – S. 70–72.
10. Царевская Т. В. Крымская альтернатива Биробиджану и Палестине // Отечественная история. – 1999. – № 2. – С. 121–125.
- Carevskaja T. V. Krymskaja al'ternativa Birobidzhanu i Palestine // Otechestvennaja istorija. – 1999. – № 2. – S. 121–125.
11. Костырченко Г. «Еврейский Крым» // Наш современник. – 2010. – № 6. – С. 176–193.
- Kostyrchenko G. «Evrejskij Krym» // Nash sovremennik. – 2010. – № 6. – S. 176–193.
12. Чеботарева В. Т. Социальные противоречия национальной политики в Крымской АССР в 1920-е годы // Вопросы истории. – 2006. – №12. – С. 23–43.
- Chebotarjova V. T. Social'nye protivorechija nacional'noj politiki v krymskoj ASSR v 1920-e gody // Voprosy istorii. – 2006. – №12. – S. 23–43.
13. Мицель М. «Последняя глава»: Агро-Джойнт в годы Большого террора / Ред. В. Любченко. – Киев: Дух і Літера, 2012. – 461 с.
- Micel' M. «Poslednjaja glava»: Agro-Dzhojnt v gody Bol'shogo terrora / red. V. Ljubchenko. – Kyiv: Duh i Litera, 2012. – 461 s.
14. Мицель М. Участие Американского еврейского распределительного комитета в борьбе с голодом в 1922–1923 гг. // Єврейська історія та культура кінця XIX – поч. XX століття. – Київ: Інститут Юдаїки, 2003. – С. 75–84.
- Micel' M. Uchastie Amerikanskogo evrejskogo raspredelitel'nogo komiteta v bor'be s golodom v 1922–1923 gg. // Yevrejs'ka istoriya ta kul'tura kincyа XIX – poch. XX stolittya. – Kyiv: Insty'tut Yudayiky', 2003. – S. 75–84.
15. Мицель М. Программы «Джоинта» в СССР, 1943–1947 гг.: Материалы Девятой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике / Редкол.: К. Ю. Бурмистров, Р. М. Капланов, В. В. Мочалова. – Вып. 10. – М., 2002. – Ч. 1. – С. 124–130.
- Micel' M. Programmy «Dzhojnta» v SSSR, 1943–1947 gg. Materialy Devjatoj Ezhegodnoj Mezhdunarodnoj Mezhdisciplinarnoj konferencii po iudaike / Redkol.: K.Ju. Burmistrov, R.M. Kaplanov, V.V. Mochalova. Vyp. 10. – M., 2002. – Ch. 1. – S.124–130.
16. Бейзер М. Мицель М. Американский брат: Джойнт в России, СССР, СНГ / Американский еврейский объединенный распределительный комитет «Джойнт». – 208 с.
- Bejzer M. Micel' M. Amerikanskij brat: Dzhojnt v Rossii, SSSR, SNG / Amerikanskij evrejskij obiedinjonnyj raspredelitel'nyj komitet «Dzhojnt». – 208 s.
17. Козерод О. Єврейська колонізація Криму в 1921–1926 рр. // Етнічна історія народів Європи. – 2001. – Вип. 10. – С. 92–95.
- Kozerod O. Yevrejs'ka kolonizaciya Krymu v 1921–1926 rr. // Etnichna istoriya narodiv Yevrop'. – 2001. – Vyp. 10. – S. 92–95.

18. Медведев Ж. Сталин и еврейская проблема: Новый анализ. – М.: Права человека, 2003. – URL: https://scepis.net/library/id_1473.html (Дата обращения: 13.01.2018).
- Medvedev Zh. Stalin i evrejskaja problema: Novyj analiz. – M.: Prava Cheloveka, 2003. – URL: https://scepis.net/library/id_1473.html (data obrashhenija: 13.01.2018).
19. Агапов М. Г. Истоки советско-израильских отношений: «еврейский национальный очаг» в политике СССР в 1920-е – 1930-е гг. – Тюмень: Вектор Бук, 2011. – 324 с.
- Agarov M. G. Istoki sovetsko-izrail'skih otnoshenij: «evrejskij nacional'nyj ochag» v politike SSSR v 1920-e–1930-e gg. – Tjumen': Vektor Buk, 2011. – 324 s.
20. Агапов М. Г. А. Г. Брагин и проекты еврейского национального строительства в СССР // Вопросы истории. – 2013. – № 2. – С. 91–100.
- Agarov M. G. A. G. Bragin i proekty evrejskogo nacional'nogo stroitel'stva v SSSR // Voprosy istorii — 2013. – № 2. – S. 91–100.
21. Возгрин В. Е. История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма в 4-х т. / В.Е. Возгрин – 3-е издание: стереотипное. – Симферополь: Тезис, 2013. – Т. 3. – 880 с.
- Vozgrin V. E. Istorija krymskih tatar: ocherki jetnicheskoj istorii koren'nogo naroda Kryma v 4-h t. / V. E. Vozgrin – T. III. – 3-e izdanie: stereotipnoe. – Simferopol': Tezis, 2013. – T.3. – 880 s.
22. Вихнович В. Л. Поразительная судьба караимов в XX в. // Вихнович В. Л. Караим Авраам Фиркович: еврейские рукописи. История. Путешествия. – СПб.: Академия исследований культуры, 2012. – С. 318–324.
- Vihnovich V. L. Porazitel'naja sud'ba karaimov v XX v. // Vihnovich V. L. Karaim Avraam Firkovich: evrejskie rukopisi. Istorija. Puteshestvija. – SPb.: Akademija issledovanij kul'tury, 2012. – S. 318–324.
23. Кондратюк Г. Переселение евреев в Крым в условиях политики коренизации (20-е годы XX века) // Українознавчий альманах. – 2012. – Вип. 7. – С. 94–97.
- Kondratjuk G. Pereselenie evreev v Krym v uslovijah politiki korenizacii (20-e gody XX veka) // Ukrainoznavchij almanakh. – 2012. – Vyp. 7. – S. 94–97.
24. Kagedan A. L. Soviet Zion: The Quest for a Russian Jewish Homeland / A. L. Kagedan – NY: St.Martin press, 1994. – 157 p.
25. Kagedan A. L. Soviet Jewish Territorial Units and Ukrainian-Jewish Relations // Harvard Ukrainian Studies. – 1985. – Vol. 9, No. 1/2. – P. 118–132.
26. Kagedan A. L. America Jews and the Soviet Experiment: Agro-Joint project, 1924–1937 // Jewish Social Studies. – 1981. – № 2. – Vol. 43. – P. 153–164.
27. Лакер В. История Сионизма / В. Лакер; пер с англ. А. Блейз, О. Блейз. – М.: Крон-пресс, 2000. – 948 с.
- Laker V. Istorija Sionizma / V. Laker; per s angl. A. Blejz, O. Blejz. – M.: Kron-press, 2000. – 848 s.
28. Хиллинг Г. Возвращение из Эрец-Исраэль: рождение и гибель сельхозкомунны «Войо-Нова» (1928–1935 гг.) // В поисках рая: о еврейском землеустройстве в Крыму / Г. Хиллинг; ред. колл: Н. Высоцкая, И. Галагановская, А. Глубочанс и др.; пер. М. Гендин. – Симферополь: Издательский центр «Хесед-Шимон», 2004. – С. 31–120.
- Hilling G. Vozvrashhenie iz Jerec-Israjel': rozhdenie i gibel' sel'hozkomunny «Vojo-Nova» (1928–1935 gg.) // V poiskah raja: o evrejskom zemleustrojstve v Krymu / G.Hilling; red. koll: N. Vysockaja, I. Galaganovskaja, A. Glubochans i dr.; per. M. Gendin. – Simferopol': izdatel'skij centr «Hesed-Shimon», 2004. – S. 31–120.
29. Kuchenbecker A. Zionismus ohne Zion: Birobidžan: Idee und Geschichte eines jüdischen Staates in Sowjet-Fernost / A. Kuchenbecker. – Berlin: Metropol, 2000. – 274 s.
30. Dekel-Chen J. Jewels from the Earth (2017) // Concordia University URL: <https://www.youtube.com/watch?v=f4mCIRHP288&t=2967s> (дата обращения: 07/02/2018).
31. Dekel-Chen J. JCA-ORT-JAS-JDC: One Big Agrarianizing Family // Jewish History. – 2007. – № 21. – P. 263–278.
32. Нариси з історії та культури євреїв України / Уп. та ред.: Л. Фінберг, В. Любченко. – 2 вид. – Київ: Дух і Літера, 2008. – 440 с.
- Narysy z istoriyi ta kul'tury yevreyiv Ukrayiny / Up. ta red.: L. Finberg, V. Lyubchenko. – 2 vyd. – Kyiv: Duh i Litera, 2008. – 440 s.
33. Крым // Электронная еврейская энциклопедия. – URL: <http://eleven.ort.org/diaspora/regions-and-countries/12247/> (Дата обращения: 08/02/2018).

Krym // Jelektronnaja evrejskaja jenciklopedija URL: <http://eleven.ort.org/diaspora/regions-and-countries/12247/> (data obrashhenija: 08/02/2018).

K. Yu. Mogarichev On projects of the Jewish Autonomy in Crimea 1920–1940: historiographical approach

The article considers historiography of the «Crimea project» – efforts of creation in Crimea peninsula Jewish soviet autonomy. The author justifies selection of the two stages of that phenomenon. The first stage (the first «Crimea Project») dates back 1920–1930-s and was connected with Jewish Agro-colonization in Crimea. The project was also linked with early Soviet policy of korenizatsiya and the purpose was to create densely Jewish population in the area to provide possibility of establishing Soviet-type autonomous republic in Northern Crimea. However, due to economic troubles and confrontation with Crimean SSR government and tensions with local population, by end of 1920-s plans of creation Soviet Jewish unit was relocated to Birobidzhan area and in Crimea remains only agrarization component. The second stage (or the Second «Crimea Project») dates back to 1940-s and was the result of activity of Jewish Anti-Fascist Committee (JAC) and so-called «Crimean letter», where JAC maintained to revive «Crimea Project». Nonetheless, these efforts had no effect, apart from base of future anti-Semitic trials in Soviet Union. The author concludes that issue of «Crimea Project» is poorly researched. The beginning of the active researching of the topic dates back to 1990-s – 2000-s. Papers directly devoted to «Crimea Project» is very little. Main researches were made in context of Jewish agrarization in Black Sea Region, inter-ethnic relations in Crimea or history of Jews in the USSR. Foreign scholars mainly studies the First Project, post-soviet has some studies of the second. Foreign researches uses structuralist approach while post-soviet uses positivist one.

Keywords: Crimea, «Crimea Project», Jewish autonomy, Korenizatsiya, agricultural colonization. USSR.

УДК 94(363.6) + 94(495).01

**ГОТСКАЯ ВОЙНА 535–554 гг.
И КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ ВАРВАРСКОГО СООБЩЕСТВА:
ГЕРМАНСКИЕ ПЕРЕБЕЖЧИКИ И ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ВИЗАНТИИ**

Назаров А. Д.

*Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: andrey.nazarov451@gmail.com*

Рассматривается проблема самоидентификации остготов в условиях вооруженного противостояния с Византией в 535–554 гг. По мнению автора, лояльность жителей Италии той или иной стороне конфликта была обусловлена в первую очередь военно-политической обстановкой на Апеннингах. Они стремились примкнуть к тому лагерю, которому сопутствовал успех в войне. Многие варвары перешли на сторону империи или были вынуждены сдаться неприятелю. Оказавшиеся в плену германцы, как правило, зачислялись в императорские вооруженные силы и несли службу в отдаленных провинциях (например, в Сирии или в Египте). Часть представителей варварской аристократии, недовольная политикой остготских королей, переходила на сторону Византии добровольно. Судя по данным источников, эти знатные германцы пользовались в империи почетом и уважением. Наиболее известными представителями этой группы были гепид Мунд, служивший военачальником у Теодориха Великого, и Амалафрида, внучатый племянник остготского короля. На императорской службе оба германца получили назначение на посты военных магистров. По мнению автора статьи, после разгрома остготского королевства императорская администрация не сумела в полной мере обеспечить интеграцию готских общин Италии в социально-политическую систему Византии. Как следствие, в 562/563 г. они подняли мятеж против императора при поддержке австразийских франков. Несмотря на поражение в войне, остготы продолжали компактно проживать в некоторых районах Италии, а нормы готского права действовали на севере страны вплоть до второй половины VII в.

Ключевые слова: Византия, византийская армия, остготы, королевство остготов, Юстиниан Великий.

После смерти Аттилы в 453 г. и распада державы гуннов остготы по договору с Восточной Римской империей поселились в Паннонии. Впоследствии на протяжении 30 лет они представляли значительную угрозу внутривосточной стабильности Византии. В 488 г. император Зенон (474–491) сумел убедить короля Теодориха покинуть Подунавье и вторгнуться в Италию, где властвовал Одоакр. Военные действия на Апеннингах продолжались до 493 г. и окончились победой остготов (Iord. Get. 292; Anon. Val. IX. 49; Theoph. AM 5977; Malal. XV. 9; Marc. Com. 488; Ioann. Ant. fr. 237. 8; Proc. BG. I. 1. 10–12). Власть Теодориха над Италией была признана в Константинополе. Следует согласиться с мнением Е. Хрисоса, согласно которому остготские короли управляли своими владениями не только *de facto*, но и *de iure*. Однако каждый новоизбранный *rex* должен был согласовывать свой статус с византийским императором [5, S. 474; ср.: 1, с. 403–404, 491–492].

Именно в правление Теодориха Великого (493–526) королевство остготов достигло наивысшего могущества. Однако вслед за его смертью в варварском сообществе произошел раскол. Многие представители германской знати были

недовольны провизантийской политикой королевы Амаласунты, дочери Теодориха и матери короля Аталариха (526–534). После смерти этого правителя новым *rex* стал племянник Теодориха Великого Теодахад (534–536), который распорядился сначала заключить Амаласунту в темницу, а затем убить ее. Гибель королевы дала Юстиниану I (527–565) повод начать войну против остготов. Византийский император планировал не только противостоять агрессивной политике варваров в Иллирике, но и восстановить контроль над Италией, что должно было стать важнейшим шагом по восстановлению Римской империи в прежних границах.

Противостояние *exercitus Gothorum* и Восточной Римской империи неоднократно становилось предметом внимания исследователей. Прежде всего, необходимо упомянуть работы Т. Ходжкина, Э. Штайна, З. В. Удальцовой, Х. Вольфрама [1, с. 477–517; 2, с. 236–437; 6; 10, с. 328–368, 564–622]. Для рассматриваемой нами проблемы большое значение имеет исследование П. Эймори. В частности, американским историком было рассмотрено отношение жителей Италии, как варваров, так и негерманского населения, к боевым действиям, развернувшимся на Апеннинах в 535–554 гг. [3, с. 165–192]. Целью настоящей работы является изучение последствий кризиса идентичности, с которым столкнулось сообщество остготов в этот период, и его влияния на мотивацию и мировоззрение германцев, переходивших на сторону Византии. Данная цель предполагает также рассмотрение различных аспектов процесса инкорпорации варваров в военную систему Восточной Римской империи.

Следует отметить, что после смерти Теодориха Великого некоторые его воины покинули королевство остготов. Среди них был Мунд, сын короля гепидов Гиезма. В юности он покинул королевский двор и в изгнании, по словам Иордана, сформировал банду из «скотокрадов, и скамаров, и разбойников» (Get. 301). Позднее Мунд присоединился к Теодориху. После смерти этого короля, около 529 г., он перешел на византийскую службу. Юстиниан I назначил Мунда военным магистром Иллирика, поручив ему охрану дунайской границы от набегов гуннов, булгар и славян (Marc. Com. 530; Malal. XVIII. 46; Theoph. AM 6032). После краткосрочного пребывания на Востоке в 531–532 г. германский военачальник возвратился в Иллирик. В начале войны с остготами в 536 г. он захватил Салону (совр. хорв. Сплит), но через несколько месяцев погиб в бою, стремясь отомстить врагам за смерть своего сына Маврикия (Proc. BG. I. 5. 11; 7. 3–5). Известно также, что внук Мунда Теодимунд служил в императорской армии, а внучка была выдана замуж за герула Аруфа (Proc. BG. III. 1. 36; IV. 26. 13).

В 536 г. на Сицилии высадилось византийское войско, которым командовал Велисарий. После захвата острова восточноримские силы переправились на Апеннины, где за короткое время подчинили Калабрию, Апулию и Кампанию. Вторжение еще более усугубило разлад среди остготской знати. Более того, сенатская аристократия поддержала Велисария, равно как и ортодоксальное духовенство. Однако в то же время некоторые итальянцы оказывали помощь остготам [3, с. 172]. С учетом того, что более чем за четверть столетия между варварами-завоевателями и римским населением установились прочные контакты, проблема лояльности той или иной стороне конфликта еще более остро встала

перед жителями Италии, хранившими память о временах, когда Римом правили императоры.

Внутренние смуты усиливали разобщенность среди остготов. Так, сразу после высадки византийских войск в Калабрии зять Теодахада Эбримут сдал противнику Регий (совр. итал. Реджо-ди-Калабрия). После этого он был отослан в Константинополь, где его наградили титулом патрикия (Proc. BG. I. 8. 3; Iord. Get. 309) [12, с. 433–434]. Х. Вольфрам считал, что Эбримут был отправлен королем к Велисария для того, чтобы вступить с ним в переговоры и заручиться поддержкой византийского полководца, но не преуспел в этом начинании [1, с. 488–489]. Вскоре Теодахад был свергнут, вместо него королем стал Витигис (536–540). Он не принадлежал к роду Амалов, при дворе Аталариха он служил спафарием (*spatharius*). Среди соплеменников Теодахад считался храбрым воином и успешным военачальником. С целью легитимации своей власти новоизбранный *rex* насильно взял в жены Матасунту, дочь Амаласунты (Proc. BG. I. 11. 27).

Тем временем византийская армия продолжала наступление. В декабре 536 г. благодаря содействию папы Сильверия (536–537) Велисарий занял Рим. Остготский гарнизон покинул Вечный город, не оказав сопротивления. Только его командир Левдер остался в Риме, по словам Прокопия Кесарийского, «сожалея о настигшей его судьбе» [12, с. 789]. Как и Эбримут, он был отправлен в Константинополь (BG. I. 14. 13–15). Немного позднее в Самнии к императорской армии присоединился Питца, которому была поручена охрана этой области (Proc. BG. I. 15. 1–2). Далее в столкновении близ Перузии (совр. итал. Перуджа) были взяты в плен варварские военачальники Унила и Писса (Proc. BG. I. 16. 5–7).

По свидетельству Прокопия Кесарийского, пленные германцы стали источником для пополнения императорских войск в Италии. Например, защитники Петры капитулировали, дав обещание стать «императора рабами и Велисария подчиненными» (BG. II. 11. 19). В 538 г. сдался гарнизон Урбина (совр. итал. Урбино) «с условием, что ничего дурного с ними не случится, что они будут подданными императора (βασιλέως κατήκοοι) и с римским войском на равных и общих правах станут» (Proc. BG. II. 19. 17).

В осажденном Фезуле (совр. итал. Фьезоле) страдавшие от голода остготские воины также согласились на капитуляцию (Proc. BG. II. 27. 25–26). Вероятно, по аналогичной причине капитулировали защитники Ауксима (совр. итал. Озино) в Анконе. Известно, что после сдачи крепости эти варвары примкнули к войску Велисария (Proc. BG. II. 27. 34). В дальнейшем императорской армии сдался гарнизон Тарвизия (совр. итал. Тревизо) (Proc. BG. II. 29. 40–41). На сторону Велисария перешел также Сисигис, который командовал германскими отрядами в Коттиевых Альпах (Proc. BG. II. 28. 30) [12, с. 1158–1159]. Когда племянник Витигиса Урайя в 539 г. попытался восстановить контроль над Лигурией, восточноримские командиры Иоанн, племянник Виталиана и Мартин предприняли ответный рейд по владениям остготов. Они захватили в плен семьи воинов из отрядов Урайя, что вынудило германцев сложить оружие (Proc. BG. II. 28. 31–35).

По замечанию П. Эймори, в официальной пропаганде зачисление германцев в ряды византийской армии, а также признание ими императора своим правителем и

господином представлялось как переход от варварства к *Romanitas*. Таким образом, в основе дихотомии «свой – чужой» лежала лояльность воинов либо августу, либо королю и родному *gens* [3, с. 136, 168–169]. Отметим, что еще до П. Эймори к такому же выводу пришел Дж. Тилл, позднее эту точку зрения поддержал и Дж. Грейтрекс [7, с. 274; 11, с. 296]. Д. Парнелл, впрочем, считает, что в VI в. для термина βάρβαροι была характерна полисемантичность. Под это определение, помимо врагов Византии, попадали служившие в императорской армии чужеземцы. В некоторых случаях, когда речь шла о воинах, проявлявших неоправданную жестокость и неспособных контролировать свои эмоции, оно приобретало уничижительную коннотацию. Таким образом, одной лишь лояльности императору было недостаточно для обретения репутации «римского гражданина» [8, с. 811]. По нашему мнению, во время войны социокультурный аспект термина βάρβαροι отходил на второй план, поскольку первостепенное значение отводилось принадлежности индивида к тому или иному противоборствующему лагерю.

Военные неудачи еще более ожесточили остготов. В 537 г. Витигис перешел в контрнаступление, однако германцы потерпели поражение при попытке отбить у неприятеля Рим. В отместку король велел перебить всех сенаторов, которые находились в Равенне (Proc. BG. I. 26. 1). Помимо этого, варвары жестоко отомстили жителям Медиолана (совр. итал. Милан) за переход на сторону императора, «избивая мужчин и угоняя в рабство женщин» (Proc. BG. II. 21. 39; cf.: Mar. Avent. 538). По словам Прокопия Кесарийского, после череды поражений остготы стали тяготиться властью Витигиса. Они якобы даже предложили корону Велисария, но получили отказ. Одновременно с этим многие из варваров не желали переходить в византийское подданство, опасаясь последующих переселений (Proc. BG. II. 29. 17). Тем не менее в начале 540 г. они открыли перед неприятелем ворота Равенны, после чего боевые действия прекратились. Большая часть остготской знати сдалась, явившись к Велисария. Только командующий гарнизоном в Вероне Хильдебад отказался повиноваться, но и он отправил послов к императору, поскольку его сыновья находились в заложниках (Proc. BG. II. 29. 41). В том же году Велисарий покинул Апеннины. По его распоряжению к Юстиниану I было отправлено множество германских воинов. Кроме того, вместе с византийским главнокомандующим на борт корабля, отплывающего в Константинополь, взошли плененный король Витигис и его супруга Матасунта (Proc. BG. II. 30. 8; Iord. Get. 313–314; Malal. XVIII. 88; Mar. Avent. 540).

Заслуживает отдельного упоминания, что в столицу империи прибыл также Амалафрид [12, с. 50–51]. Он был сыном короля тюрингов Гермнефрида и Амалаберги, племянницы Теодориха Великого. Когда отец Амалафрида пал в бою с франками, его жена вместе с ребенком бежала к своему брату Теодахад. Перебравшись в Византию, Амалафрид получил назначение на должность военного магистра. Более того, Юстиниан I выдал его сестру замуж за предводителя лангобардов Аудоина. Когда последний попросил императора о помощи в войне с гепидами, для поддержки союзника было отправлено многочисленное войско, но в итоге к Аудоину прибыл только Амалафрид с небольшим отрядом. Причиной тому были беспорядки в Ульпиане (совр. Приштина), вынудившие Юстиниана I

отправить туда отряды, первоначально шедшие на подмогу лангобардам (Proc. BG. I. 13. 1–2; IV. 25. 11–14; cf.: Paul. Diac. Hist. Rom. XV. 20).

Необходимо отметить, что после зимовки в Константинополе Велисарий отправился на Восток, где шла война с державой Сасанидов. Согласно Прокопию Кесарийскому, в составе его войска находились остготы (Proc. BP. II. 14. 8–10). Известно, что византийские власти в VI в. неоднократно формировали из пленных варваров регулярные подразделения. Так, Юстиниан I распорядился зачислить вандалов в пять кавалерийских подразделений (*καταλόγοι ἵπτικοί*) и отправил их на Восток (Proc. BV. II. 14. 17; BG. III. 3. 10). Некоторые остготы были отправлены служить в Египет [13, с. 26]. На основании данных папирологии можно заключить, что в Фиваиде в VI в. был размещен отряд франков. Р. Бэгнолл и Б. Пальме полагают, что это воинское подразделение было направлено в Гермополь (совр. егип. Эль-Минья) еще в IV – начале V в. [4, с. 4–5]. Однако более предпочтительной представляется точка зрения Н. Андервуда, утверждающего, что франки появились в Египте именно при Юстиниане I [13, с. 35–37].

Примечателен рассказ Прокопия Кесарийского об одном из германских военачальников – остготе Гоаре [12, с. 538–539]. Он попал в плен в Далмации, после чего был отослан к императору. Византийский историк охарактеризовал Гоара как «непокорного и дерзкого, яростно шедшего наперекор беспощадной судьбе». Находясь в плену, он задумал поднять мятеж, но его замысел оказался раскрыт, после чего Гоар был сослан в Антинополь (совр. егип. Шейх-Ибада). Впоследствии Юстиниан I помиловал его, что позволило варвару вернуться в столицу империи. Тем не менее в Константинополе Гоар решил вновь устроить бунт. К нему присоединился лангобардский *rex* Хильдигис, который за несколько лет до этих событий потерпел поражение в борьбе за власть среди своих сородичей и бежал в Византию. Император назначил его трибуном одной из дворцовых схол, а 300 соплеменников, сопровождавших беглого вождя, были размещены во Фракии. Однако затем Хильдигис «стал жаловаться, что не пристало давать ему чин и содержание, чести его и римской власти не соответствующие». В итоге германские военачальники договорились бежать к гепидам. Поначалу их предприятию сопутствовал успех, но вскоре Аудоин убедил гепидского короля Туризинда убить Хильдигиса (BG. IV. 27. 1–28). О дальнейшей судьбе Гоара источники умалчивают. Бескомпромиссность этих представителей варварской знати можно объяснить тем, что они не получили возможности достичь желаемого места в военной и социальной иерархии империи. Должности, которые занимали Гоар и Хильдигис, не соответствовали их амбициям, что порождало конфликты с византийскими властями.

В 540–541 гг. в королевстве остготов сменилось три правителя. Впрочем, по мнению Х. Вольфрама, все они были узурпаторами, поскольку не имели прав на высшую власть ни по римскому, ни по готскому закону. Однако пресечение рода Амалов давало шанс некоторым знатым германцам заявить о своих притязаниях на корону [1, с. 502–503]. После пленения Витигиса новым правителем остготов стал племянник короля вестготов Теудиса (531–548) Хильдебад, который вскоре был убит. Впоследствии варвары избрали королем Эрариха, но он также продержался на

троне менее года. В конечном итоге правителем остготов стал Тотила (541–552), другой племянник Хильдебада. Воспользовавшись тем, что большая часть византийских войск была переведена в другие провинции, он перешел в контрнаступление. Военные успехи Тотилы позволили ему сплотить сообщество остготов.

По словам Прокопия Кесарийского, в 540 г. в Равенне «жены, которым доводилось от мужей слышать, как велики числом были победившие их враги, сидя у ворот, увидели войско (Велисария. – *А. Н.*) и в лица мужьям плевали, и, указывая руками на победителей, поносили за трусость» (BG. II. 29. 34). По нашему мнению, в схожей ситуации могли оказаться готы, проживавшие в других населенных пунктах, поэтому возможность дать отпор византийским войскам стала для них делом чести. Тотиле удалось также привлечь на свою сторону негерманское население Италии, недовольное фискальной политикой логофета Александра, получившего прозвище *Ψαλίδιον* («ножницы»). К тому же сокращением жалования были возмущены солдаты и командиры императорской армии, что стало причиной массового дезертирства (Proc. BG. III. 1. 28–29 ff.). Просчетами византийской администрации воспользовался Тотила, предложив перебежчикам и военнопленным вступить в свое войско (Proc. BG. III. 5. 19 ff.). Как следствие, когда Велисарий в 544 г. вернулся в Италию и обратился к ее жителям с призывом подчиниться императору, большинство остготов и италийцев осталось равнодушными к возванию полководца (Proc. BG. III. 11. 1–11).

Впрочем, некоторые варвары, находившиеся на византийской службе, оказывали упорное сопротивление войскам Тотилы. Так, Сизифрид, «чрезвычайно благосклонный к римлянам», возглавил оборону Ассисия (совр. итал. Ассизи) в Этрурии [12, с. 1159–1160]. Во время одной из вылазок германец был убит, а затем пала и сама крепость (Proc. BG. III. 12. 12; 17). Этот пример свидетельствует о том, что по мере эскалации конфликта идентичность различных групп, населявших Апеннины, определялась в первую очередь их лояльностью той или иной враждующей стороне [3, с. 187]. Так или иначе, остготам удалось восстановить контроль над большей частью Италии. Немногочисленные успехи византийских войск имели локальный характер. К примеру, в 546/547 г. Иоанн, племянник Виталиана, разгромил отряд остготов в Бруттии, после чего оставшиеся в живых варвары во главе с Рецимундом сдались в плен (Proc. BG. III. 18. 36). Это решение германцев было продиктовано тем, что они оказались в отчаянной ситуации, будучи вынужденными выбирать между смертью и неволей.

В начале 550-х гг. у Юстиниана I появилась возможность отправить в Италию многочисленные подкрепления, что позволило императорской армии перейти в контрнаступление. Поскольку Витигис к тому времени скончался, его вдова Матасунта была выдана замуж за Германа, двоюродного брата императора. По расчету византийских властей, «если вместе с ним при войске жена будет, само собой сочтут постыдным готы оружие обращать против нее, памятуя о власти Теодориха и Аталариха» (Proc. BG. III. 39. 14–15; cf.: Iord. Get. 310; Rom. 373). Более того, солдаты, ранее перешедшие на сторону остготов, отправили вестников в Византию, заявив о готовности вернуться под знамена императорской армии и

оказать поддержку Герману (Proc. BG. III. 39. 22). Однако внезапная смерть родственника в 550 г. вынудила Юстиниана I внести коррективы в свои планы. Он поручил руководство армией Иоанну, племяннику Виталиана, который к тому же был зятем Германа (Proc. BG. III. 40. 9–10).

На Сицилии также действовали византийские войска. В частности, Артабан принудил к сдаче немногочисленные отряды остготов, находившиеся на острове (Proc. BG. IV. 24. 2). В 552 г. на сторону императора перешли военачальники Мора и Рагнар, которые командовали гарнизонами Акерунтии (совр. итал. Ачеренцо) и Тарента (совр. итал. Таранто) [12, с. 895, 1076]. Впрочем, когда стало известно о гибели Тотилы и избрании королем Тейи, Рагнар, гунн по происхождению, отказался выполнять условия соглашения. Он даже атаковал византийские силы, но потерпел поражение (Proc. BG. IV. 26. 4; 34. 9). Не исключено, что непоследовательность действий этого варвара объяснялась личной антипатией к Тотиле. После битвы при Тагине в 552 г., в которой Нарсес наголову разбил остготов, перевес в войне окончательно склонился на сторону Византии. Тем не менее именно после этого сражения Рагнар вновь повернул оружие против императорских войск. Впоследствии он снова попал в плен и был отправлен в Кампсу (совр. итал. Конца) в Кампании. В 554 г. Рагнар поднял очередной мятеж, попытался во время переговоров убить Нарсеса, но сам был смертельно ранен стрелой, пущенной дорифором византийского полководца. После этого инцидента Нарсес отослал воинов Рагнара в Константинополь во избежание новых волнений (Agath. II. 13–14).

Отдельного внимания заслуживает упомянутый Прокопием гепид, которого звали Асбад [12, с. 552]. В 552 г. он вместе с 400 соплеменниками принял участие в кампании Нарсеса против остготов (Proc. BG. IV. 26. 13). Во время преследования разбитого при Тагине варварского войска Асбад настиг отряд, сопровождавший короля Тотилу. Один из остготов в этот момент воскликнул: «Ты что, собака, господина (δεσπότης) своего стремишься убить!» Тем не менее Асбад поразил Тотилу копьем, но и сам был ранен в ногу (Proc. BG. IV. 32. 23–24). Отметим, что слова остгота дали П. Эймори основание утверждать, что ранее Асбад служил под началом Тотилы. Не исключено также, что он, как и ранее упомянутый Мунд, присоединился к византийскому войску, руководствуясь прагматическими соображениями [3, с. 190–191].

Действительно, для Мунда, Асбада и многих других варваров лояльность той или иной политической силе зачастую непосредственно зависела от военно-политической обстановки. В первую очередь это было обусловлено проблемой выживания. Одновременно немаловажную роль играло их стремление обрести богатство и престиж. Этого было проще достичь, сражаясь на стороне того участника конфликта, который одерживал в нем верх. В подобных случаях важнее всего была, по выражению П. Эймори, «принадлежность к правильному сообществу в правильное время» [3, с. 150]. Цена ошибки зачастую была весьма высокой: воин, сделавший неудачный выбор, мог расплатиться собственной жизнью.

После поражения варваров в битве при Молочной горе в 553 г., в которой погиб последний король остготов Тейя, в Италии оставалось несколько очагов

сопротивления войскам Нарсеса. Крупнейшим из них были Кумы (совр. итал. Кума) в Кампании, где находился гарнизон под командованием Алигерна, брата Тейи [12, с. 48]. Он долгое время отказывался складывать оружие, но, узнав о вторжении франков в Италию, решился на капитуляцию. В дальнейшем Алигерн командовал тагмой в армии Нарсеса (Agath. I. 20. 3; II. 9. 13). Как писал Агафий, он «перешел в римское гражданство, оставив позади опасности и варварский образ жизни». По всей видимости, владычество Византии представлялось Алигерну меньшим злом по сравнению с господством франков.

Тем не менее часть остготов в Северной Италии присоединилась к франкам. Более того, комит Видин в 562/563 г. при поддержке союзных варваров поднял восстание против императора. Опорными пунктами мятежников стали Верона и Брешия. Однако Нарсес разбил противника, Видин был взят в плен и отправлен в Константинополь (Paul. Diac. Hist. Lang. II. 2; Menand. fr. 3; Malal. XVIII. 140; Theoph. AM 6055). Л. Шмидт предположил, что массовые переселения германцев из Италии при Юстиниане I и его преемниках не проводились, поскольку страна серьезно пострадала от депопуляции в ходе боевых действий. Как и ранее, группы готов проживали в Тусции, Пицене, к северу от р. Пад, а также на восточном побережье Адриатики. Немецкий исследователь считал также, что остготы поддерживали лангобардов, вторгшихся на Апеннины в 568 г. Более того, некоторые нормы готского права продолжали действовать в Северной Италии и в последующие столетия [9, с. 447–451].

Подводя итог, необходимо отметить, что в условиях длительного вооруженного противостояния между Византией и королевством остготов выбор одной из противоборствующих сторон жителями Апеннинского полуострова зачастую определялся не идейными предпочтениями, а конкретными жизненными обстоятельствами. По сути, Готская война 535–554 гг. имела позиционный характер: боевые действия являли собой преимущественно серию осад укреплённых пунктов. Это стало причиной затягивания конфликта на долгие 19 лет, в то время как королевство вандалов было разгромлено всего за полтора года. Жители Италии, как остготы, так и латинское население, оказались в тяжелейшем положении, когда первоочередной задачей становилось выживание. Потому их лояльность той или иной политической силе имела ситуативный характер. Также важно отметить, что германские перебежчики и военнопленные постоянно пополняли ряды императорской армии и несли службу как в самой Италии, так и за ее пределами.

Список использованных источников и литературы

1. Вольфрам Х. Готы: от истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии) / пер. с нем.; под ред. М. Б. Щукина. – СПб.: Ювента, 2003. – 656 с.
Wolfram H. Goty: ot istokov do serediny VI veka (opyt istoricheskoi etnografii) / per. s nem.; pod red. M. B. Shchukina. – Sankt-Peterburg: Yuventa, 2003. – 656 s.
2. Удальцова З. В. Византия и Италия в VI веке. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 542 с.
Udal'cova Z. V. Vizantija i Italija v VI veke. – Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR, 1959. – 542 p.
3. Amory P. People and identity in Ostrogothic Italy, 489–554. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 547 p.
4. Bagnall R. S., Palme B. Franks in sixth-century Egypt // Tyche: Beitrage zur Alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik. – 1996. – Bd. 11. – P. 1–10.

5. Chrysos E. K. Die Amalerherrschaft in Italien und das Imperium Romanum. Des Vertragsentwurf des Jahres 535 // *Byzantion*. – 1981. – T. 51. – S. 430–474.
6. Hodgkin Th. Italy and her invaders. – Oxford: Clarendon Press, 1885. – Vol. 4: The imperial restoration, 535–553. – 858 p.
7. Greatrex G. Roman identity in the sixth century // *Ethnicity and culture in late antiquity* / ed. by S. Mitchell, G. Greatrex. – London: Duckworth and the Classical Press of Wales, 2000. – P. 267–292.
8. Parnell D. A. Barbarians and brothers-in-arms: Byzantines on barbarian soldiers in the sixth century // *Byzantinische Zeitschrift*. – 2015. – Bd. 108. – P. 809–826.
9. Schmidt L. Die letzten Ostgoten // *Zeitschrift für schweizerische Geschichte*. – 1923. – Bd. 3. – S. 443–455.
10. Stein E. Histoire du Bas-Empire. Paris: De Brouwer, 1949. T. 2: De la disparition de l'Empire d'Occident à la mort de Justinien (476–565). – 937 p.
11. Teall J. L. The barbarians in Justinian's armies // *Speculum*. – 1965. – Vol. 40. – P. 294–322.
12. Prosopography of the Later Roman Empire / ed. by J. R. Martindale. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – Vol. 3. – 1575 p.
13. Underwood N. When the Goths were in Egypt: a Gothic Bible fragment and barbarian settlement in sixth century Egypt // *Viator*. – 2014. – Vol. 45. – P. 25–38.

Nazarov A. D. The Gothic war (535–554) and identity crisis of the Barbarian community: german defectors and prisoners in Byzantium

Abstract. The article is devoted to the problem of self-identification of the Ostrogoths during the war with Byzantium in 535–554. The author comes to the conclusion that the loyalty of inhabitants of Italy to one or another hostile side was often determined by military-political situation in the Apennines. They sought to join a opposing side which was successful in the war. Many barbarians came over to the side of the Empire or were forced to surrender to the enemy. After such cases, Germans often were enrolled into the imperial army. Usually, they were transferred to remote provinces: for example, to Syria or Egypt. In addition, representatives of barbaric aristocracy, dissatisfied with the policy of the Ostrogothic kings, also joined the Byzantine army. It is important to note that the noble Germans, as a rule, used Justinian the First's honor and respect. At example, they were Mundus, a Gepid and military commander under Theodoric the Great, and Amalafriidas, the great-nephew of the Ostrogothic king. Both Germans became the *magistri militum*. However, after the defeat of the kingdom, the authorities failed to fully ensure the integration of the Gothic communities into the socio-political system of Byzantium. Consequently, in 562/563, they rebelled against the Emperor with the support of Austrasian Franks. It is noteworthy that the norms of Gothic law continued to function in Italy after loss of the greater part of the Apennine peninsula by the Byzantines.

Keywords: Byzantium, Byzantine army, Ostrogoths, kingdom of the Ostrogoths, Justinian the Great.

УДК 910.4(091):912(1-924.71):929ДЕБАЙ"1905"

**КРЫМ В ОПИСАНИИ И НА ФОТОГРАФИЯХ
ФРАНЦУЗСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА ЖОЗЕФА ДЕ БАЯ (1905 г.).
ЧАСТЬ 3. СИМФЕРОПОЛЬ, БАХЧИСАРАЙ, ЕВПАТОРИЯ, СЕВАСТОПОЛЬ¹**

Петрова Э. Б.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: petrova_eleonora@mail.ru*

Среди сочинений путешественников по Крыму начала XX в. представляет исторический и этнографический интерес книга «В Крыму» французского ученого (археолога, этнографа, историка), путешественника, коллекционера, фотографа, много сделавшего для установления связей Франции с Россией, барона Жозефа де Бая (Joseph de Baye; 1853–1931). Книга опубликована в Париже в 1906 г. и ранее не издавалась в русском переводе. Путешествие де Бая состоялось в августе – октябре 1905 г. Он посетил Симферополь, Бахчисарай и его округ, Евпаторию, Ялту, Алупку, Никиту, Гурзуф, Алушту, Феодосию, Старый Крым, Отузы, Судак, Новый Свет, в Юго-Западном Крыму – Инкерман, Балаклаву, Херсонес и Севастополь. Интерес Жозефа де Бая к Крымскому полуострову был профессиональным. Его книга и фотографии дополняют наши знания о Крыме начала XX в., облик и быте населявших его народов, памятниках истории и культуры. Данная статья – продолжение публикации книги Жозефа де Бая. Перевод книги на русский язык – Г. И. Беднарчика.

Ключевые слова: путешественники по Крыму начала XX в., барон Жозеф де Бай, Симферополь, Бахчисарай, Успенский монастырь, Чуфут-Кале, Мангуп, Каралез, Евпатория, Херсонес, Севастополь.

Эта статья – завершение публикации книги «В Крыму» французского историка, археолога, этнографа, большого друга России барона Жозефа де Бая, вышедшей из печати во Франции в 1906 г. [18]. В двух предшествующих номерах «Ученых записок Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского» представлены те части сочинения де Бая, в которых говорится о его вояже по крымскому Южному берегу и Юго-Восточному Крыму. В данной статье речь пойдет о его пребывании в Симферополе, Бахчисарае и Юго-Западном Крыму.

Жозеф де Бай путешествовал по полуострову в августе – октябре 1905 г., посетил многие места в разных его частях, сделал много фотографий, часть их поместил в книге². Он бывал в Крыму и ранее, но книгу посвятил своей, по-

¹См. части 1, 2: Петрова Э. Б. Крым в описаниях и на фотографиях французского путешественника Жозефа де Бая (1905 г.). Часть 1. Южный берег Крыма // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия: «Исторические науки». – 2017. – Т. 3 (69), № 4; Петрова Э. Б. Крым в описаниях и на фотографиях французского путешественника Жозефа де Бая (1905 г.). Часть 2. Юго-Восточный Крым // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия: «Исторические науки». – 2018. – Т. 4 (70), № 1.

² Фотографии, представленные в данной статье, взяты из книги Ж. де Бая «В Крыму», а также из альбомов со снимками Ж. де Бая, хранящимися в парижском Музее на набережной

видимому, последней поездке. И начинается она с рассказа о посещении **Симферополя** – «столицы Тавриды», где де Бай получил от таврического вице-губернатора графа Николая Леонидовича Муравьева сопроводительные документы, с которыми путешественнику легче передвигаться по полуострову, тем более что время было беспокойное – разгар первой русской революции.

Рассказ о Симферополе лаконичен. Начинается он с памятника Екатерине II в городском саду (ныне Екатерининский сад; памятник установлен в 1890 г. и демонтирован в 1921-м; восстановлен в 2016 г.). Прослеживается завершающий этап в деле присоединения Крыма к России. Чтобы подчеркнуть величие произошедшего, Жозеф де Бай цитирует два фрагмента из оды Гавриила Романовича Державина «На приобретение Крыма» (1784 г.). Далее, как и у других вояжеров, речь идет о предшественнице Симферополя – Ак-Мечети, резиденции калги-султана.

Следующий пункт путешествия – **Бахчисарай**, о котором де Бай рассказал наиболее подробно, «назначив» своим гидом Александра Сергеевича Пушкина, «сумевшего гениально передать ощущения человека, впервые посетившего этот удивительный дворец». На сделанной де Баем у входа в Ханский дворец фотографии – двухэтажный дом в восточном стиле (перед ним – Екатерининская миля), подпись под фотографией свидетельствует о том, что это дом некоего Льва Хайна и в нем наш путешественник «провел несколько дней». Это здание предназначалось для приезжих, но в первую очередь было кофейней «Искудар» – лучшей и весьма популярной в Бахчисарае того времени. (Здание сохранилось в значительно перестроенном виде; ныне в нем располагаются службы Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника.) Следует, однако, заметить, что в книге де Бай описал гостиницу «для почетных гостей», расположенную по сторонам от входных ворот дворца, причем описал так, как будто он в ней останавливался: «По своей наивности я предполагал встретить здесь приятный комфорт... но на самом деле обнаружил отсутствие некоторых элементарных удобств». Может быть, у Льва Хайна он просто подолгу засиживался за чашкой кофе?

Бахчисарай, пишет Ж. де Бай, – город с «единственной улицей, больше похожей на оживленный восточный базар». Главная его достопримечательность – Ханский дворец, этот волнующий душу «элегантный, грациозный, просто обворожительный архитектурный ансамбль», «уникальный и живописный архитектурный памятник, утопающий в зелени душистых деревьев». Историк или археолог, пишет де Бай, может провести здесь всю свою жизнь, изучая многочисленные элементы дворца – и те, что относятся к времени ханов, и те, что появились позднее. Бахчисарайский дворец описан автором довольно профессионально, со знанием дела, но и художественно – сообразно тем чувствам, во власти коих он оказался, попав в святая святых ушедших в небытие правителей Крымского ханства. Основание дворца де Бай связывает с ханом Менгли Гиреем I и

Бранли (Le musée du quai Branly) и представленные в общедоступных ресурсах Интернета, не содержащих ограничений для их заимствования.

приурочивает это событие к 1475 г. Но уже турецкий путешественник Э. Челеби называл создателем архитектурного комплекса Бахчисарайского дворца хана Сахиб Гирея I. Начало же формирования комплекса современные авторы относят к 30-м гг. XVI в.

«Неоспоримым сокровищем» называет Ж. де Бай знаменитые бахчисарайские фонтаны – Золотой и Фонтан слез (Сельсебиль), цитирует стихи поэта Шейхия и А. С. Пушкина. В надписи на Фонтане слез ошибочно называет дату его постройки – 1748 г. На самом деле фигурирующий в надписи 1176 г. хиджры соответствует 1763/4 г. н. э.

Впрочем, наш путешественник не преминул отметить, что во дворце все «находится в запустении», внутренние покои мрачноваты, у Фонтана слез «кончились слезы», в мраморном бассейне нет воды, а какой-то «неграмотный мазила» безжалостно покрасил роскошный портал (Демир-Капу – «Железная дверь») работы итальянского зодчего Алевиза (Фрязина Нового). «И это не единственное преступление безответственного пачкуна», – возмущается француз.

Произвели впечатление на Жозефа де Бая Большая ханская мечеть (Биук Хан-Джами) и ханское кладбище. Он цитирует надписи на мечети и на «украшенном удивительным восточным орнаментом» надгробии Крым Гирея (которого ошибочно называет предпоследним крымским ханом). Де Баю на память приходит легенда о Крым Гирее и его возлюбленной пленнице Марии Потоцкой, а заодно он вспоминает «Гробницу Потоцкой» из «Крымских сонетов» Адама Мицкевича.

Описание Бахчисарая завершается добрыми словами об «известнейшем татарском просветителе» Исмаиле Гаспринском (1851–1914). Ж. де Бай отметил, что Гаспринский владеет французским языком и издает газету на русском и татарском языках. Упомянул о своей встрече с ним (к сожалению, без подробностей) и сделал его фотографический портрет.

В Бахчисарае де Бай вообще много фотографирует. На снимках – вход в Ханский дворец (с мостиком через реку Чурук-Су, дворцовыми воротами и Екатерининской милей слева от входа); портал Алевиза (Демир-Капу); Золотой фонтан и Фонтан слез; мавзолей (дюрбе) Диляры-бикеч («Марии Потоцкой»). Сделал он также фотографии на татарской свадьбе, где ему довелось побывать.

Рассказ о ближайших к Бахчисараю привлекательных для путешественников местах начинается с **Успенского монастыря**, самой древней постройкой которого была церковь Успения Божией Матери. Затем автор переходит к греческой деревне Мариамполь, покинутой жителями в 1778 г. Впрочем, обо всем этом говорит коротко и замечает: «К сожалению, у меня здесь нет возможности более подробно рассказать об этом монастыре». Причина, по которой и здесь, и в некоторых других местах де Бай столь лаконичен (порой даже чересчур), нам неизвестна.

А вот повествование о **Чуфут-Кале** куда более пространно. Осмотр начался с караимской кенасы. Затем последовал мавзолей (дюрбе) Ненкеджан-ханым. Кажется, и этот памятник, и многочисленные легенды о дочери золотоордынского хана Тоштамыша произвели на французского путешественника сильное впечатление. А добротные надгробия Иосафатовой долины навели на мысль о «богатстве караимов, разбросанных по всей России». В «вымершем городе» Чуфут-

Кале де Бай фотографирует часть восточной оборонительной стены с воротами Биюк-Капу и Большую кенасу.

Побывав на горе **Мангуп** и осмотрев остатки города-крепости на ней, Жозеф де Бай отметил, что «на месте древнего городища раскинулась пустошь». Это не удивительно, ведь к тому времени городище было еще очень слабо исследовано археологически. Ж. де Бай определил, что некогда город был довольно крупных размеров – «судя по большому количеству могил, спрятавшихся в тени лесов, отделяющих Мангуп от деревни Королез». Имеется в виду обширное караимское кладбище в балке Табана-Дере, по которой наиболее удобно подниматься на плато горы Мангуп.

Известно, что Жозеф де Бай был сторонником теории о долговременном пребывании готов в Крыму. И он пишет: «В течение долгого времени Мангуп-Кале являлся прибежищем для готов Южного берега Крыма. Как утверждает путешественник Броневский, вплоть до XV века Мангуп принадлежал готам и их князьям». Однако в книге «Описание Крыма» посланника польского короля Мартина Броневского, посетившего Крым в 70-х гг. XVI в., ничего не говорится о готах, а мангупские князья названы греками. По-видимому, де Бай по случайной ошибке назвал Мартина Броневского вместо другого поляка – Матфея (Мацея) Меховского, в чьем трактате «О двух Сарматиях, Азиатской и Европейской, и о находящемся в них», опубликованном в Кракове 1517 г., как раз и говорится о готском происхождении мангупских князей. Но для нас важно то, что де Бай был знаком с сочинениями обоих поляков.

На одной из сделанных им фотографий представлен фрагмент оборонительной стены Мангупа. Сейчас мы знаем, что это руины цитадели – резиденции мангупского князя.

В деревне **Каралез** (Юхары-Каралез, ныне с. Залесное), что недалеко от Мангупа, Ж. де Бай задался вопросом о том, почему среди здешних татар, а также татар крымского Южнобережья встречаются белокурые и голубоглазые, со светлым оттенком кожи, явно отличающиеся от татар степных. Ранее ему доводилось заниматься так называемым готским вопросом, а теперь, оказавшись в Крыму, он нашел подтверждение своей теории (впрочем, далеко не только его): «...татары Южнобережья на самом деле являются потомками готов, греков и гуннов, принявших ислам».

А вот в **Евпатории** живут степные татары, «которые, в отличие от своих горных и южнобережных сородичей, имеют ярко выраженные монгольские черты лица».

В Евпатории Ж. де Баю понравилось, кажется, все. Здесь ему оказали «исключительно сердечный прием» караимский гахам Самуил Моисеевич Панпулов (Пампулов) и «известнейший караимский ученый» Илья Ильич Казас. О Казасе наш автор рассказывает подробно, с удовольствием, в особенности о его педагогической деятельности и его переводах на древнееврейский язык произведений известных европейских писателей и ученых – по большей части французских. Де Бай поддержал мнение Казаса о том, что караимы не являются чисто семитским племенем, так как некогда их предки смешались с хазарами. Нужно сказать, что в

вопросе о происхождении караимов ученые до сих пор не пришли к единому мнению.

Привлекательным показался французскому путешественнику и сам город Евпатория, наполненный национальным колоритом и во многом сохранивший средневековый облик. Из старых построек наибольшее впечатление произвела на него мечеть Джума-Джами (Хан-Джами, Пятничная) – «самая большая во всем Крыму». Ж. де Бай говорит, что она построена по чертежам константинопольской Святой Софии, а потому похожа на христианский собор. Здесь он повторяет существовавшее в литературе XIX в. и уже довольно давно отвергнутое наукой утверждение о том, что Джума-Джами перестроена из христианского храма.

Описывает де Бай евпаторийский базар с его древними воротами (Одун-базар капуси – ворота татаро-турецкой крепости средневекового Гезлева), улицами с домами, в основном глиняными, спрятавшимися за высокими каменными стенами и недоступными для иностранцев. Однако де Баю все-таки довелось побывать в одном из таких татарских жилищ.

Видел он и «один из этапов татарской свадьбы», на которой невеста, как положено по традиции, оплакивала свою судьбу, а в это время у ее дома веселились гости, танцуя под зажигательную музыку цыганского оркестра.

В Евпатории он фотографирует главные достопримечательности – мечеть Джума-Джами, караимские кенасы, а также городскую набережную с купальнями, в обрамлении красивых построек. Несколько снимков сделал он и на татарской свадьбе, запечатлев девушек, танцующих под аккомпанемент цыганских музыкантов.

Книга Жозефа де Бая завершается упоминанием его поездки в район Севастополя. Об Инкермане и Балаклаве сказано только то, что он их посетил. В **Инкермане** сфотографировал остатки средневековой крепости Каламиты и монастырские постройки. А в **Балаклаве** – ее причудливую, скрытую горами бухту, у входа в которую возвышаются руины генуэзской крепости Чембало¹. Здесь представлено два входных мыса в бухту: восточный – мыс Георгия, оконечность горы Кастрон, на которой находится крепость Чембало, и западный – мыс Курона. Мыс Георгия снят из окна дома княгини Александры Александровны Оболенской (урожд. Апраксина; 1851–1943)². Снимок сделан из окна, значит, Ж. де Бай побывал в этом доме – конечно, по приглашению хозяев.

Гора Кастрон с остатками крепости Чембало снята с западной стороны бухты, где, как видно на фото, велись строительные работы. Под горой – дачи.

Балаклавская бухта интенсивно застраивалась, главным образом дачами, в 90-х гг. XIX – начале XX в. На одной из фотографий, сделанных де Баем со склона горы Кастрон, – большая часть бухты с домами по обеим ее сторонам. На переднем плане справа – постройки на восточной стороне бухты. Двухэтажный дом с

¹ Благодарю Алексея Валерьевича Иванова за помощь в описании изображений на фотографиях, сделанных Ж. де Баем в Балаклаве.

² А. А. Оболенская – сестра графа М. А. Апраксина и графини М. А. Апраксиной, жена князя Владимира Сергеевича Оболенского-Нелединского-Мелецкого (1847–1891), близкого к императорской семье; фрейлина императрицы Марии Федоровны.

трехэтажной восьмигранной угловой башней, «по некоторым данным, принадлежал семейству Михели» (Георгий Яковлевич Михели – городской староста Балаклавы [9]), он построен в самом начале 1900-х гг. «в стиле исторического модерна» [17, с. 232]. (Дом Михели до нашего времени не сохранился.) За ним на снимке видны деревянные купальни. А на втором плане слева – целый ряд зданий на противоположной, западной, стороне бухты.

На другой фотографии – красивое белое здание, расположенное недалеко от входа в Балаклавскую бухту, на ее западном берегу; на переднем плане справа – экипаж. Подпись под фотографией – «Дом графини Апраксиной». Это главный корпус имения «Прибой» графа Матвея Александровича Апраксина (1863–1926), морского офицера, человека, близкого к императору Николаю II. Графиня Мария Александровна Апраксина (1854–1916) – сестра графа М. А. Апраксина и княгини А. А. Оболенской. Дом построен в самом начале 1900-х гг. в стиле неогрек, автор проекта – академик архитектуры, архитектор Высочайшего двора Николай Петрович Краснов [см., например: 17, с. 244–245]. (Сейчас от этого здания остался только цокольный этаж с арками.)

Дачи, некогда украшавшие уникальную Балаклавскую бухту, до нашего времени в основном не сохранились, и мы можем любоваться ими лишь на фотографиях, в том числе на тех, что сделал Жозеф де Бай во время пребывания в Балаклаве¹.

Посещение руин древнего **Херсонеса** вызвало у де Бая волну исторических воспоминаний: «Именно в Крыму начинается история России. В Херсонесе, близ Севастополя, Владимир принял наследство Византии. В чем же выразалось это наследство? В вере, которую представляли греческие иконы, и в любви, которую олицетворяла византийская принцесса. Крещение и женитьба Владимира положили начало истории России». Ж. де Бай сравнивает короля франков Хлодвига I (Кловиса) и киевского князя Владимира Святославича – двух жестоких язычников, с принятием христианства воспылавших «любовью ко всему тому, что когда-то сами сжигали».

А вот о руинах Херсонеса-Херсона – ни слова. Но они, конечно, не могли оставить равнодушным археолога, и Ж. де Бай фотографирует то, что показалось наиболее привлекательным. Здесь он познакомился со своим коллегой – Карлом (Николаем) Казимировичем Косцюшко-Валюжиничем (1847–1907). Можно представить, какой интересной была их беседа, как много общего оказалось у этих двух археологов-любителей, к тому времени уже ставших профессиональными исследователями. Карл Казимирович – личность необыкновенная. Могилевский дворянин родом из литовских поляков, он всего себя отдал служению науке, в одном из писем признавшись: «Для меня расстаться с Херсонесом – то же самое, что расстаться с жизнью» [цит. по: 15, с. 33]. Член Одесского общества и древностей, Таврической ученой архивной комиссии, действительный член Императорской археологической комиссии, он стал первым официальным заведующим раскопками Херсонеса (1888–1900) и в сложных (во многих

¹ В 2008–2011 гг. на балаклавской набережной заново воссоздан дом Михели (а также дома актрисы Соколовой и врача Педькова).

отношениях) условиях работы открыл огромное количество памятников античного и средневекового Херсонеса-Херсона. Им было сделано «поразительно, фантастически много! Пожалуй, никогда больше работы не проводились с таким энтузиазмом, размахом и упорством... были вскрыты до основания многие сотни метров городских оборонительных стен... открыто или доследовано около двух десятков храмов, базилик, в том числе самых значительных, десять часовен, ряд крупных гробниц, 2400 могил, склепов, более 200 жилых помещений, несколько больших домов, усадеб или общественных зданий» [15, с. 30].

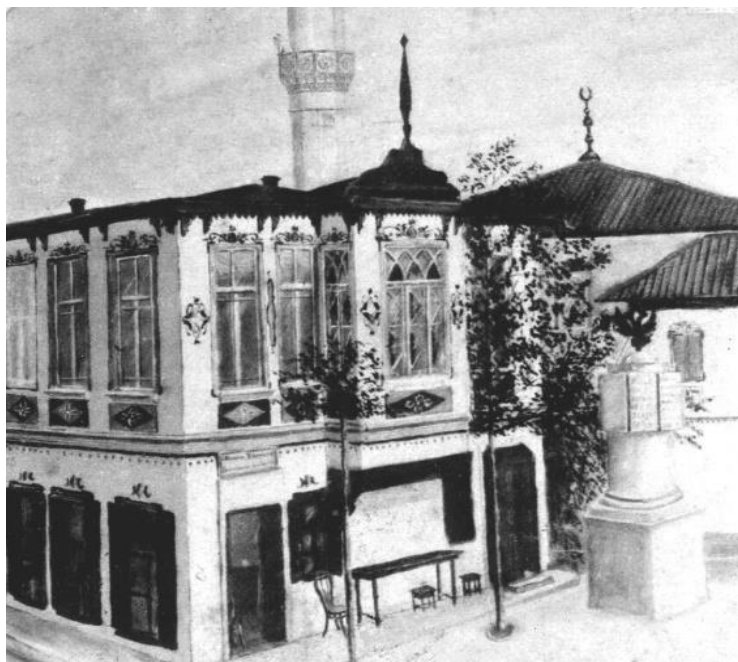
К. К. Косцюшко-Валюжиничу принадлежит пальма первенства в создании музея на территории Херсонесского городища. Поначалу это был «Склад местных древностей», со временем выросший в уникальный музей, а потом – и в историко-археологический заповедник¹. У этого «Склада...» и сфотографировал Ж. де Бай уже немолодого и к тому времени не очень здорового Карла Казимировича (14 (27) декабря 1907 г. К. К. Косцюшко-Валюжинича не стало. Его могила с памятником в виде мраморной колонны находится в центре Херсонесского городища). Сделал он также снимки у входа в «Склад...» с добытыми К. К. Косцюшко-Валюжиничем в ходе раскопок фрагментами колонн, архитектурных деталей, отдельно снял частично сохранившуюся надгробную известняковую плиту, обнаруженную в 1900 г. Карлом Казимировичем при раскопках на южном участке оборонительных стен Херсонеса. Плита датируется II в. н. э., «украшена полукруглыми пилястрами с гладкими дорическими капителями» и содержит латинскую надпись².

Сфотографировал он «катакомбы возле развалин христианской церкви». Это позднеантичные склепы у Южного Загородного крестообразного храма (храм Богородицы Влахернской) византийского времени, располагавшегося в Карантинной балке, на территории херсонесского некрополя. И храм, и склепы раскапывал К. К. Косцюшко-Валюжинич, он и показал «катакомбы» де Баю.

Крымский вояж французского путешественника завершился в **Севастополе**. Здесь он поселился в гостинице «Кист» (одной из лучших и дорогих в городе; в ней останавливались люди состоятельные и разные знаменитости) – судя по тому, что из окна этой гостиницы снял вид на Екатерининскую площадь (ныне площадь Нахимова) и парадный вход на Графскую пристань со стороны площади. Гостиница «Ктист» состояла из двух соединенных между собой зданий, построенных в XIX в.: одно двухэтажное, другое трехэтажное. (Сейчас это здание административных служб Черноморского флота Российской Федерации.)

¹ А. Л. Бертъе-Делагард (1903 г.): «Прибыв в Херсонес, я начал с осмотра музея, содержимого г(осподином) Костюшком в блестящем виде и удивительном порядке. Там теперь собраны в изобилии всякие древние находки, заслуживающие не только изучения, но и издания» [2, с. 3].

² Перевод надписи: «Богам Манам. Марину и Валерию, братьям-рабам, Гемин(ий)... Валер(ий)...». По предположению Э. И. Соломоник, Марин и Валерий могли сопровождать в Крым римского легионера, погибли во время военной стычки под Херсонесом. Сейчас плита находится в фондах историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический».

*Рис. 1. Бахчисарай. Дом Льва Хайна,
в котором Жозеф де Бай провел несколько дней*

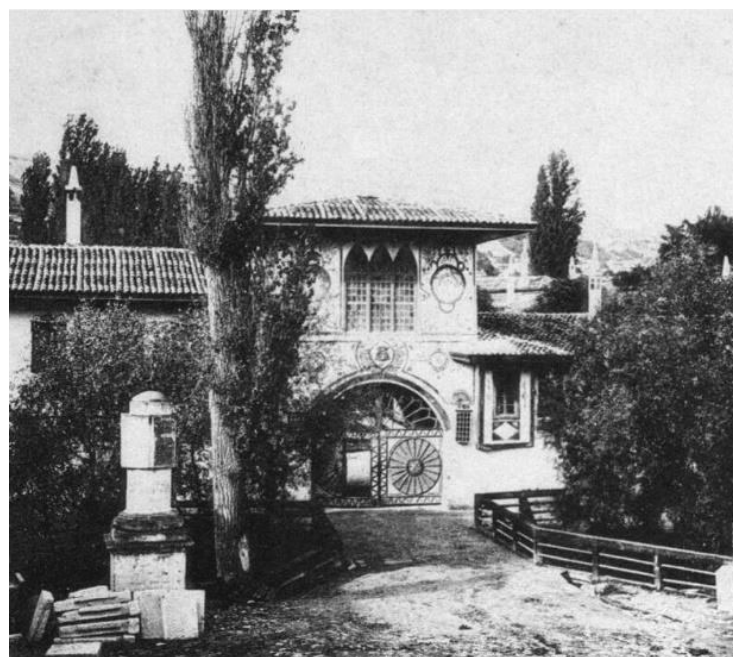

Рис. 2. Бахчисарай. Вход в Ханский дворец

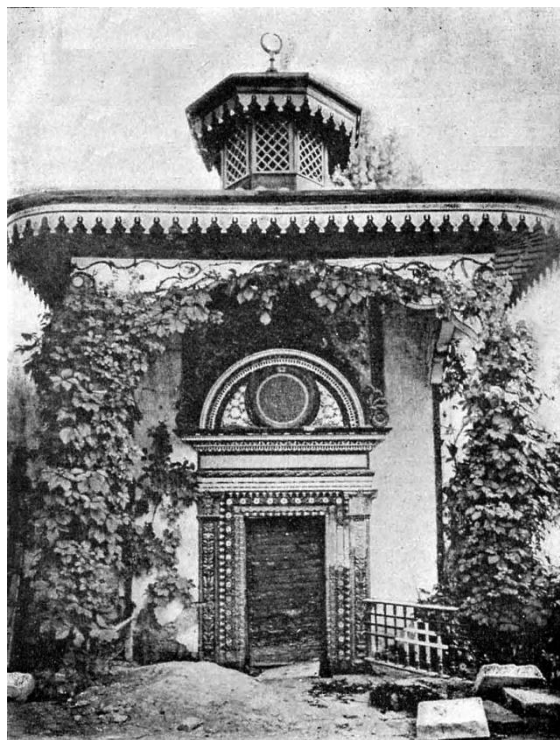

Рис. 3. Бахчисарай. Входная дверь в Ханский дворец – портал Алевиза (Демир-Капу)

Рис. 4. Бахчисарай. Летняя беседка и Золотой кабинет в Ханском дворце

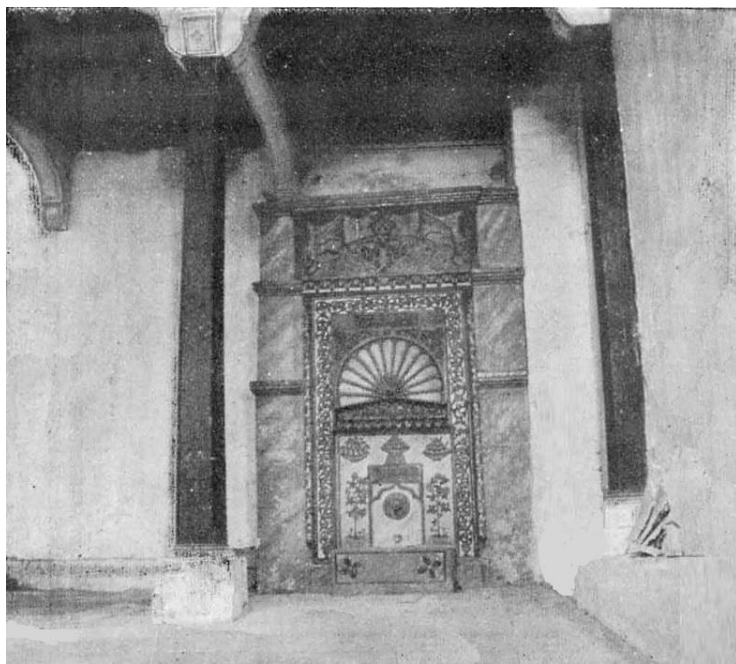

Рис. 5. Бахчисарай. Золотой фонтан в Ханском дворце

Рис. 6. Бахчисарай. Фонтан слез (Сельсебиль) в Ханском дворце

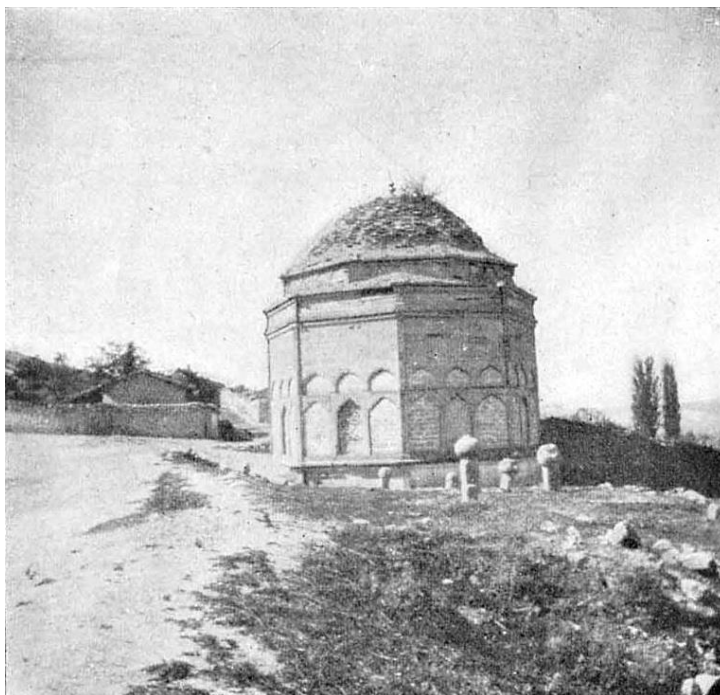

Рис. 7. Бахчисарай. Мавзолей (дюрбе) Диляры-бикеч («Марии Потоцкой»)

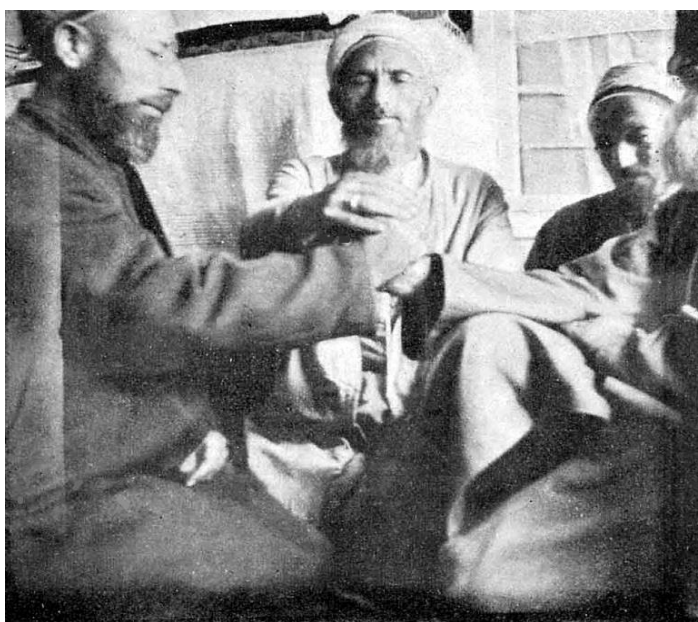

Рис. 8. Бахчисарай. Татарская свадьба по доверенности

Рис. 9. Бахчисарай. Исмаил-бей Гаспринский, крымско-татарский просветитель

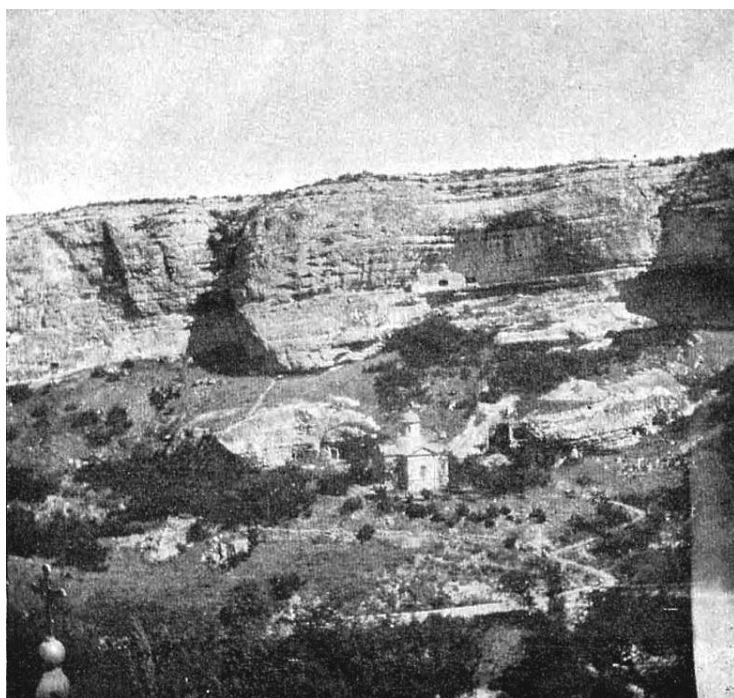

Рис. 10. Успенский монастырь близ Бахчисарая

Рис. 11. Чуфут-Кале. Восточная оборонительная стена и ворота Биук-Капу

Рис. 12. Чуфут-Кале. Большая караимская кенаса

*Рис. 13. Мангуп. Мыс Тешкли-Бурун.
Часть руинированной оборонительной стены цитадели. Донжсон*

Рис. 14. Евпатория. Самуил Моисеевич Пампулов, караимский гахам

Рис. 15. Евпатория. В караимской кенасе

Рис. 16. Евпатория. Большая караимская кенаса

Рис. 17. Евпатория. Вид на море с набережной

*Рис. 18. Евпатория. Набережная с купальнями.
Вид на мечеть и православный собор*

*Рис. 19. Евпатория. Набережная с купальнями.
Вид на мечеть и православный собор*

Рис. 20. Евпатория. Танцы на татарской свадьбе

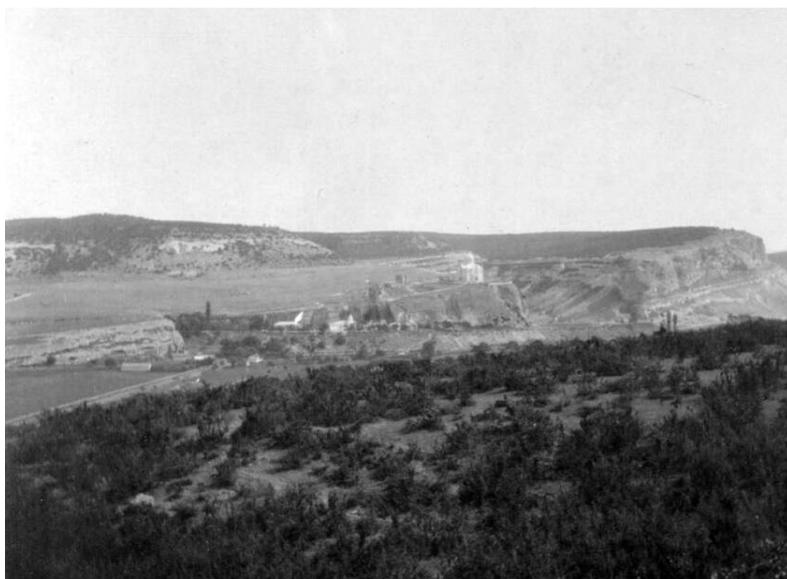

Рис. 21. Инкерман. Вдали остатки средневековой крепости Каламиты и монастырские постройки

Рис. 22. Балаклава. Вид из окна дома княгини Оболенской (урожд. Апраксиной) на восточный мыс (мыс Георгия) Балаклавской бухты

Рис. 23. Балаклава. Мыс Курона на западной стороне Балаклавской бухты

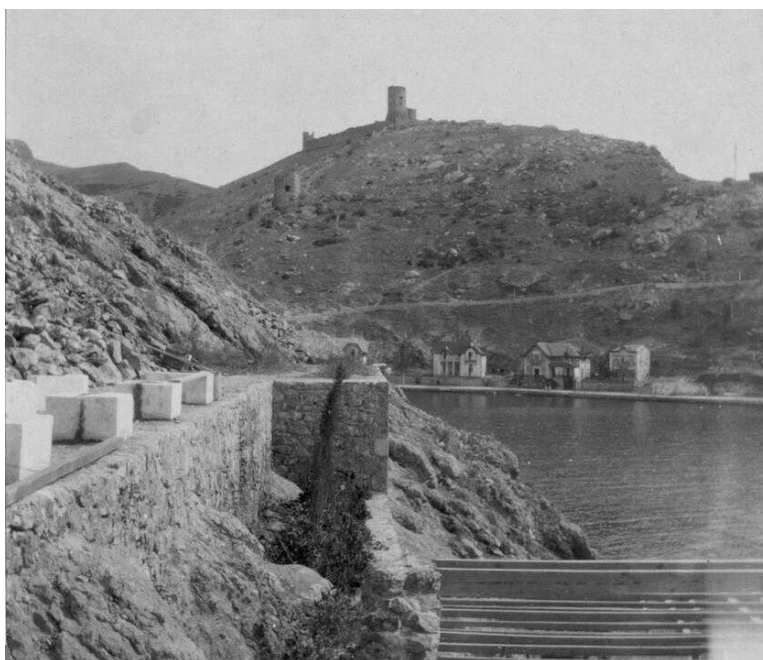

Рис. 24. Балаклава. На переднем плане – западная сторона бухты, на заднем плане – руины генуэзской крепости на горе Кастрон

Рис. 25. Балаклава. Вид на бухту со склона горы Кастрон (восточная сторона бухты). На переднем плане справа – дом семьи Михели

Рис. 26. Балаклава. Дом графини Апраксиной на западной стороне бухты (главный корпус имения «Прибой»)

Рис. 27. Херсонес. Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич, руководитель археологических раскопок, у входа в «Склад местный древностей»

Рис. 28. Херсонес. У входа в «Склад местных древностей»

Рис. 29. Херсонес. У входа в «Склад местных древностей»

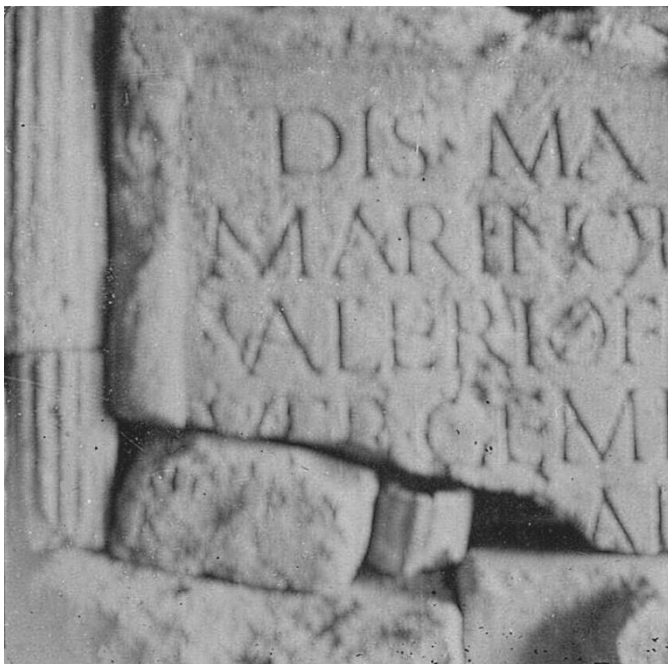
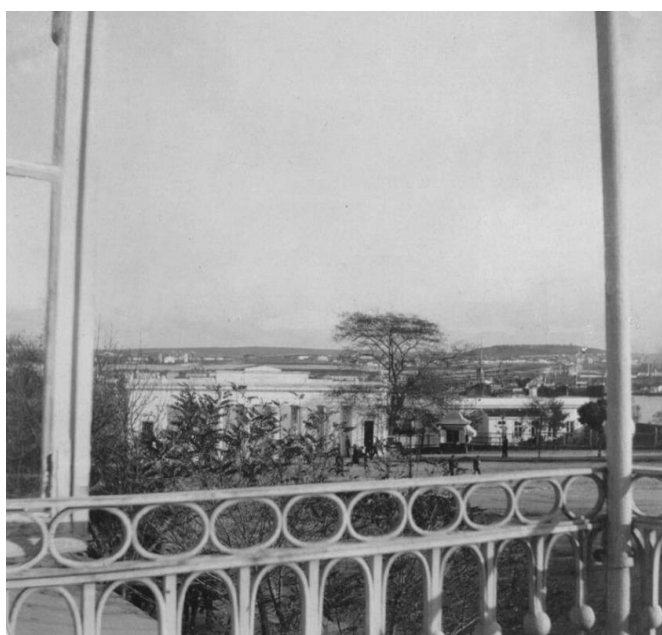

Рис. 30. Херсонес. Фрагмент надгробной плиты с латинской надписью из раскопок Карла Казимировича Косцюшко-Валюжинича

*Рис. 31. Херсонес. Катакомбы возле развалин христианской церкви
(позднеантичные склепы у Загородного крестообразного храма)*

*Рис. 32. Севастополь. Вид из окна номера гостиницы «Кист»
на Екатерининской площади*

Севастополь для французов – город особый, с ним связаны имена многих выходцев из Франции на российской службе, в то же время памятли события Крымской войны и печальная участь погибших на ней соотечественников. В Севастополе, пишет де Бай, «хранят память о добрых делах лучших сынов Франции», среди коих: адмирал, командующий российским Черноморским флотом, морской министр маркиз Жан Батист Прево де Сансак (Иван Иванович) де Траверсе (1754–1831); генерал-лейтенант, градоначальник Одессы, новороссийский генерал-губернатор герцог Арман Эммануэль дю Плесси де Ришелье (ДюкРишелье; 1766–1822); генерал от инфантерии, градоначальник Одессы, новороссийский генерал-губернатор Луи Александр д'Андре (Александр Федорович) Ланжерон (1783–1831). Но в связи с Крымской войной де Бай ни словом не обмолвился о своих соотечественниках – как будто он смотрел на события этой войны глазами русских, а свой рассказ о городе русской славы завершил словами Льва Николаевича Толстого о силе духа защитников Севастополя и их любви к Родине – чувстве, которое лежит «в глубине души каждого» русского. Де Бай любил Россию и преклонялся пред ее героями.

И в заключение. Книга Жозефа де Бая «В Крыму» – небольшая по объему (и она полностью опубликована нами в трех номерах «Ученых записок КФУ им. В. И. Вернадского»). В ней нет, как принято, введения (она начинается словами «Сначала мы посещаем столицу Тавриды – город Симферополь...»), описание полуострова и его исторических памятников довольно лаконичное, отсутствуют пространственные авторские рассуждения – что вообще-то характерно для сочинений путешественников. Это вызывает удивление, ведь де Бай был профессионалом, много видевшим и знавшим, кажется, что его восприятие новых, малоизвестных мест должно было быть более глубоким. Да и посещал полуостров он не единожды, а в 1905 г. провел здесь три месяца – это немало. По-видимому, книга писалась быстро, под общим впечатлением, что-то не позволило автору сделать ее более подробной, информативной. Однако в ней есть такие детали, которые наверняка вызовут интерес у специалистов, работающих над темами по истории, этнографии и культуре Крыма. Ценны сделанные де Баем фотографии, дополняющие его книгу и наши знания о Крыме начала прошлого века. Кроме того, и книга, и фотографии дополняют тот образ ученого француза Жозефа де Бая, который уже сложился в науке, в том числе в нашей, отечественной.

ИЗ КНИГИ «В КРЫМУ» ЖОЗЕФА ДЕ БАЯ¹

/3/ ² Сначала мы посещаем столицу Тавриды – город **Симферополь**, где проживают 62 тысячи жителей. Здесь вице-губернатор граф Муравьев³ вручает нам сопроводительные документы, которые должны значительно облегчить тяготы нашего перемещения по Крыму. Итак, прежде всего поприветствуем прекрасный

¹ Baye de Joseph. EnCrimee. – Paris: Librairie Nilsson, 1906. – P. 3–19, 33–35. (Пер. с французского Г. И. Беднарчика).

² Цифры в скобках – номера страниц в оригинальном издании книги Ж. де Бая.

³ Граф Николай Леонидович Муравьев (1866–1940) – российский государственный деятель, таврический вице-губернатор в 1902–1907 гг.

памятник Екатерине Великой, которая присоединила к своей империи эту чудесную крымскую провинцию. У ног самодержцы установлены статуи двух государственных деятелей, внесших огромный вклад в дело освоения Крыма: князя Потемкина Таврического, внучатого племянника посла России во Франции при дворе Людовика XIV¹, и также князя Долгорукого-Крымского².

Именно 8 апреля 1783 года вышел указ Императрицы о вхождении Крыма в состав России³; 28 июля указ был вручен лично в руки генерал-губернатору Новороссии – князю Потемкину, а 28 декабря заключен договор, в соответствии с которым Турция уступала Крым России. Уже в первых числах нового 1784 года русский поэт Державин воспел это событие в своей оде:

«Летит – и воздух озаряет,
Как вешне утро тихий Понт!
/4/ Летит – и от его улыбки
Живая радость по лугам,
По рощам и полям лиется!
Златые Петрополя башни
Блистают как свечи, и ток
Шумливый, бурный ток Днепровский
В себе изображает живо
Прекрасное лицо его...
Который бог, который ангел,
Который человек друг,
Бескровным увенчал вас лавром,
Без брани вам трофеи дал
И торжество? Екатерина,
Та венценосна добродетель,
То воплощено божество,
Которое дождит блаженства...»⁴

¹ Речь идет о дворянине Петре Ивановиче Потемкине (1617–1700), государственном деятеле – придворном, воеводе, дипломате, доверенном лице царей Алексея Михайловича. В качестве посланника царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича бывал во Франции, где его принимал король Людовик XIV, а также в других европейских государствах.

² Памятник Екатерине II установлен в симферопольском городском саду в 1890 г. Скульптор – академик Императорской академии художеств Н. А. Лаврецкий. На памятнике, помимо императрицы, представлены фигуры ее главных помощников в деле присоединения Крыма к России: светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического (1739–1791), князя Василия Михайловича Долгорукова-Крымского (1722–1782), великого полководца Александра Васильевича Суворова (1730–1800), дипломата Якова Ивановича Булгакова (1743–1809). Памятник демонтировали в 1921 г. Восстановили в 2016 г. по сохранившимся описаниям, фотографиям, рисункам. Городской сад тогда же переименовали в Екатерининский.

³ «Манифест о принятии Крымского полуострова, острова Тамана и всяя Кубанской стороны под державу Российскую». 8 (19) апреля 1783 г.

⁴ Державин Г. Р. Ода «На приобретение Крыма». 1784 г.

Нужно ли напоминать тебе, дорогой читатель, об эпохе написания этого стихотворения и о нравах, царивших в XVIII веке?

Название города Симферополь, в котором проживает определенная часть татар, обозначает: город, вобравший в себя разные национальности. Ранее Симферополь назывался Ак-Мечеть (Белая Мечеть)¹. Когда-то здесь находилась резиденция главного управляющего при крымском хане². Эта особа, приближенная к властителю полуострова, носила титул Калга Султан. *Калга* – значит крепость, маленький городок; а *Султан* – начальник, администратор. Когда случались войны и хан покидал Крым, всем здесь заправлял *Калга Султан*.

Мы покидаем Симферополь и направляемся в **Бахчисарай**, что в переводе на французский означает: le Palais des Jardins (Дворец садов. – Г. Б.)³. Этот город вместе с двумя соседними поселениями образует своеобразную религиозную трилогию. И действительно, татарский город Бахчисарай с его мечетями и древним ханским дворцом представляет ислам; Успенский монастырь является символом христианства; а Чуфут-Кале, древний караимский городок, символизирует иудаизм.

/5/ Бахчисарай, насчитывающий 14675 жителей⁴, расположен в узкой, очень живописной долине. Его единственная улица, больше похожая на оживленный восточный базар, ведет к бывшему столичному ханскому дворцу.

Бахчисарайский дворец, древняя ханская резиденция, был построен в 1475 году крымским ханом Менгли Гиреем⁵. Это прекрасное сооружение неоднократно подвергалось пожарам и реконструкциям. В мае 1787 года здесь останавливалась на отдых Екатерина Вторая. Специально для императрицы были переделаны некоторые комнаты дворца⁶. То малое, что осталось от пышности ханской

¹ Ак-Мечеть (Ак-Месджит; кр.-тат. «белая мечеть») – в прошлом небольшой город, существовавший с конца XV – начала XVI в. В 1784 г. недалеко от Ак-Мечети основан Симферополь.

² Ак-Мечеть – центр каймаканства (округа), здесь находилась резиденция калги-султана – второго лица в Крымском ханстве после хана.

³ Прим. Ж. де Бая: «Бахчи – сад; сарай – дворец».

⁴ Прим. Ж. де Бая: «Население Бахчисарая составляют: магометане (татары) – 12500 человек; русские – 2500; евреи – 350; караимы – 275; католики – 30; армяне – 20».

⁵ Архитектурный комплекс Бахчисарайского дворца (Хан-Сарая) начал формироваться в 30-х гг. XVI в. при хане Сахиб Гирее I (1532/3–1551 гг.), младшем сыне хана Менгли Гирея I (1467, 1469–1475, 1478–1515 гг.) [16, с. 92, 95], и создавался на протяжении длительного времени. Над входом в главный дворцовый корпус сохранилась надпись, свидетельствующая о том, что его красивейший портал (Демир-Капу – «железная дверь») работы итальянского зодчего Алевиза Нового возведен в 909 г. (1503 г. н. э.) при Менгли Гирее I. (Вот почему де Бай говорит о постройке дворца при Менгли Гирее I.) По-видимому, портал был перенесен сюда из какой-то более старой постройки. Первоначально он мог находиться во дворце в Салачике (ныне исторический район г. Бахчисарая – Староселье) – столице Крымского ханства до того, как ею стал Бахчисарай. Ныне Бахчисарайский дворец – главный объект Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника.

⁶ Императрица прибыла в Бахчисарай 20 мая 1787 г. (по ст. ст.) и отбыла оттуда утром 22 мая; после посещения Севастополя вернулась в Бахчисарай 24 мая поздно вечером и

резиденции после многочисленных перемен, все же позволяет нам судить о ее былой чарующей восточной роскоши. Время и люди многое разрушили здесь, но мы полностью забываем обо всем этом в присутствии элегантного, грациозного, просто обворожительного архитектурного ансамбля, многие составляющие которого несут на себе печать некой таинственности, волнующей нашу душу. Историк или археолог могли бы провести в этом дворце всю свою жизнь, изучая элементы, относящиеся к ханскому периоду, а также те, что связаны с современностью. Впрочем, для решения такой задачи жизни одного ученого явно не хватило бы. При виде этого уникального и живописного архитектурного памятника, утопающего в зелени душистых деревьев, отчетливо понимаешь причину возникновения поэтического вдохновения у представителей литературной школы /6/ романтизма, посетивших это место. Позже я процитирую некоторые из их произведений.

Пройдя по мостику, перекинутому через овраг, мы попадаем во дворец, минуя широкие ворота, расположенные посередине длинного строения. В этом относительно современном здании находится гостиница для почетных гостей. По своей наивности я предполагал встретить здесь приятный комфорт дворцов Цинандали на Кавказе или Беловежья в Литве, но на самом деле обнаружил отсутствие некоторых элементарных удобств.

Итак, мы входим в обширный двор, украшенный зеленью деревьев и разного рода растений. Посередине двора, в соответствии с куцыми фантазиями какого-то чиновника, установлен странный бассейн с контурами Черного моря... Но не будем здесь никого критиковать. Сейчас мы стоим вблизи двух крепких, элегантных, похожих на минареты тополей. Судя по их виду, они ровесники: одно из этих деревьев посажено Екатериной Второй, а другое – князем Потемкиным. Слева высится мечеть и купола ханских мавзолеев, справа расположены различные строения дворца. Все это в определенной степени, особенно в лунную ночь, напоминает нам театральные декорации какой-то волшебной сказки. Дворец, без сомнения, и сегодня, несмотря на многочисленные реставрации и перестройки, полностью сохраняет свой восточный облик.

Среди по-настоящему древних архитектурных элементов дворца следует упомянуть небольшую дверь в искусно обработанном каменном обрамлении. Эта дверь датируется эпохой создателя дворца – хана Менгли Гирея. Данное произведение искусства XVI века /7/ изготовлено одним талантливым итальянским мастером¹. К несчастью, этот шедевр безжалостно закрашен каким-то неграмотным мазилой. И это – не единственное преступление безответственного пачкуна. В большом вестибюле с лестницей находятся два неоспоримых сокровища: красивейший мраморный Золотой фонтан², покрытый позолотой во

покинула его 26 мая утром, отправившись в Симферополь. К ее приезду Ханский дворец отремонтировали, украшали, перед входом во дворец водрузили одну из так называемых Екатерининских миль.

¹ См. прим. 5 на стр. 133.

² Прим. Ж. де Бая: «По-тат. Золотой Фонтан – *Алтун Чишме*».

времена Каплан Гирея, а сегодня размалеванный нашим горе-художником, и более знаменитый Фонтан слез¹, на котором начертаны следующие слова:

«Слава Всевышнему! Лицо Бахчисарая опять улыбнулось:
Милость великого Крым Гирея славно устроила.
Неусыпными стараниями он напоил водой окрестности,
И если будет на то воля Аллаха, сделает еще много добрых дел.
Он тонкостью ума нашел воду и устроил прекрасный фонтан.
Если кто хочет (проверить), пусть придет: мы сами видели
Дамаск и Багдад (и не встретили там ничего подобного!)».

Автором этого стихотворения является поэт по имени Шейхий. С той же жадностью, с какой уставший путник пьет воду, тонкой струйкой вытекающую из этого фонтана, мы впитываем следующие слова:

«Словно испытывая жажду, Шейхий читает хронограмму из уст сего фонтана:
“Приди, напейся воды чистойшей /8/ из источника исцеляющего!”
Год 1176 мусульманской эры» (1748 г. от Р. Х.)².

В торжественной, напыщенной форме, как и полагается восточному поэту, автор этих слов прославляет того, кто подарил городу этот живительный источник. Но по-настоящему Фонтан слез обессмертил в своих стихах великий Пушкин:

«Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропит росой холодной:
Ах, лейся, лейся, ключ отрадней!
Журчи, журчи свою мне боль...

Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальной;
Но о Марии ты молчал...

¹ Прим. Ж. де Бая: «По-тат. Фонтан Слез – *Кюръяши Чишме*. (Копию этого фонтана можно увидеть в Эрмитаже Петербурга.)».

² Буквы означают 1176 г. хиджры – это 1763/4 г. н. э. (год сооружения Фонтана слез), а не год, указанный Ж. де Баем. По поводу хронограммы в последней строке надписи, зашифрованной буквами арабского алфавита, см.: [1. См. также: 3, с. 492–495; 6].

Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?

Иль только сон воображенья
В пустынной мгле нарисовал
Свои минутные виденья,
Души неясный идеал?»¹

К сожалению, сегодня у этого фонтана кончились слезы. Необходимо срочно /9/ подключить его к источнику воды и вернуть людям таинственную музыку его мелодичных капель!

Как я уже говорил, некоторые комнаты дворца были переделаны специально к приезду в Бахчисарай императрицы Екатерины. Чувствуется желание превратить дворец в музей, однако пока здесь все находится в запустении².

Как только мы вновь оказываемся снаружи, пышная зелень и яркие, веселые лучи солнца рассеивают наше меланхоличное настроение, связанное с посещением внутренних покоев дворца. Сначала мы оказываемся в Посольском дворике, а затем в другом месте, окруженном беседкой, увитой виноградной лозой. Здесь находится мраморный бассейн, в котором некогда купались наложницы ханского гарема. Сейчас в нем нет воды, и он похож на зеркало, лишенное своей амальгамы. Далее нашим гидом станет Александр Пушкин, сумевший гениально передать ощущения человека, впервые посетившего этот удивительный дворец:

«...Я посетил Бахчисарая
В забвеньи дремлющий дворец.
Среди безмолвных переходов
Бродил я там, где бич народов,
Татарин буйный пировал
И после ужасов набега
В роскошной лени утопал.

Еще поныне дышит нега
В пустых покоях и садах;
Играют воды, рдеют розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещет на стенах.

Я видел ветхие решетки
За коими, в своей весне,

¹ Пушкин А. С. Фонтану Бахчисарайского дворца. 1824 г.

² О Бахчисарайском музее как о первом собственном музее на юге России см.: [8, с. 13–16].

Янтарны разбирая четки,
Вздохали жены в тишине...»¹

Мы покидаем дворец с его садами, пересекаем главный двор и оказываемся рядом с ханской мечетью. Благодаря надписи на ее стене узнаем имя основателя мечети: «Хаджи Селим хан (да помилует Аллах сего праведного мужа) /10/ был лучшим из ханов. Сколькo ни расцвело роз в родном его цветнике, все они, в свою очередь, украшали владетельный дом. Когда новая роза этого цветника Селямет Гирей сделался крымским ханом, тогда по милости Аллаха пришла на ум следующая хронограмма: “Селямет Гирей построил эту великолепную мечеть”. Год 1153» (1740 г. от Р. Х.)².

Рядом с мечетью находятся могилы крымских ханов³. В двух мавзолеях, покрытых куполами, можно увидеть несколько саркофагов татарских ханов и членов их семей. В третьем, ажурном мавзолее похоронена любимая жена Крым Гирей хана – Диляра (по легенде – Мария Потоцкая)⁴. А вокруг этих мавзолеев повсюду в живописном беспорядке разбросаны утопающие в диких травах многочисленные надгробия. Особо выделяется украшенное удивительным восточным орнаментом надгробие предпоследнего хана Крым Гирей (умер в 1769 году?) работы итальянского мастера⁵. Надпись на арабском языке повествует нам о том, что «война была ремеслом знаменитого Крым Гирей хана, а глаза голубого неба никогда не видали ему равного. Он покинул свой дворец, чтобы насладиться вечным покоем». Эту эпитафию сочинил поэт по имени Эдип. Именно Крым Гирейю

¹ Пушкин А. С. Отрывок из поэмы «Бахчисарайский фонтан». 1821–1823 гг.

² Большая Ханская мечеть (Биюк Хан-Джами) возведена в 1532 г. Сахиб Гиреем I, основателем Бахчисарая. Она очень сильно пострадала во время пожара 1736 г. Надписи на стенах мечети свидетельствуют о том, что в 1740 г. ее восстановил (если не возродил из пепла) Селямет Гирей II (1740–1743 гг.), а в 1763 г. отремонтировал Крым Гирей (1758–1764, 1768–1769 гг.), живописные работы при этом выполнил придворный мастер Омер [см., например: 3, с. 497–498; 7].

³ На ханском кладбище – могилы девяти крымских ханов, членов ханских семей и представителей высшей дворцовой знати. Здесь также находятся два мавзолея-дюрбе (Девлет Гирей I и Ислям Гирей III) и ротонда с погребением Менгли Гирей II.

⁴ Усыпальница (дюрбе) Диляры-бикеч возведена в 1764 г. в саду Бахчисарайского дворца. Это восьмигранный мавзолей, каждая грань которого украшена двойным рядом арок; на куполе – полумесяц. Внутри усыпальницы – надпись: «Молитва за упокой усопшей Диляры-бикеч». Происхождение Диляры нам неизвестно (бикеч – высокопоставленная придворная распорядительница). По легенде, которую А. С. Пушкин услышал от Софьи Киселевой (урожд. Потоцкая) и Раевских (с ними он путешествовал по Крыму в 1820 г.), Дилярой-бикеч звали похищенную татарами полячку Марию Потоцкую, оказавшуюся в ханском гареме и ставшую любимой женой хана Крым Гирей; ее из ревности убила одна из ханских жен – Зарема. Эта легенда легла в основу сюжета поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан»; представлена она и в цикле «Крымские сонеты» польского поэта Адама Мицкевича, посетившего Крым в 1825 г.

⁵ См. прим. 2. Крым Гирей умер в 1769 г. Он не был предпоследним ханом, после него правили: Селим Гирей III, Максуд Гирей, Девлет Гирей IV, Каплан Гирей II, Сахиб Гирей II, Бахадыр Гирей II, Шахин Гирей.

приписывают пленение Марии Потоцкой, легенду о которой в поэтической форме поведал нам Пушкин. Мицкевичу также пришла по душе эта романтическая история. /11/ Вот что он пишет:

«В стране прекрасных дней, меж пышными садами,
О роза нежная! Тебя давно уж нет!
Минуты прежние! Златыми мотыльками
Умчались; память их точила юный цвет.
Что ж Север так горит над Польшею любимой,
Зачем небесный свод так блещет там в звездах?
Иль взор твой пламенный, стремясь к стране родимой,
Огнистую стезю прожег на небесах?
О полька! Я умру, как ты, – один, унылый;
Да бросит горсть земли мне милая рука!
В беседах над твоей приманчивой могилой
Меня пробудит звук родного языка.
И вещей будет петь красу твою младую,
И как ты отцвела в далекой стороне;
Увидит близ твоей могилу здесь чужую,
И в песне, может быть, помянет обо мне!»¹

Перед тем как покинуть Бахчисарай, мы сделали ряд снимков, изображающих крымских татар на фоне их жилищ, а также встретились с известнейшим татарским просветителем, человеком, владеющим французским языком, – Исмаилом-бей Гаспринским. С помощью своей газеты, издаваемой на русском и татарском языках, он пропагандирует и популяризирует татарскую культуру².

Рядом с Бахчисараем, там, где, сближаясь друг с другом, высокие скалы превращают долину в узкое ущелье, /12/ расположен **Успенский монастырь** с очень древней церковью, вырубленной в скале³. Отсутствие какого-либо архитектурного признака не позволяет нам определить точную дату появления

¹ Мицкевич А. Крымские сонеты. Гробница Потоцкой. 1827 г. (Пер. с польск. И. И. Козлова).

² Исмаил-бей Мустафа-оглу Гаспринский (1851–1914) – уроженец Крыма, выдающийся крымскотатарский просветитель, политик, писатель, издатель, член Таврической ученой архивной комиссии. В 1883–1918 гг. издавал первую русско-татарскую газету «Переводчик-Терджиман».

³ Успенский монастырь находится в балке Майрам-Дере. Единого мнения о времени основания этой обители в науке пока нет. Можно согласиться с теми исследователями, которые полагают, что она появилась в первой половине – середине XIII в. в Кырк-Оре (Чуфут-Кале), а в середине – второй половине XV в. ее перенесли на противоположный от Чуфут-Кале склон балки Марьям-Дере. Вырубленная в скале церковь Успения Божией Матери – самое древнее здесь сооружение. Монастырь опустел после переселения крымских христиан в Северное Приазовье в 1778 г. В 1850 г. по инициативе архиепископа Иннокентия (Борисова) здесь был открыт Успенский скит; он просуществовал до 1922 г., когда был закрыт. Обитель возродилась в 1993 г.

данной церкви. Когда-то, еще до прихода татар, здесь находилась греческая деревня Мариамполь¹. Она продолжила свое существование и во времена Крымского ханства. Однако Екатерина Вторая переселила греческое население деревни на берега Азовского моря. Там эти люди основали город Мариуполь. Я был в этом городе и видел потомков крымских греков, а также греко-византийские иконы Успенского монастыря, вывезенные из Крыма жителями Мариамполя. Легенда говорит о том, что грот, в котором разместилась церковь, ранее служил логовом страшному дракону, пожиравшему людей. К сожалению, у меня здесь нет возможности более подробно рассказать об этом монастыре.

С вершины самой высокой горы, возвышающейся над ущельем и над его окрестностями, открывается очень живописная панорама. Отсюда мы можем любоваться видом на Успенский монастырь с его церковью и гротами, вырубленными на склоне крутого горного спуска; далее мы замечаем город Бахчисарай с его многочисленными минаретами; затем сплошной линией тянутся скалистые горы; и наконец на горизонте появляется море, отражающее яркую голубизну неба. На южном склоне горы находится бесчисленное количество гротов, где могли обитать люди, по поводу которых история пока молчит. Это место очень удобно для организации обороны поселения. Плато, расположенное на вершине данной горы, /13/ в высшей степени труднодоступно благодаря глубоким ущельям, расположенным с трех его сторон, а также крепостной стене, защищающей городище с востока. Здесь очень хорошо поработали и природа, и человек.

Татарское название поселения **Чуфут-Кале** является искажением *Йугуд-Кале*, что означает «Еврейская крепость». Караимы называют свой пещерный город Кырк-Йер. Это – колыбель их культуры².

¹ Греческое поселение в балке Марьям-Дере существовало с раннего средневековья и было оставлено жителями в 1778 г. в связи с переселением греков-христиан в Приазовье. Руины Мариамполя сохранились на склонах балки Марьям-Дере; здесь проводились археологические исследования.

² Чуфут-Кале, «пещерный город» на окраине Бахчисарая, находится на мысовом плато. Крепость возникла здесь, по-видимому, в VI в. и принадлежала гото-аланам, федератам Византии. Татары захватили ее в середине XIV в. и назвали Кырк-Ор (Кырк-Ер, Кырк-Йер. Этот топоним переводят по-разному: «сорок замков (укреплений, домов)», «замок сорока», «сорок мужей», «сорок братьев», «крепость», «огражденное место»). В середине XV в. крепость становится резиденцией первых крымских ханов и таковой остается до начала XVI в. (когда столицу Крымского ханства переносят в Салачик, затем – в Бахчисарай). В те времена здесь жили представители разных народов и конфессий. Караимы появились в Кырк-Оре в середине XIV в. В конце XVI – начале XVII в. татары начинают покидать Кырк-Ор, в нем остаются караимы и немного армян, с середины XVII в. – только караимы. С этого времени город называется Чуфут-Кале («иудейская крепость»). В конце XVIII в. в нем насчитывалось ок. 1200 человек, но уже тогда жители Чуфут-Кале начали переселяться в другие места на полуострове. К середине XIX в. город почти опустел, а к началу XX в. стал необитаемым. Ныне на территории городища сохранились крепостные сооружения, колодцы, остатки жилых домов, искусственные пещеры, две караимских кенасы (синагоги), мечеть, мавзолей Ненекеджан-ханым.

Караимы исповедуют иудаизм, однако полностью отвергают Талмуд. Кем же были караимы с этнической точки зрения? Несмотря на тщательное изучение данного вопроса, я так и не смог найти на него ответ...

Чуфут-Кале – вымерший город. Жители покинули его совсем недавно и рассеялись по всей территории Крыма. По обеим сторонам единственной улицы Чуфут-Кале мы видим остатки жилых домов. Вначале и в конце улицы внутри городских крепостных стен расположены городские ворота. Посреди развалин высится современный дом, построенный девять лет назад на средства, собранные караимами всей России. Именно в этом доме 19 сентября 1902 года состоялась встреча императора Николая Второго с представителями караимов России¹. Сегодня здесь можно увидеть фотографию, снятую Императрицей, на которой запечатлен Император вместе с гахамом, главным караимским священником².

Сейчас в Чуфут-Кале проживают двое /14/ сторожей и газан (равин) по имени Бераха Каракоз³. Этот человек очень тепло принял нас и показал нам главные достопримечательности Чуфут-Кале. Прежде всего мы осмотрели кенасу (синоним слова синагога) – строение, считающееся самым древним караимским храмом⁴. Затем посетили мавзолей Ненекеджан, дочери хана Тохтамышша. Мавзолей покрыт куполом, а внутри него находится изящный мраморный саркофаг с надписью на арабском языке⁵. Присутствие здесь гробницы дочери хана Тохтамышша породило множество легенд. Некоторые из них рассказывают о том, что татарская княжна прибыла сюда для того, чтобы, вдыхая чистый горный воздух, бороться с тяжелой болезнью. Другие утверждают, что она, чувствуя какую-то смертельную опасность, нависшую над ней, укрылась за стенами Чуфут-Кале. Третьи считают, что в этой

¹ 19 сентября 1902 г. император Николай II и императрица Александра Федоровна после посещения Бахчисарая направились на Чуфут-Кале, где посетили Дом караимских обществ (дом для почетных гостей), построенный в 90-х гг. XIX в. (он находился рядом с усадьбой А. С. Фирковича; до нашего времени не сохранился). Царская чета была встречена «гахамом <С. М.> Пампуловым, посетили синагогу, после чего Их Величества приняли завтрак от караимского общества» [цит. источник по: 11, с. 285].

² Самуил Моисеевич Панпулов (Пампулов; 1831–1911) – караимский общественный деятель, благотворитель, городской голова Евпатории в 1868–1879 гг., Таврический и Одесский караимский гахам в 1879–1911 гг.

³ В начале XX в. на Чуфут-Кале проживало только два караима, а Бераха Каракоз в это время являлся исполняющим обязанности газана в Армянском Базаре и Перекопе, но на Чуфут-Кале, конечно, мог бывать.

⁴ Кенасы (кенассы) – караимские молельные дома – находятся на вершине скалы, во дворе, окруженном каменным забором. Это два прямоугольных в плане каменных здания с двускатной черепичной крышей. Постройку большой кенасы устная традиция относит к XIV в. (но исследователи отмечают в ней черты архитектуры XVII в.), малая кенаса появилась в конце XVIII в.

⁵ Ненекеджан-ханым (Джанике-ханым), дочь золотоордынского хана Тохтамышша, жена Едигея, умерла в 1437 г. Ее похоронили в мавзолее (дюрбе) в Кырк-Оре, на родине ее матери и, по-видимому, родине самой Ненекеджан-ханым. Надпись на надгробии: «Это гробница знаменитой государыни Ненекеджан-ханым, дочери Тохтамыш-хана, скончавшейся месяца рамазана 841 года» (1437 г. н. э.). Возможно, гробница построена позже: судя по архитектурным деталям – в начале XVI в.

крепости вместе со своим любовником она пряталась от гнева отца. Далее нам показали вырубленные глубоко в скале тюремные камеры. Там я видел кольца, к которым приковывали пленников, комнаты, где их пытали, обезглавливали, и, наконец, отверстие над пропастью, куда сбрасывали тела жертв. В этих тюремных камерах даже летом ощущается высокая влажность. А когда оттуда поднимаешься на поверхность, сразу же попадаешь под палящие лучи солнца.

Мы проходим через крепостные ворота и оказываемся в Иосафатовой долине, огромном некрополе, где на протяжении веков караимы хоронили своих сородичей¹. Самые древние могилы расположены под сенью вековых дубов, а рядом с ними находятся более поздние захоронения. Весь этот некрополь свидетельствует не только о богатстве караимов, разбросанных по всей России, но и об их непоколебимом желании, /15/ несмотря ни на что, быть похороненными исключительно в Иосафатовой долине, у подножия горы, на которой находятся руины их города-колыбели.

Из Бахчисарая я направился в татарскую деревеньку Королез, чтобы оттуда совершить восхождение на отдельно стоящую гору **Мангуп**, которая, как остров, высится над окружающими ее скалами. У подножия Мангупа раскинулась долина, левую часть которой орошает река Бельбек вместе с притоками, а правую – речка Черная. Высота горы Мангуп над уровнем моря достигает 210 саженей². Расстояние от ее подножия до вершины – 130 саженей³. Круглое труднодоступное плато венчает вершину горы⁴. Там можно увидеть развалины крепости Мангуп-Кале⁵.

¹ Караимское кладбище «Иосафатова долина» находится в верховьях балки Марьям-Дере. На нем выявлено около семи тысяч надгробий разных форм с высеченными на них религиозными текстами, формулами и символами. Преобладают эпитафии на древнееврейском языке, некоторое количество – на караимском; есть двуязычные – на иврите и русском (надписи конца XIX – начала XX в.). Самая ранняя эпитафия датируется 1364 г.; последнее захоронение относится к середине XX в. Основная масса надгробных надписей – к XVII–XIX вв.

² 1 сажень = 2,1336 м. Жозеф де Бай занизил высоту горы Мангуп. В действительности ее высота над у. м. – 583 м.

³ В среднем так и есть. Высота горы над окрестными долинами – 250–300 м.

⁴ Площадь плато – 90 га.

⁵ Крепость на горе Мангуп возвели византийцы при императоре Юстиниане I в 50–60-х гг. VI в. н. э. Обитали в этих местах пришедшие в Крым готы и аланы, они смешивались между собой и с местными жителями, среди которых было немало греков. В середине – второй половине XIV в. возникает княжество Феодоро (Мангупское) со столицей Мангуп-Феодоро (город и княжество одноименны). Его население смешанное, в основном христианское. Расцвет княжества приходится на XV в. Оно распространило свою власть на довольно обширные территории, его границы достигают морского побережья.

На Мангупе возводится архитектурный ансамбль, включающий три линии оборонительных сооружений. Главная линия перегораживала балки, по которым можно было попасть на плато. Вторая линия отделяла два мыса на плато от городских построек. На мысе Тешкли-Бурун располагалась цитадель (площадь – 1,2 га, толщина стен – 2,8 м) – третья линия, последнее укрытие в случае прорыва врагами главной и второй линий обороны. Цитадель – это и резиденция мангупского князя. Здесь возвышалась трехэтажная главная башня (донжон; высота – более 8 м). В центральной части плато находился

Когда-то этот неприступный город был окружен крепостными стенами. Сегодня лучше всего сохранилась широкая дверь довольно высокого здания, по обеим сторонам которой, без всякого сомнения, расположены оконные проемы. Один из проемов украшен лепными узорами. Очень трудно датировать время постройки этого сооружения. Некоторые исследователи полагают, что перед нами – развалины ханского дворца¹.

Еще совсем недавно на Мангуп-Кале можно было увидеть остатки христианской церкви, татарской мечети и караимской кенасы. Но здесь жили не только христиане, татары и караимы. В течение долгого времени Мангуп-Кале являлся прибежищем для готы Южного берега Крыма. Как утверждает путешественник Броневский², вплоть до XV века³ Мангуп принадлежал готам и их князьям.

Сейчас на месте древнего городища раскинулась пустошь. /16/ И, судя по большому количеству могил, спрятавшихся в тени лесов, отделяющих Мангуп от деревни Королез, мы можем говорить о довольно крупных размерах древнего города⁴.

Кстати, будучи в деревне **Королез**⁵, я часто встречал там белокурых, голубоглазых татар со светлым оттенком цвета кожи и задавался вопросом: а не являются ли эти татары, так сильно отличающиеся от своих степных собратьев, последними представителями крымских готы? На средневековых географических картах начиная с 527 года нашей эры, даты прихода к власти императора Юстиниана, и кончая XI веком полуостров Крым обозначен словом Готия. Такое

княжеский дворец. К нему примыкала башня с вмонтированной каменной плитой, надпись на ней сообщает, что дворец и башня построены при князе Алексее. Надпись датируется 1425 г., временем правления Алексея I. Есть здесь и культовые постройки: большая трехнефная базилика, храм в цитадели, церковь Богородицы и несколько других. Славится Мангуп и своими пещерными сооружениями; преобладают монастырские комплексы с церквями. Были здесь также культовые здания иудейские, мусульманские. Большой урон мангупским постройкам нанесло вторжение турок-османов в 1475 г. Мангуп превратился в турецкую крепость. К середине XVII в. его покидают христиане, в 70-х гг. XVIII в. – турки, в начале 90-х гг. XVIII в. – караимы. На протяжении XX – начала XXI в. на Мангупе ведутся систематические археологические исследования.

¹ Это часть оборонительной стены цитадели.

² Мартин Броневский посетил Крым в 70-х гг. XVI в. в качестве посла польского короля и написал книгу «Описание Крыма», в которой ничего не говорится о готы, а мангупские князья называются греками [4, с. 344; 5, с. 168]. Скорее всего, де Бай случайно назвал Броневского вместо другого поляка – краковского каноника Матфея (Мацея) Меховского, чей трактат «О двух Сарматиях, Азиатской и Европейской, и о находящемся в них» был опубликован в Кракове в 1517 г. на латинском языке (и неоднократно переиздавался). Меховский как раз и говорил о готском происхождении мангупских князей [10, с. 71–72, 88, 91. См. также: 12, с. 92–94].

³ То есть до турецкого завоевания Крыма.

⁴ Это караимское кладбище с большим количеством надгробий (более тысячи), разбросанных среди деревьев и кустарников в балке Табана-Дере.

⁵ Юхары-Каралез; ныне с. Залесное (*Бахч.*), ближайшее к Мангупу.

долгое присутствие этого народа на земле, подверженной постоянным разрушительным нашествиям, стало предметом моих археологических изысканий. Результаты этих поисков нашли подтверждение в ходе моих этнографических исследований, проведенных в Крыму. Окончательно татары покорили Крым в 1475 году в результате осады и взятия Мангуп-Кале. После этого события мы больше не находим ни одного упоминания о пребывании на Крымском полуострове готов и гетуэцев, но очень может быть, что татары Южного бережья на самом деле являются потомками готов, греков и гетуэцев, принявших ислам.

А теперь мы направляемся в **Евпаторию**, где проживают степные татары, которые, в отличие от своих горных и южнобережных сородичей, имеют ярко выраженные монгольские черты лица. В Евпатории насчитывается 18000 жителей. Среди них – 8000 православных, 5500 татар-мусульман, 3000 караимов и 1500 евреев. /17/ Татарское название этого города – Гезлев – означает «Источник воды».

В Евпатории находится резиденция караимского гахама Самуила Моисеевича Пампулова¹. Вместе с господином Ильей Казасом² он оказывает нам исключительно сердечный прием. Илья Казас – известнейший караимский ученый, руководящий единственной в своем роде духовной караимской школой, где учащиеся изучают русский и древнееврейский языки, теологию, всемирную историю, историю России, географию и математику. Господин Казас перевел на древнееврейский язык для своих учеников Ламартина, Гейне, Шиллера, Гете и других известных писателей. Также он является автором перевода книги «Мораль» Поля Жане и трактата «Естественная религия» Жюль Симона. Сейчас господин Казас работает над переводом научного труда аббата Вигуру «Библия и современные открытия». Кроме всего этого, он еще сочиняет стихи. Между прочим, я полностью согласен с господином Казасом, полагающим, что караимы не являются чисто семитским племенем. На определенном этапе своей истории предки караимов смешались с хазарами...

Но оставим в стороне вопросы этнографии и выделим время для посещения самого города Евпатории. Городской базар вместе с его древними воротами сохранил свой облик времен ханского владычества³. Для мужчин здесь изготавливают шапки из бараньей шкуры, украшенные золотой вышивкой, а для женщин всегда имеется большой выбор бархатных шапочек с золотистыми блестками. /18/ Также на евпаторийском базаре производят обувь самых ярких цветов, украшенную разнообразными узорами, и войлочные ковры, которые можно встретить в каждом татарском доме.

¹ См. прим. 38.

² Илья Ильич Казас (1832–1912) – уроженец Крыма, выдающийся караимский просветитель, ученый, автор многих трудов, педагог, поэт, переводчик, редактор.

³ Эти ворота относятся к крепости в Евпатории (средневекового Гезлева), строительство которой связано с появлением в Крыму турок (1475 г.) и пришлось на конец XV–XVI в. В крепости было пять ворот, в том числе Одун-базар капуси – «ворота Деревянного базара», о которых пишет де Бай. В 1959 г. эти ворота были снесены; в 2004 г. их восстановили.

Когда ты прогуливаешься по татарскому кварталу Евпатории, тебе сразу же бросается в глаза то, что всегда характеризует место обитания степных татар. По обеим сторонам улицы, где прохаживаются женщины в чадрах, тянутся высокие каменные стены, за которыми скрываются дома, расположенные во внутренних двориках. На улицу выходит только одно отверстие, служащее входной дверью. Обычно жилая татарская постройка выполнена из глины. В ней всегда царят идеальная чистота и прохлада. Дом, в котором проживает татарская семья, недоступен для посещения иностранцами; впрочем, мне все-таки удалось побывать в одном из таких типично татарских домов, сын хозяина которого в это время проходил религиозное обучение в Константинополе. Зажиточные татары на территории своего двора обычно строят еще один дополнительный домик для гостей. Его называют *конак* или *селямлик*, то есть место, где обмениваются приветствиями.

Однажды я был свидетелем одного из этапов татарской свадьбы. В то время как невеста, находясь в своей комнате, окруженная подругами, оплакивала, следуя обычаю, свою судьбу, все другие гости устроили рядом с ее домом веселые, зажигательные танцы под аккомпанемент мусульманского цыганского оркестра. Девушки и юноши танцевали отдельно. В этот самый момент, согласно древнему обычаю, и состоялась церемония бракосочетания по доверенности.

Евпаторийская мечеть, без сомнения, – самая большая во всем Крыму. К сожалению, ее минареты не сохранились до наших дней. Эта мечеть построена в 1550 году по чертежам храма Святой Софии в Константинополе. Поэтому она и напоминает христианский собор¹.

/19/ Мы покидаем равнинную часть Крыма и в экипаже из Евпатории через Бахчисарай направляемся в Ялту...

/33/ Именно в Крыму начинается история России. В **Херсонесе**, близ Севастополя, Владимир принял наследство Византии. В чем же выразалось это наследство? /34/ В вере, которую представляли греческие иконы, и в любви, которую олицетворяла византийская принцесса. Крещение и женитьба Владимира положили начало истории России. Сикамбр Кловис и варяг Владимир были очень горды собой². Они сожгли все то, что когда-то боготворили, и воспылали любовью ко всему тому, что когда-то сами сжигали³. Херсонес, захваченный у Византии

¹ Соборная мечеть Джума-Джами (Хан-Джами, Пятничная) возведена при хане Девлет Гирее I в 50–60-х гг. XVI в. по проекту знаменитого турецкого зодчего – грека Ходжи Синана (а не была перестроена из христианского храма – мысль, которую Ж. де Бай почерпнул из литературы XIX в.; это утверждение отвергнуто наукой). Во время реставрации мечети было восстановлено два ее минарета.

² Сикамбры (сигамбры) – древнегерманское племя, обитавшее на Рейне, со временем смешавшееся с франками. Король франков Хлодвиг I (Кловис; годы правления – 481–511) происходил из сикамбров. «Варяг Владимир» – киевский князь Владимир Святославич (годы правления – 978–1015).

³ В бытность язычниками Хлодвиг I (Кловис), основатель Франкского государства, и киевский князь Владимир отличались воинственностью, жестокостью, мстительностью, вероломством, в том числе по отношению к христианам. От Хлодвига особенно пострадала римская Галлия, ее города и церкви. Ситуация изменилась с крещением Хлодвига и его

вождем язычников, был возвращен ей этим же самым человеком, только теперь уже христианином. Настояв на крещении именно в захваченном им городе, князь Владимир хотел принять византийское наследство исключительно в качестве триумфатора. При этом он великодушно вернул греческому городу его независимость, в результате чего ни хазары, ни печенеги не причинили Херсонесу никакого вреда. Вплоть до колонизации Крыма генуэзцами Херсонес оставался единственным греческим городом на полуострове. Затем наступил период его упадка.

Посетив **Инкерман** и **Балаклаву**, расположенные недалеко от Херсонеса, я закончил свое трехмесячное путешествие в Севастополе¹.

Начиная с 1800 года **Севастополь** постоянно укреплялся. В 1808 году российским Черноморским флотом командовал французский адмирал де Траверсе. В Севастополе, как и в других местах Крыма, хранят память о добрых делах лучших сынов Франции. Император Александр говорил: «Я должен быть благодарен Французской революции за то, что она дала России таких трех великих людей как Ришелье, Траверсе и Ланжерон». И мне очень хочется напомнить моим многострадальным крымским друзьям слова Толстого о силе духа защитников Севастополя, сказанные писателем в 1855 году: /35/ «Вы понимаете, что чувство, которое заставляет работать их, не есть чувство мелочности, тщеславия, забывчивости..., но какое-нибудь другое чувство, более властное... редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого, – любовь к родине»².

Список использованных источников и литературы

1. Абдульваап Н. Поэтическая загадка «Фонтана слез» / Н. Абдульваап // Qasevet: историко-этнографический журнал. – 2007. – № 32. – С. 48–49.

Abdul'vaap N. Poyeticheskaja zagadka «Fontana slyoz» / N. Abdul'vaap // Qasevet: istoriko-etnograficheskii zhurnal. – 2007. – № 32. – S. 48–49.

2. Бертъе-Делагард А. Л. По поводу раскопок в Херсонесе (Приложение к Протоколу 348 заседания Имп. Одесского общества истории и древностей 30 января 1903 г.) / А. Л. Бертъе-Делагард // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1906. – Т. 26. – С. 3–8.

Bert'e-Delagard A. L. Po povodu raskopok v Hersonese (Prilozhenie k Protokolu 348 zasedanija Imp. Odesskogo obshestva istorii i drevnostei 30 janvarja 1903 g.) / A. L. Bert'e-Delagard // Zapiski Odesskogo obshestva istorii i drevnostei. – Odessa, 1906. – Т. 26. – S. 3–8.

3. Борзенко А. А. Бахчисарайские арабские и турецкие надписи / А. А. Борзенко // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1850. – Т. 2. – С. 489–528.

воинства в 496 г., Владимира и его дружины в Херсонесе-Херсоне – в 988 г. С крещением Хлодвига связана ставшая крылатой фраза: «поклониться тому, что сжигал, сжечь то, чему поклонялся», то есть принять христианские святыни и отказаться от языческих идолов.

¹Прим. Ж. де Бая: «Моим компаньоном во время путешествия был господин Лев Ильин».

²Толстой Л. Н. Севастопольские рассказы. 1855 г.

- Borzenko A. A. Bahchisaraiskie arabskie it ureckie nadpisi / A. A. Borzenko // Zapiski Odesskogo obshestva istorii i drevnostei. – Odessa, 1850. – Т. 2. – С. 489–528.
4. Броневский М. Описание Крыма / М. Броневский // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1867. – Т. 6. – С. 333–367.
- Bronevskii M. Opisanie Kryma / M. Bronevskii // Zapiski Odesskogo obshestva istorii i drevnostei. – Odessa, 1867. – Т. 6. – С. 333–367.
5. Броневский М. Описание Крыма / М. Броневский // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2005. – № 10. – С. 156–200.
- Bronevskii M. Opisanie Kryma / M. Bronevskii // Istoricheskoe nasledie Kryma. – Simferopol', 2005. – № 10. – С. 156–200.
6. Гайворонский О. Легенды Бахчисарайского фонтана. Ч. 3. Сельсебиль («Фонтан слез»). – Режим доступа: <https://avdet.org/ru/2015/08/18/legendy-bahchisarajskogo-fontana-chast-iii-selsebil-fontan-slez/>.
- Gaivoronskii O. Legendy Bahchisaraiskogo fontana. Ch. 3. Sel'sebil' («Fontan slyoz»). – Rezhim dostupa: <https://avdet.org/ru/2015/08/18/legendy-bahchisarajskogo-fontana-chast-iii-selsebil-fontan-slez/>
7. Гайворонский О. Хансарай. Ч. 1. Большая Ханская мечеть. – Режим доступа: <https://avdet.org/ru/2016/01/07/hansaraj-chast-1-bolshaya-hanskaya-mechet/>.
- Gaivoronskii O. Hansarai. Ch. 1. Bol'shaja Hanskaja mechet'. – Rezhim dostupa: <https://avdet.org/ru/2016/01/07/hansaraj-chast-1-bolshaya-hanskaya-mechet/>
8. Даниленко В. Н. О первом музее на юге России / В. Н. Даниленко // Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья / Центр изучения античности Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. – М.: тип. ИНИОН РАН, 1994. – С. 8–19.
- Danilenko V. N. O pervom muzee na yuge Rossii / V. N. Danilenko // Antichnye kollekcii iz raspokop Severnogo Prichernomor'ja / Centr izuchenija antichnosti Instituta mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo RAN. – M.: tip. INION RAN, 1994. – S. 8–19.
9. Дьяконова И. А. Михели Георгий Яковлевич // Греки в истории Крыма: краткий биографический справочник. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. – С. 207.
- D'jakonova I. A. Miheli Georgii Jakovlevich // Greki v istorii Kryma: kratkii biograficheskii spravochnik. – Simferopol': Tavrija-Plyus, 2000. – S. 207.
10. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / М. Меховский / пер., комм. С. А. Аннинского. – М.; Л.: изд-во АН СССР, 1936. – 301 с.
- Mehovskii M. Traktat o dvuh Sarmatijah / M. Mehovskii / per., komm. S. A. Anninskogo. – M.; L.: izd-vo AN SSSR, 1936. – 301 s.
11. Прохоров Д. А. К истории визитов членов императорской семьи Романовых в «пещерный город» Чуфут-Кале в XIX – начале XX в. / Д. А. Прохоров // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. – Севастополь; Тюмень, 2014. – Вып. 6. – С. 273–298.
- Prohorov D. A. K istorii vizitov chlenov imperatorskoj sem'i Romanovyh v «peshernyi gorod» Chufut-Kale v XIX – nachale XX v. / D. A. Prohorov // Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. – Sevastopol'; Tyumen', 2014. – Vyp. 6. – S. 273–298.
12. Рахно К. Ю. «Трактат о двух Сарматиях» Матея Меховского как источник по исторической этнографии Северного Причерноморья / К. Ю. Рахно // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. – Севастополь; Тюмень, 2012. – Вып. 4. – С. 91–96.
- Rahno K. Yu. «Traktat o dvuh Sarmatijah» Maceja Mehovskogo kak istochnik po istoricheskoi yetnografii Severnogo Prichernomor'ja / K. Yu. Rahno // Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. – Sevastopol'; Tyumen', 2012. – Vyp. 4. – S. 91–96.
13. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические надписи Херсонеса: лапидарные надписи / Э. И. Соломоник. – Киев: Наукова думка, 1973. – 284 с.
- Solomonik E. I. Novye yepigraficheskie nadpisi Hersonesa: lapidarnye nadpisi / E. I. Solomonik. – Kiev: Naukova dumka, 1973. – 284 s.
14. Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического: тексты, перевод, комментарии / Э. И. Соломоник. – М.: Наука, 1983. – 95 с.
- Solomonik E. I. Latinskie nadpisi Hersonesa Tavricheskogo: teksty, perevod, komm. / E. I. Solomonik. – M.: Nauka, 1983. – 95 s.

15. Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса / С. Б. Сорочан, В. М. Зубарь, Л. В. Марченко. – Харьков: Майдан, 2000. – 828 с.
Sorochan S. B., Zubar' V. M., Marchenko L. V. Zhizn' igibel' Hersonesa / S. B. Sorochan, V. M. Zubar', L. V. Marchenko. – Har'kov: Maidan, 2000. – 828 с.
16. Челеби Э. Книга путешествия: Крым и сопредельные области / Э. Челеби / 2-е изд.; пер., вступ. ст., комм. Е. В. Бахревского. – Симферополь: Доля, 2008. – 272 с.
Chelebi E. Kniga puteshestvija: Krym i sopredel'nye oblasti / E. Chelebi / 2-e izd.; per., vstup. st., komm. E. V. Bahrevskogo. – Simferopol': Dolja, 2008. – 272 s.
17. Шавшин В. Г. Балаклава – древняя и молодая: исторические очерки / В. Г. Шавшин. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. – 296 с.
Shavshin V. G. Balaklava – drevnjaja i molodaja: istoricheskie ocherki / V. G. Shavshin. – Simferopol': Biznes-Inform, 2016. – 296 s.
18. Baye de Joseph. En Crimée. – Paris: Librairie Nilsson, 1906. – 55 p.

Petrova E. B. The Crimea in the description and on the photos by French traveler Joseph de Baye (1905). Part 3. Simferopol, Bakhchisaray, Evpatoria, Sevastopol

Among the writings of travelers in the Crimea of the early XX century the book «In the Crimea» is of historical and ethnographic interest, written by the French scientist (archaeologist, ethnographer, historian), traveler, collector, photographer Baron Joseph de Baye (1853–1931), who has done much to establish the relations of France with Russia. His book was published in Paris in 1906, but has never been translated into Russian. His journey in the Crimea took place in August-October of 1905. He visited Simferopol, Bakhchisaray district, Evpatoria, Yalta, Alupka, Nikita, Gurzuf, Alushta, Feodosia, Stary Krym, Otuzy, Sudak, and then the South-Western Crimea – Inkerman, Balaklava, Sevastopol. De Baye had a professional curiosity about the Crimean peninsula. The book and pictures of Joseph de Baye complement our knowledge about the Crimea of the early XX century, the appearance and the life of its peoples, monuments of history and culture. This article continues the publication of Joseph de Baye's book. Translated into Russian by G. I. Bednarchik.

Keywords: travelers in the Crimea in the beginning of XX century, Baron Joseph de Baye, Simferopol, Bakhchisaray, Uspensky monastery, Chufut-Kale, Mangup, Karalez, Evpatoria, Chersones, Sevastopol.

УДК 904

ЧЕРНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК Р. Х. ЛЕПЕРА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ РАЙОНЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Ушакова К. С.

*Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический»,
г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: ushakova.ks84@gmail.com*

Статья посвящена анализу чернолаковой керамики из нескольких археологических комплексов позднеклассического и эллинистического времени из раскопок Р. Х. Лепера в Северо-Восточном районе Херсонеса. В частности, удалось выделить группу материалов, относящихся к раннему периоду существования города и представленных продукцией Аттики второй – третьей четвертей V в. до н. э. Комплексы эллинистического времени содержали сосуды аттического производства последней четверти IV – начала III в. до н. э., а также различных малоазийских и, возможно, островных центров начала III – первой половины II в. до н. э. с единичными экземплярами конца II – начала I в. до н. э.

Ключевые слова: чернолаковая керамика, позднеклассические и эллинистические комплексы, Херсонес Таврический, Р. Х. Лепер, Аттика, Малая Азия.

Р. Х. Лепер, бывший заведующий Херсонесским музеем и член Императорской археологической комиссии, на протяжении 1908–1914 гг. проводил широкомасштабные раскопки Херсонеса. Тем не менее внимание исследователей в основном привлекали материалы херсонесского некрополя [см., например: 1; 15; 18; 27; 28], тогда как результаты изучения самого городища – в частности Северо-Восточной его части, практически не опубликованы¹. Одной из причин является крайняя «фрагментарность дневников» Р. Х. Лепера, затрудняющая определение стратиграфии и хронологии отдельных участков [21; 8, с. 3]. Ситуация осложняется еще и тем, что из-за несовершенства методики ведения полевых работ и паспортизации находок значительная часть массового материала была утрачена.

Все это привело к тому, что коллекции из раскопок Р. Х. Лепера в Северо-Восточном районе, в частности чернолаковые сосуды, являющиеся одной из основных датирующих категорий керамики, до сих пор практически не введены в научный оборот². В то же время выделение и анализ комплексов, содержащих чернолаковую керамику, может способствовать уточнению датировок слоев позднеклассического и эллинистического времени, в целом крайне фрагментарно сохранившихся в результате многократных перестроек в этой древнейшей части Херсонесского городища.

¹ В 1930 г. К. Э. Гриневич издал дневники Лепера [8] и комментарии к ним, однако основной акцент при этом был сделан на анализе открытых строительных остатков.

² Достаточно полно на сегодняшний день проанализированы, пожалуй, лишь фрагменты расписных сосудов из раскопок Р. Х. Лепера [6; 16].

Данная работа посвящена анализу нескольких комплексов, открытых в ходе исследований Р. Х. Лепера в I и III кварталах Херсонеса и охватывающих период от второй четверти V до начала I в. до н. э. (рис. 1).

Так, в 1909 г. в I квартале Херсонесского городища, на улице 13А по нумерации Р. Х. Лепера, в углублении в скале (глубиной ок. 0,45 м) напротив входа в помещение 17 (Восточная Базилика) было найдено «много чернолаковых черепков» [8, с. 46] (рис. 1, 1).

Большая часть из них представлена сосудами для питья.

Нижняя часть скифоса относится к сосудам т. н. аттического типа (Рис. 2, 1; инв. 2879/09), которые выпускали в Аттике со второй четверти VI в. до н. э., хотя традиционная их форма сложилась только к началу V в. до н. э. В то же время прямой профиль стенки свидетельствует об уже наметившейся тенденции к сужению в нижней части, что позволяет отнести наш экземпляр к середине второй четверти V в. до н. э. [53, с. 84–85, Fig. 4, Pl. 16, № 342; 48, с. 97, Fig. 8, № 136; 12, рис. 2, № 5, 8; 22, с. 168, рис. 1, 12].

Достаточно редкой для Херсонеса находкой является фрагмент кружки с каннелированным туловом и плоским дном (рис. 2, 2; инв. 2881/09) типа Pheidias Shape. В Аттике этот тип кружек пользовался большой популярностью во второй половине V в. до н. э., однако наиболее ранние варианты формы, с плоским дном, оставленным в цвете глины, и округлым туловом, появляются немного раньше – во второй четверти V в. до н. э. [53, с. 72–73]. Практически полная аналогия нашему сосуду из раскопок Афинской Агоры датируется ок. 460 г. до н. э. [53, Pl. 11, Fig. 3, № 201; ср.: 12, с. 51, рис. 9, № 88].

Еще один тип сосудов для питья представлен фрагментами доньев болсалов (рис. 2, 3, 4; инв. 2885/09, 2886/09). В Аттике их выпускали с третьей четверти V до конца IV в. до н. э., хотя пик их популярности приходится на конец V в. до н. э. [53, с. 107–108; 12, с. 30]. Однако, по предположению, высказанному Е. Я. Роговым и И. В. Тункиной на основании анализа узко датированных комплексов из некрополей Северного Причерноморья, поступление этого типа сосудов в регион прекращается уже во второй четверти IV в. до н. э. [26, с. 163, рис. 5, 2, 3, 5]. Форма поддонов позволяет отнести наши экземпляры к началу последней четверти V в. до н. э. [53, Pl. 53, Fig. 6, № 538, Pl. 24, Fig. 6, № 541, Pl. 53, № 544; 12, № 41–43, 47, 48].

Несколько фрагментов принадлежит киликам различных форм. Закраина килика на низком поддоне большого типа с вогнутым венчиком и выступом под ним (рис. 2, 5; инв. 2887/09) относится к самому раннему варианту типа, который датируется в пределах второй четверти V в. до н. э. [53, с. 101–102, Fig. 5, № 471; см. также: 12, с. 22, рис. 4, № 28–32; 36, с. 24–25, Fig. 10, № 36]. Для аналогичного сосуда из раскопок ямы с керамическим боем, относящейся к общественной столовой на Афинской Агоре, С. Ротрофф предлагает чуть более раннюю дату – конец первой – начало второй четвертей V в. до н. э. [48, с. 102, Fig. 10, № 175]. Два обломка киликов на поддоне-донце (рис. 2, 7; инв. 2882/09) и стенка (рис. 2, 6; инв. 2883/09), украшенные штампованным и врезным орнаментом, относятся к т. н. изящному классу. Дно первого фрагмента снаружи профилировано рельефными кольцами и врезными желобками в сочетании с зонами, оставленными в цвете глины –

прием, характерный для третьей – четвертой четвертей V в. до н. э. [ср.: 53, с. 103, Pl. 23, 50, Fig. 5, № 484]. Сложный, тщательно выполненный орнамент в виде центральной розетки, окруженной поясом лучей, соединенных арками сверху и снизу, также является одной из характерных отличительных черт этого типа сосудов во второй половине V в. до н. э. [53, Pl. 23, 50, Fig. 5, № 485, 492]. Стенка второго килика, на которой также сохранилась часть штампованного и прочерченного орнамента – сектор язычков, ограниченный тремя врезными линиями, может датироваться этим же временем [ср.: 53, с. 104, Pl. 22, 50, Fig. 5, № 483, Pl. 23, 50, Fig. 5, № 488, Pl. 50, Fig. 5, № 499, Pl. 23, 51, № 500, Pl. 51, № 502].

Фрагмент одноручной чаши (рис. 2, 9; инв. 2888/09) имеет параллели среди аттических изделий второй – третьей четвертей V в. до н. э. [см.: 53, с. 126–127, Pl. 31, Fig. 8, 22, № 749; 48, с. 102, Fig. 13, № 211; 12, с. 72–73, рис. 14, № 113].

Единственный в выборке сосуд для сервировки – солонка с закругленными стенками (Рис. 2, 8; инв. 2880/09) – относится к раннему варианту формы – с заглубленным дном. Подобные солонки бытуют весьма непродолжительное время – на протяжении первой половины V в. до н. э. [53, с. 136]. Наиболее близкие аналогии из раскопок Афинской Агоры датируются ок. 475–450 гг. до н. э. [53, с. 136, Pl. 34, Fig. 9, № 903; 48, с. 111, Fig. 16, № 243, 244].

Наконец, фрагмент стенки с орнаментом в виде смотрящих вниз пальметт, соединенных прочерченными дугами, принадлежит амфориску штампованного типа (Рис. 2, 10; инв. 2889/09), которые также производились в Аттике лишь в последней четверти V – начале IV в. до н. э. [форма: 12, с. 99, рис. 17, табл. 36, № 179–181; 53, с. 156, Pl. 39, 48, Fig. 11, № 1150; орнамент: 53, Pl. 48, № 1150, 1151, 1154; 36, с. 26–27, Fig. 10, № 40].

Помимо чернолаковых сосудов в заполнении выемки в скале были обнаружены фрагменты биконического кувшина с полосами красного лака на тулове восточногреческого производства (инв. 2890/a,b,c) и закраина краснофигурного кратера (инв. 2877/09). Аналогичные «грибовидные» кувшины из раскопок Ольвии датируются концом VI – первой половиной V в. до н. э., хотя находки с Афинской агоры дают более позднюю дату – вторая половина V в. до н. э. [5, с. 129–130, рис. 113, кат. 9.122–9.125; 53, № 166]. Фрагмент кратера с изображением военного танца (пиррихия) в женском исполнении относится, вероятно, к кругу мастера Мидаса [16, рис. 2, 3; 6, с. 63–64, Табл. III, 15]. А. А. Зедгенидзе отнесла данный фрагмент к 40–30 гг. V в. до н. э. [16, с. 30].

Таким образом, комплекс из раскопок II поперечной улицы можно достаточно уверенно датировать второй – третьей четвертями V в. до н. э. (вероятно, с заходом в последнюю четверть столетия) и, бесспорно, отнести к самому раннему периоду существования полиса [4, с. 33–35]. При этом по составу он имеет близкие параллели в комплексах этого же времени в других греческих центрах, в частности в Афинах [см. 48, с. 51–52, 59–60].

В 1908 г. в том же I квартале Херсонесского городища Р. Х. Лепером был исследован колодец в помещении 14 [8, с. 28] (рис. 1, 2). Само помещение 14 относится к средневековому времени и, по предположению К. Э. Гриневича,

было связано с усыпальницей Восточной базилики [8, с. 21–23], однако находившийся в нем колодец был засыпан еще в античную эпоху.

Судя по дневниковым записям Р. Х. Лепера, в засыпи колодца был найден обильный материал [8, с. 28–29], большая часть которого, к сожалению, не сохранилась. Тем не менее два желобчатых клейма с именем астинома Гераклея на ручках херсонесских амфор [инв. 17573, 17509; хронологическая группа 1Б или 1В по: 19, с. 442] и ольвийская монета типа «борисфен» 330–300 гг. до н. э. [инв. Н-576; 52, Pl. XX, № 460–461]¹ позволяют уверенно датировать комплекс последней четвертью IV – первыми десятилетиями III в. до н. э. Чернолаковая керамика, представленная несколькими сосудами аттического производства, также укладывается в указанный временной промежуток.

В частности, канфар классической серии (рис. 3, 1; инв. 4893/08), судя по пропорциям (коэффициенту отношения диаметра тулова к высоте сосуда, который в нашем случае составляет 0,72) и особенностям формы (слегка вытянутая нижняя часть и отклоненная стенка верхней части), можно отнести к первой четверти III в. до н. э. [44, с. 349–350; 46, с. 84, Fig. 4, Pl. 2, №15–17; 11, с. 25, рис. 4, № 42; 24, с. 77, рис. 74, № 8; 34, с. 211, Pl. 100, Da94].

Миска с загнутым краем (рис. 3, 3; инв. 4927/08) относится к типу глубоких по классификации, предложенной С. Ротрофф [46, с. 161]. В связи со значительной вариативностью, как пропорций, так и отдельных элементов подобных мисок, проследить тенденции в их развитии довольно сложно [11, с. 36]. Однако размеры поддона, составляющего ок. 60 % от максимального диаметра тулова, равно как и утолщенная, с плавным изгибом, верхняя часть стенки, позволяют датировать наш экземпляр первой четвертью III в. до н. э. [46, с. 163, Fig. 63, Pl. 76, № 1000; 51, plv. 182, № 20; ср. также: 11, рис. 22, № 317, 319, 320]. Нижняя часть еще одной аналогичной миски (рис. 3, 4; инв. 4957/09), очевидно, относится к этому же времени [типа: 46, Fig. 63, Pl. 76, № 1000; 51, plv. 182, № 23].

Миска с отогнутым краем, украшенная внутри штампованным орнаментом в виде четырех пальметт округлой формы (рис. 3, 2; инв. 4983/08), судя по форме и наличию полосы в цвете глины на стыке поддона и стенки, была изготовлена в аттических мастерских в последней четверти IV в. до н. э. [11, с. 32, рис. 13, № 175; ср.: 46, с. 157, № 866, 869; 35, с. 139, Pl. 64, B102, 103]. Лаковые кольца и точка, украшающие не покрытое снаружи лаком донце, – прием традиционный для более ранних изделий – конца V – второй четверти IV в. до н. э. [53, с. 128–129]. Однако подобное декоративное оформление поддона встречается и у более поздних вариантов [например, миска из раскопок городища Чайка: 11, с. 32, рис. 13, № 177].

Таким образом, все материалы из колодца свидетельствуют о том, что он был засыпан в последней четверти IV – начале – первой четверти III в. до н. э. Его засыпку, очевидно, следует связывать с какими-то масштабными перестройками, проводившимися в Северо-Восточном районе города в этот период, о чем свидетельствуют данные и других комплексов [см., например, колодец в квартале VII: 29, с. 281–282].

¹ Определение монеты выполнено Н. А. Алексеенко («Историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»»).

ЧЕРНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК Р. Х. ЛЕПЕРА
В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ РАЙОНЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Рис. 1. План Северо-Восточного района Херсонеса (дано по: Гриневич 1930)

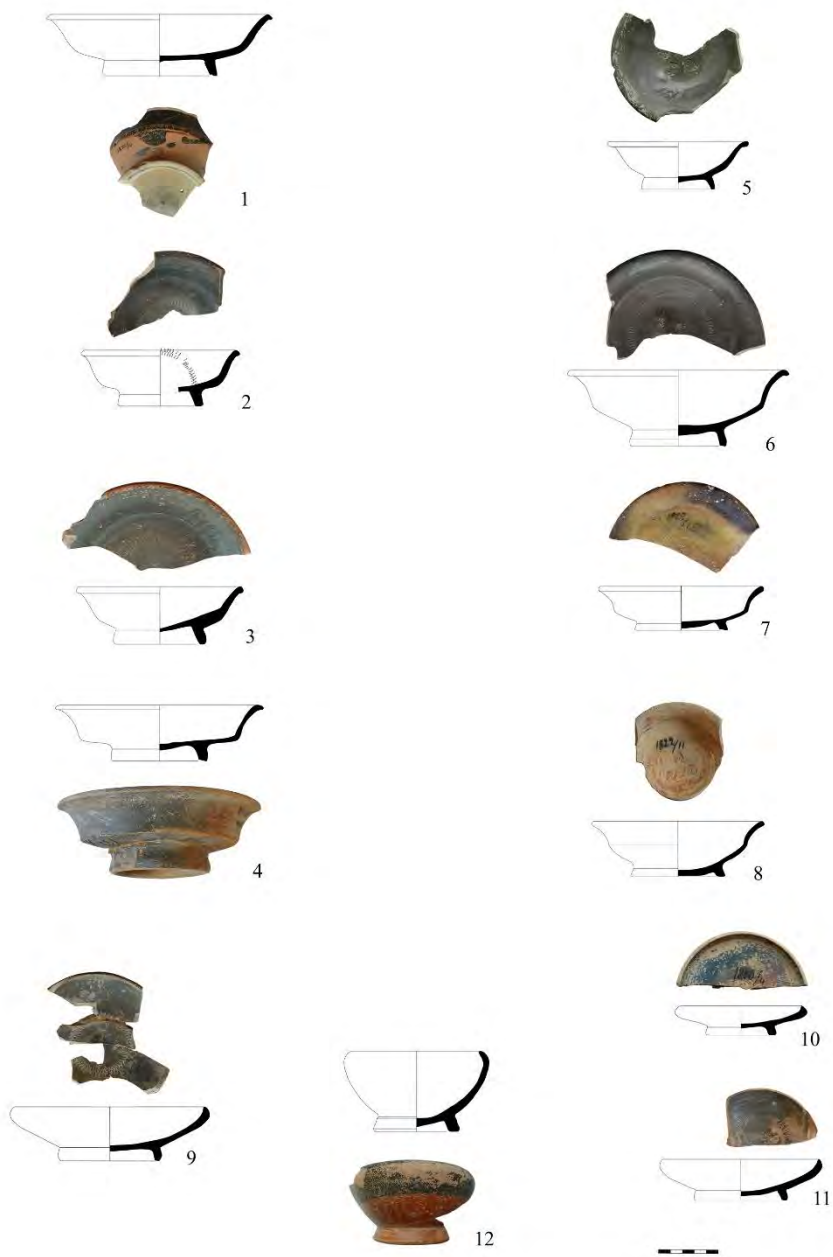
Рис. 2. Фрагменты чернолаковых сосудов. I квартал, улица 13А, углубление в скале напротив входа в помещение 17

Рис. 3. Чернотерракотовые сосуды из засыпи колодца в помещении 14, I квартал

Рис. 4. Фрагменты чернотерракотовых сосудов. III квартал, помещение 11 (VI)

Еще один комплекс, содержащий значительное количество чернолаковых фрагментов, – это колодец в помещении 11 (VI) в III квартале Херсонеса, исследованный Р. Х. Лепером в 1911 г. [8, с. 83–84] (рис. 1, 3). Сопутствующий материал был представлен фрагментами кувшинов III–II вв. до н. э. (в том числе мерным? кувшинчиком с клеймом на ручке) и обломками кастрюли и крышки, характерными для памятников эллинистического времени как самого Херсонеса, так и его ближней и дальней округи [25, рис. 17, 6, рис. 39, 1, рис. 84, 2; 37, Pl. 94, C126, Pl. 95, C133, Pl. 96–98; 55, Fig. 15].

Собственно чернолаковая керамика представлена разнообразными категориями сосудов – для питья и сервировки, для хранения и подачи воды, а также для масла.

Среди обломков канфаров встречались сосуды как классической, так и эллинистической серий. К классической серии относятся нижняя часть каннелированного канфара (рис. 4, 1; инв. 1899/11) и фрагменты двух очень высоких профилированных ножек (рис. 4, 3, 4; инв. 1848/11). Судя по особенностям профилировки: резкому перегибу на тулове, небольшой высоте вместилища и значительной высоте ножек, все они принадлежали сосудам малоазиатского производства, вероятнее всего, Пергама [ср.: 50, с. 43–44, Taf. 5, C24; 11, с. 47–48, рис. 34, № 540; 24, с. 77–79, рис. 74, № 5, 6; 20, с. 63, рис. 12, 1; 2, рис. 15; 23, с. 123, рис. 11, 8; 55, Fig. 5, 2]. Датируются они – на основании аналогий – второй половиной III – началом II в. до н. э. [11, с. 48].

Обломок еще одного морфологически близкого канфара с гладким туловом (венчик и ножка утрачены; рис. 4, 2; инв. 1829/11) украшен накладным орнаментом в стиле West Slope Ware: плющевая гирлянда вправо и розетки; листья выполнены жидкой глиной и подчеркнуты белой краской, стебли – врезной линией, розетки – белой краской. Гирлянда из плюща была одним из самых популярных мотивов в керамике West Slope во многих центрах начиная еще с эпохи классики [46, с. 48; 50, с. 60–62, Taf. 16, D63–65; 31, Taf. 13, № 7, Abb. 25, №108; ср.: 7, с. 44, табл. 5, 25; 34, с. 215, Pl. 104, Db143]. Однако, по наблюдению А. Александропулу, использование в декоре плюща врезных элементов (в частности для изображения стебля и побегов) было особенно характерно для пергамской керамики этого стиля, причем начиная уже с первой половины III в. до н. э. [30, с. 38–40].

Венчик с декором в виде рядов точек, выполненных плохо сохранившейся белой краской, и небрежных копьевидных подвесок, нанесенных жидкой глиной (рис. 4, 5; инв. 1850/11), а также профилированные поддоны (рис. 4, 7, 8; инв. 1847/11, 1868/11) принадлежат S-видным канфарам. Подобные сосуды производились в различных эллинистических центрах на протяжении второй четверти III – середины II в. до н. э. и часто встречаются на памятниках Северного Причерноморья¹ [13, с. 73–75; ср.: 31, с. 115, 120, Abb. 3, № 11; 50, с. 58, 61–62, Taf. 14, D58, Taf. 15, D65, Taf. 16, D52, 63, с. 153, Abb. 18, Z82; 41, πιν. 58, 2; 39, S. 36, Taf. 26, B25; 14, рис. 1, 2, 4, рис. 2, 1, 2; 24, рис. 77, 79; 33, Fig. 1, 12; 7, с. 43, 44, табл. 4, 19, табл. 5, 28; 9, с. 14, табл. 13, 2]. Наши экземпляры, очевидно, имеют

¹ Хотя, как отмечает Т. В. Егорова, в северопричерноморском регионе S-видные канфары бытуют на протяжении более длительного времени – до последней трети – конца II в. до н. э. [13, с. 75].

пергамское происхождение и могут датироваться второй четвертью III – началом II в. до н. э. [50, с. 58; 41, с. 94–97; 47, с. 98].

Родственные канфарам сосуды представлены единичным фрагментом профилированного поддона чаши типа болстер с характерными желобками в цвете глины на внешней стороне и на подошве поддона (рис. 4, 6; инв. 1848/11). В Аттике такие чаши в весьма ограниченном количестве изготавливали в начале – первой четверти III в. до н. э. [46, с. 96–97, Fig. 13, Pl. 16, № 164–166].

Из прочих форм сосудов для питья можно отметить фрагмент закраины полусферической чаши с орнаментом «net-pattern». Производство подобных чаш началось в конце III в. до н. э., но наибольшее распространение они получили в середине – второй половине II в. до н. э. [46, с. 108–109; 50, с. 154, Abb. 20, Z132–137; 43, с. 84–85, 88, Pl. 12, 13, № 433–438; 2, рис. 15; 17, рис. 2; 10, с. 316–317, рис. 2, № 11–13; 34, с. 248, Pl. 140, Db567,569]. Наш фрагмент (рис. 4, 11; инв. 1831/11), судя по тщательно профилированному краю, все-таки ближе к аттическим образцам конца III – третьей четверти II в. до н. э. [46, с. 108–109, Fig. 20, Pl. 32, № 320].

Наиболее многочисленная группа находок из колодца – это чернолаковые миски различных типов. При этом преобладают миски с отогнутым краем.

Единственная миска с отогнутым краем аттического производства по форме относится к т. н. эллинистическому типу (рис. 5, 1; инв. 1820/11) и датируется по аналогиям второй четвертью III в. до н. э. [46, с. 158, Fig. 60, № 907; 11, рис. 17, № 231], но имеет нехарактерный для данного типа желобок на подошве поддона, что может свидетельствовать о чуть более ранней дате.

Еще две миски (рис. 5, 2, 3; инв. 1844/11, 1867/11) также близки по профилировке изделиям аттических мастерских первой четверти III в. до н. э. [ср.: 46, с. 329, Fig. 59, № 874]. Однако по характеристикам глины их скорее можно отнести к малоазийскому импорту и датировать более широким промежутком времени – первой половиной III в. до н. э. [11, рис. 38, № 568, 569; 50, с. 43, Taf. 3, C9; 39, Taf. 5, A16,19,20].

Миска (Рис. 5, 5; инв. 1799/11) из светло-серой глины, украшенная внутри четырьмя штампованными пальметтами в окружении двух рядов врезных концентрических насечек, имеет практически полную аналогию среди материалов Пергама [50, с. 43, Taf. 3, C8], хотя подобные изделия известны и в Эфесе [39, Taf. 5, A16,18,20]. Т. В. Егорова относит миски с похожим профилем к условно малоазийскому производству и предлагает датировать их первой половиной III в. до н. э. [11, с. 53, рис. 39, № 585,587; см. также: 55, Fig. 6, 4].

Миска с похожим штампованным декором (рис. 5, 6; инв. 1817/11) также напоминает продукцию пергамских мастерских, но более позднего времени – последней четверти III – первой четверти II в. до н. э. [50, с. 43, Taf. 3, C7; 55, Fig. 6, 4; 34, с. 242, Pl. 137, Da499].

Две практически идентичные миски (рис. 5, 7, 8; инв. 1818/11, 1822/11), отличающиеся лишь размерами и глубиной, имеют угловатый профиль с сильно отклоненной верхней частью стенки. Подобная профилировка встречается на мисках аттического производства со второй четверти II в. до н. э. [46, с. 159, см.

например: Fig. 61, № 935, 936, Fig. 61, Pl. 74, № 950–952; см. также экземпляр из Ольвии: 34, с. 242, Pl. 137, Da500]. Однако в нашем случае у обоих сосудов очень низкий кольцевой поддон при значительной толщине дна. К тому же на аттических мисках этого времени штампованный орнамент практически не встречается [46, р. 158]. В то же время весьма похожие по форме миски происходят из раскопок в Эфесе [39, Taf. 6, № A23] и Эретрии [38, πιν. 8, № 128, 134], где датируются гораздо более широко: III – первой половиной II в. до н. э.

Очевидно, следующим этапом развития данного типа мисок можно считать экземпляр с отогнутым почти под прямым углом краем и практически горизонтальной внутренней поверхностью дна (рис. 5, 4; инв. 1823/11) – профиль, характерный для аттической керамики конца II – начала I в. до н. э. [46, с. 158–159, 336, Fig. 60, Pl. 146, № 935].

Миски с загнутым краем, среди которых есть как мелкие, так и глубокие, судя по качеству глины и лака, были изготовлены в неаттических мастерских.

Мелкие миски представлены двумя вариантами. Миска первого варианта (рис. 5, 10; инв. 1800/11) имеет сильно загнутую внутрь закраину с выраженным утолщением в месте наибольшего диаметра. Аналогичные сосуды малоазийского производства из Северо-Западного Крыма датируются началом III в. до н. э. [ср.: 11, с. 55, рис. 42, № 619, 621]. Две миски второго варианта отличаются довольно тонкими стенками и заостренным краем без утолщения на сгибе (рис. 5, 9, 11; инв. 1824/11, 1846/11). Обе они украшены внутри орнаментом в виде сгруппированных в центре четырех пальметт в окружении нескольких рядов врезных насечек и также могут быть отнесены к производству Малой Азии. Поскольку такие миски имеют весьма близкие аналогии среди аттического материала [46, с. 162, Fig. 62, Pl. 7, № 977, 983], можно предположить, что они датируются временем чуть более поздним – второй четвертью III в. до н. э. [11, с. 55, рис. 42, № 622, 623].

Глубокая миска с загнутым краем (рис. 5, 12; инв. 1801/11) и тонкой заостренной закраиной практически аналогична сосуду, опубликованному среди материалов из Северо-Западного Крыма [11, рис. 42, № 625, но чуть меньше]. Т. В. Егорова относит ее к производству Эретрии и датирует первой четвертью III в. до н. э. [11, с. 55–56; см. также: 51, πιν. 182, № 19]. Вместе с тем похожую миску (из такой же мягкой светло-оранжевой глины) из раскопок Эретрии И. Метцгер считает беотийским импортом первой половины III в. до н. э. [Metzger, с. 47, πιν. 8, № 2]. Датировку аналогичного по форме сосуда из Пергама Й. Шефер, ориентируясь на качество лакового покрытия, сдвигает к рубежу II–I вв. до н. э. [50, с. 37–38, 43, Taf. 4, C20].

Рыбные блюда представлены фрагментами доньев на высоком поддоне (рис. 4, 9, 10; инв. 1815/11, 1865/11). Оформление внутренней части блюд – широкая полоса в цвете глины вокруг солонки и ряд врезных концентрических насечек – характерно для малоазийской традиции [49, с. 45]. Похожие сосуды известны, например, в Пергаме [50, Abb. 17, Z11,13, Taf. 1,2, C4], Эфесе [32, Fig. 6, № 95], Сардах [49, с. 49, Pl. 6, № 28], где датируются первой половиной III в. до н. э. [см. также: 12, с. 92, рис. 16, табл. 34, № 168].

Еще одно небольшое блюдо или тарелка (рис. 4, 14; инв. 1805/11) типологически напоминает соусницы с сильно отогнутым краем конца III – середины II в. до н. э. [ср.: 46, Fig. 52, Pl. 56, № 748; 11, с. 57, рис. 43, № 646; 33, с. 519, Fig. 3, 14; 34, с. 239, Pl. 136, Da473], но имеет внутри неглубокую солонку. Наиболее близкие аналогии нашему сосуду – это чаша с широким краем из Эфеса, датирующаяся концом III в. до н. э. [ср.: 39, с. 30, Taf. 15, A70], и блюдо восточносредиземноморского производства конца III – первой половины II в. до н. э. [40, с. 229, plv. 117, 2].

Закрытые сосуды представлены всего двумя фрагментами – лекифа и лагиноса.

Миниатюрный арибаллический лекиф (рис. 4, 13; инв. 1802/11) имеет нехарактерные для этого типа сосудов форму поддона (очень низкий, с профилированной подошвой [ср.: 53, Fig. 11, 1123; 26, рис. 7]) и роспись в стиле West Slope Ware. На его тулове и плечиках – желобки, небрежно процарапанные по лаку и орнамент: на плечиках – удлиненные листья, поочередно жидкой глиной и белой краской; на тулове – следы точек, которые были выполнены белой краской.

Аналогичный по форме поддон мы встречаем у простого чернолакового лекифа (Й. Шефер называет его ойнохоей) из раскопок Асклепейона в Пергаме, который датируется последней четвертью III – началом II в. до н. э. [50, с. 26, 39, 44, Taf. 5, 6, C27]. Схожий лекиф со схематичной росписью в виде копьевидных подвесок был найден в Варне [3, с. 36, Обр. 9, 3].

Что касается декора, то орнамент в виде чередующихся удлиненных листьев встречается на аттической керамике – в частности, на горле и плечиках аттической ойнохой конца II – начала I в. до н. э. [45, Pl. 38, № 90; 46, Fig. 36, Pl. 48, № 490]. Подобный же декор в сочетании с точками или пунктиром (т. н. «beed and geel») на тулове, нанесенными белой краской или жидкой глиной, характерен для флаконов-унгвентариев из Сард, которые по сопутствующему материалу датируются концом III – серединой II в. до н. э. [49, с. 44, Pl. 28, № 187, Pl. 140, P22]. Аналогичный флакон из коллекции ГМИИ им. Пушкина Т. В. Егорова относит к первой половине II в. до н. э. [12, с. 102–103, рис. 18, Табл. 37, № 189; ср. также: 27, рис. 37, 4; 3, с. 34, Обр. 7, 2 – из Херсонеса и Болгарии]. Поэтому можно предположить, что такие лекифы, так же как и унвентарии с подобной орнаментацией, производились в одном из малоазийских центров.

Наконец, нижняя часть небольшого лагиноса (рис. 4, 12; инв. 1830/11) с биконическим туловом украшена на плечике орнаментом в стиле West Slope Ware: по краю – процарапанные стилизованные волны, подчеркнутые полосой жидкой глины, выше – овы, также выполненные врезной линией, с «подвесками-стрелками» из жидкой глины между ними (т. н. «egg and dart»).

Лагиносы биконической формы, декорированные различными орнаментальными мотивами, известны среди продукции Пергама, где датируются серединой III – началом II в. до н. э. [50, Taf. 19, D73,74 – с плющевой гирляндой и каплевидными подвесками; 31, Abb. 25, с. 176, № 108 и особенно № 109 – с прочерченными овами и стрелками], и Родоса, среди материалов середины II в. до н. э. [42, с. 189, № 169]. Обломки чернолаковых лагиносов, в том числе и с

мотивом «egg and dart», были найдены на усадьбе 193 ближней хоры Херсонеса также в слое конца III – начала II в. до н. э. [23, с. 123, рис. 11, 5, 6].

Однако аналогичные сосуды встречаются в комплексах и более позднего времени, в частности из раскопок Афинской Агоры. Так, лагинос с мотивом врезных волн пергамского производства происходит из цистерны С14 с материалами конца II – начала I в. до н. э. [54, с. 302, 304, Fig. 9, № 26]. Еще один похожий по форме кувшин с росписью в стиле «Западного склона» по контексту также датируется этим временем [46, Fig. 100, Pl. 133, № 1676].

В целом, комплекс чернолаковой керамики из колодца в помещении 11 представляет собой засыпь начала III – первой половины II в. до н. э. с единичными экземплярами конца II – начала I в. до н. э. Репертуар форм характерен для северопричерноморских памятников этого времени, однако в нем присутствуют и довольно редкие сосуды с росписью в стиле West Slope Ware. При этом в комплексе абсолютно преобладают сосуды малоазийского производства, в то время как продукция аттических мастерских представлена лишь несколькими фрагментами канфаров и мисок начала – первой половины III в. до н. э. Это вполне согласуется с неоднократно высказанным тезисом о сокращении в середине III в. до н. э. аттического импорта в Северное Причерноморье и переориентации региона на продукцию малоазийских и островных центров [11, с. 82; 14, с. 194]. В то же время ее активное проникновение на местные рынки начинается еще в первой половине столетия [28, с. 46].

В заключение можно отметить, что в условиях отсутствия других датирующих материалов (монет, клейм, расписных сосудов и т. д.) именно чернолаковая керамика зачастую становится единственным инструментом для датирования того или иного комплекса или слоя. Особенно актуально это для памятников Херсонесского городища, где в результате многочисленных перестроек слои античного времени сохранились лишь фрагментарно. Так, анализ даже выборочно сохранившихся комплексов из раскопок Р. Х. Лепера в Северо-Восточном районе Херсонеса позволил выделить группу ранних материалов, еще раз подтверждающих гипотезу об основании Херсонеса во второй четверти V в. до н. э. [4, с. 33–35], а также уточнить хронологию строительных периодов в этой части города. Наконец, выделение продукции различных производственных центров делает чернолаковую керамику ценным источником, в том числе и для изучения торговых связей Херсонеса в античную эпоху.

Список использованных источников и литературы

1. Белов Г. Д. Некрополь Херсонеса эллинистической эпохи / Г. Д. Белов // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Л., 1978. – Вып. 19. – С. 45–66.
Belov G. D. Nekropol' Khersonesa ellinisticheskoi epohi / G. D. Belov // Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha. – L., 1978. – Вып. 19. – С. 45–66.
2. Белов Г. Д. Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.) / Г. Д. Белов, С. Ф. Стржеleckий // МИА. – М. – Л., 1953. – Вып. 34. – С. 32–108.
Belov G. D. Kvartaly XV i XVI (raskopki 1937 g.) / G. D. Belov, S. F. Strzheleckii // MIA. – M.-L., 1953. – Вып. 34. – С. 32–108.
3. Божкова А. West Slope керамика от България / А. Божкова // Археология. – София, 2012. – № 2. – С. 27–41.

- Bozhkova A. West Slope keramika ot Bolgariya / A. Bozhkova // *Arkheologiya*. – Sofiya, 2012. – № 2. – S. 27–41.
4. Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса в античную эпоху / А. В. Буйских // МАИЭТ. Suppl. – Симферополь, 2008. – Вып. 5. – 424 с.
- Buiskikh A. V. Prostranstvennoe razvitie Khersonesa v antichnuyu epokhu / A. V. Buiskikh // МАИЭТ. Supplementum. – Simferopol', 2008. – Вып. 5. – 424 с.
5. Буйских А. В. Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации) / А. В. Буйских. – Киев, 2013. – 456 с.
- Buiskikh A. V. Arkhaicheskaya raspisnaya keramika iz Ol'vii (vostochnogrecheskaya, lakonskaya, korinfskaya, imitacii) / A. V. Buiskikh. – Kiev, 2013. – 456 с.
6. Вдовиченко И. И. Коллекция расписных ваз из раскопок Р. Х. Лепера в собрании Национального заповедника «Херсонес Таврический» / И. И. Вдовиченко, Г. И. Жесткова // Херсонесский сборник. – Севастополь, 2006. – Вып. 15. – С. 59–82.
- Vdovichenko I. I. Kolleksiya raspisnykh vaz iz raskopok R. H. Lepera v sobranii Natsional'nogo zapovednika «Khersones Tavricheskiy» / I. I. Vdovichenko, G. I. Zhestkova // *Khersonesskiy sbornik*. – Sevastopol', 2006. – Вып. 15. – С. 59–82.
7. Вдовиченко И. И. Античная расписная керамика с хоры Херсонеса Таврического / И. И. Вдовиченко, Г. М. Николаенко // Херсонесский сборник. – Севастополь, 2011. – Вып. 16. – С. 41–56.
- Vdovichenko I. I. Antichnaya raspisnaya keramika s khory Khersonesa Tavricheskogo / I. I. Vdovichenko, G. M. Nikolaenko // *Khersonesskiy sbornik*. – Sevastopol', 2011. – Вып. 16. – С. 41–56.
8. Гриневич К. Э. Северо-Восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р. Х. Лепера / К. Э. Гриневич // Херсонесский сборник. – Севастополь: Издание государственного Херсонесского музея, 1930. – Вып. 3. – С. 5–140.
- Grinevich K. E. Severo-Vostochnye kvartaly Khersonesa Tavricheskogo po dannym raskopok R. H. Lepera / K. E. Grinevich // *Khersonesskiy sbornik*. – Sevastopol', 1930. – Вып. 3. – С. 5–140.
9. Дашевская О. Д. Некрополь Беляуса / О. Д. Дашевская. – Симферополь, 2014. – 284 с.
- Dashevskaya O. D. Nekropol' Belyausa / O. D. Dashevskaya. – Simferopol', 2014. – 284 с.
10. Егорова Т. В. Чернолаковая керамика середины III – третьей четверти II в. до н. э. из греческих слоев городища «Чайка» / Т. В. Егорова // Материалы исследования городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. – М., 2007. – С. 313–336.
- Egorova T. V. Chernolakovaya keramika serediny III – tret'ey chetverti II v. do n. e. iz grecheskikh sloev gorodishcha «Chaika» / T. V. Egorova // *Materialy issledovaniya gorodishcha «Chaika» v Severo-Zapadnom Krymu*. – M., 2007. – С. 313–336.
11. Егорова Т. В. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма / Т. В. Егорова. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2009. – 256 с.
- Egorova T. V. Chernolakovaya keramika IV – II vv. do n. e. s pamyatnikov Severo-Zapadnogo Kryma / T. V. Egorova. – M.: MGU im. M. V. Lomonosova, 2009. – 256 с.
12. Егорова Т. В. Античная чернолаковая керамика из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина / Т. В. Егорова. – М., 2017. – 203 с.
- Egorova T. V. Antichnaya chernolakovaya keramika iz sobraniya GMII im. A. S. Pushkina / T. V. Egorova. – M., 2017. – 203 с.
13. Егорова Т. В. К вопросу о датировке S-видных эллинистических канфаров / Т. В. Егорова // Античные реликвии Херсонеса: Открытия, находки, теории. Материалы международной научной конференции, Севастополь, 10–12 октября 2017 г. – Севастополь, 2017. – С. 73–78.
- Egorova T. V. K voprosu o datirovke S-vidnykh ellinisticheskikh kanfarov / T. V. Egorova // *Antichnye relikvii Khersonesa: Otkrytiya, nahodki, teorii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Sevastopol', 10–12 oktyabrya 2017 g.* – Sevastopol', 2017. – С. 73–78.
14. Журавлев Д. В. Пергамская эллинистическая столовая посуда в Северном Причерноморье (краткий обзор) / Д. В. Журавлев // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2015. – № 1. – С. 190–216.
- Zhuravlev D. V. Pergamskaya ellinisticheskaya stolovaya posuda v Severnom Prichernomor'e (kratkii obzor) / D. V. Zhuravlev // *PIFK*. – M.; Magnitogorsk, 2015. – № 1. – С. 190–216.

15. Журавлев Д. В. Комплексы с ювелирными изделиями из херсонесского некрополя. Часть 1. Материалы раскопок Р. Х. Лепера в 1909–1910 гг. / Д. В. Журавлев, Д. А. Костромичев. – М., 2017. – 184 с.
- Zhuravlev D. V. Kompleksy s yuvelirnymi izdeliyami iz khersonesskogo nekropolya. Chast' 1. Materialy raskopok R. H. Lepera v 1909–1910 gg. / D. V. Zhuravlev, D. A. Kostromichev. – М., 2017. – 184 s.
16. Зедгенидзе А. А. О времени основания Херсонеса Таврического / А. А. Зедгенидзе // КСИА. – М., 1979. – Вып. 159. – С. 26–34.
- Zedgenidze A. A. O vremeni osnovaniya Khersonesa Tavricheskogo / A. A. Zedgenidze // KSIA. – М., 1979. – Вып. 159. – С. 26–34.
17. Золотарев М. И. Об одном типе полусферических чаш эллинистического времени / М. И. Золотарев // Боспорские исследования. – Симферополь; Керчь, 2005. – Вып. 8. – С. 54–60.
- Zolotarev M. I. Ob odnom tipe polusfericheskikh chash ellinisticheskogo vremeni / M. I. Zolotarev // Bosporskie issledovaniya. – Simferopol'; Kerch', 2005. – Вып. 8. – С. 54–60.
18. Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. / В. М. Зубарь. – Киев, 1982. – 146 с.
- Zubar' V. M. Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo I–IV vv. n. e. / V. M. Zubar'. – Kiev, 1982. – 146 s.
19. Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) / В. И. Кац // Боспорские исследования. – Симферополь; Керчь, 2007. – Вып. 18. – 480 с.
- Kats V. I. Grecheskie keramicheskie kleyma epohi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya) / V. I. Kats // Bosporskie issledovaniya. – Simferopol'; Kerch', 2007. – Вып. 18. – 480 s.
20. Кутайсов В. А. Восточные ворота Калос Лимена / В. А. Кутайсов, В. Б. Уженцев // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Сборник научных трудов. – Киев, 1994. – С. 44–70.
- Kutaisov V. A. Vostochnye vorota Kalos Limena / V. A. Kutaisov, V. B. Uzhentcev // Severo-Zapadnyy Krym v antichnyuyu epokhu. Sbornik nauchnykh trudov. – Kiev, 1994. – С. 44–70.
21. Лепер Р. Х. Дневник (полный) раскопок Городища Херсонеса за 1908–12 гг. / Р. Х. Лепер // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 425. – 110 л.
- Leper R. H. Dnevnik (polnyy) raskopok Gorodishcha Khersonesa za 1908–12 gg. / R. H. Leper // NA GMZHT. F.1. D.425. – 110 l.
22. Масленников А. А. Чернолаковая керамика с поселений «царской» хоры европейского Боспора / А. А. Масленников // Древности Боспора. Supplementum III. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 2. Индивидуальные находки и массовый археологический материал. – М., 2012. – 244 с.
- Maslennikov A. A. Chernolakovaya keramika s poseleniy «carskoy» khory evropeyskogo Bospora / A. A. Maslennikov // Drevnosti Bospora. Supplementum III. Tsarskaya khora Bospora (po materialam raskopok v Krymskom Priazov'e). T. 2. Individual'nye nahodki i massovyyi arkhologicheskii material. – М., 2012. – 244 s.
23. Николаенко Г. М. Херсонесская сельская усадьба древнего земельного участка № 193 (ст. 132) на Гераклеяском полуострове / Г. М. Николаенко, Т. И. Бажанова // Херсонесский сборник. – Севастополь, 2014. – Вып. 18. – С. 117–158.
- Nikolaenko G. M. Khersonesskaya sel'skaya usad'ba drevnego zemel'nogo uchastka № 193 (st. 132) na Gerakleyskom poluostrove / G. M. Nikolaenko, T. I. Bazhanova // Khersonesskiy sbornik. – Sevastopol', 2014. – Вып. 18. – С. 117–158.
24. Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени / М. Парович-Пешикан. – Киев, 1974. – 219 с.
- Parovich-Peshikan M. Nekropol' Ol'vii ellinisticheskogo vremeni / M. Parovich-Peshikan. – Kiev, 1974. – 219 s.
25. Попова Е. А., Коваленко С. А. Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму (по материалам Чайкинского городища) / Е. А. Попова, С. А. Коваленко. – М., 2005. – 283 с.
- Popova E. A., Kovalenko S. A. Istoriko-arheologicheskie ocherki grecheskoy i pozdneskifskoy kul'tur v Severo-Zapadnom Krymu (po materialam Chaykinskogo gorodishcha) / E. A. Popova, S. A. Kovalenko. – М., 2005. – 283 s.

26. Рогов Е. Я. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I / Е. Я. Рогов, И. В. Тункина // Археологические вести. – СПб., 1998. – Вып. 5. – С. 159–175.
Rogov E. Ya. Raspisnaya i chernolakovaya keramika iz nekropolya Panskoe I / E. Ya. Rogov, I. V. Tunkina // Arkheologicheskie vesti. – SPb., 1998. – Vyp. 5. – S. 159–175.
27. Стоянов Р. В. Некрополь Херсонеса Таврического V–I вв. до н. э. / Р. В. Стоянов // Дисс. канд. исторических наук. – СПб., 2004. – 315 с.
Stoyanov R. V. Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo V–I vv. do n. e. / R. V. Stoyanov // Diss. kand. istoricheskikh nauk. – SPb., 2004. – 315 s.
28. Стоянов Р. В. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Херсонеса Таврического V–I вв. до н. э. / Р. В. Стоянов // Боспорские исследования. – Симферополь; Керчь, 2005. – Вып. 8. – С. 39–53.
Stoyanov R. V. Raspisnaya i chernolakovaya keramika iz nekropolya Khersonesa Tavricheskogo V–I vv. do n. e. / R. V. Stoyanov // Bosporskie issledovaniya. – Simferopol'; Kerch', 2005. – Vyp. 8. – S. 39–53.
29. Стоянов Р. В. Комплекс керамики второй четверти IV – середины III в. до н. э. из Северо-Восточного района Херсонеса Таврического / Р. В. Стоянов // Hyperboreus. – СПб., 2007. – Vol. 13. Fasc. 1–2. – P. 245–282.
Stoyanov R. V. Kompleks keramiki vtoroy chetverti IV – serediny III v. do n. e. iz Severo-Vostochnogo raiona Khersonesa Tavricheskogo / R. V. Stoyanov // Hyperboreus. – SPb., 2007. – Vol. 13. Fasc. 1–2. – P. 245–282.
30. Aleksandropoulou A. Gnathia- und Westabhangkeramik. Eine vergleichende Betrachtung / A. Aleksandropoulou. – Münster, 2002. – 233 S.
31. Behr D. Neue Ergebnisse zur pergamenischen Westabhangkeramik / D. Behr // Istanbuler Mitteilungen. – Deutsches Archäologisches Institut, 1988. – № 38. – S. 97–176.
32. Gassner V. Das Südtor der Tetragonos-Agora: Keramik und Kleinfunde / V. Gassner // Forschungen in Ephesos. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1997. – Bd. 13/1/1. – 265 S.
33. Egorova T. Hellenistic Black Glazed Pottery from Panticapaeum / T. Egorova // Traditions and Innovations. Tracking the Development of Pottery from the Late Classical to the Early Imperial Periods. Proceedings of the 1st Conference of IARPotHP, Berlin, November 2013, 7th–10th / S. Japp and P. Kögler (eds.). – Wien, 2016. – P. 517–528.
34. Handberg S. Glossed Pottery / S. Handberg, J. H. Petersen, c. G. Bilde, L. M. H. Bjerg, T. Samojlova // The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th century BC to the 4th century AD. / N. A. Lejpunskaja, c. Guldager Bilde, J. M. Højte, V. V. Krapivina, S. D. Kryžickij (eds.). – Aarhus, 2010. – P. 185–260.
35. Hannestad L. Black-glazed, Red-figure, and Gray Ware Pottery / L. Hannestad, V. F. Stolba, H. B. Hastrup // Panskoe I. The monumental building U6. / L. Hannestad, V. F. Stolba, A. N. Ščeglov (eds.). – Aarhus, 2002. – P. 127–149.
36. Hayes J. W. Greek and Italian Black-Gloss Wares and Related Wares in the Royal Ontario Museum: A Catalogue / J. W. Hayes. – Toronto, 1984. – 204 p.
37. Kašaeв S. V. Commonware / S. V. Kašaeв // Panskoe I. The monumental building U6. – Aarhus, 2002. – P. 150–179.
38. Metzger I. R. Die Keramik aus der Zerstörungsschicht des Mosaikenhauses in Eretria / I. R. Metzger // Β'Επιστημονικής Συνάντησης για την Ελληνιστική Κεραμεική. Χρονολογικά προβλήματα της ελληνιστικής κεραμικής. – Athena, 1990. – S. 44–48.
39. Mitsopoulos-Leon V. Die Basilika am Staatsmarkt in Ephesos. Kleinfunde. 1. Teil: Keramik hellenistischer und römischer Zeit / V. Mitsopoulos-Leon. – Vienna, 1991. – Bd. 9/2/2. – 160 S.
40. Młynarczyk J. Pottery from the Hellenistic Cistern at Sha'ar ha-Amakim / J. Młynarczyk // Ε'Επιστημονικής Συνάντησης για την Ελληνιστική Κεραμεική. Χρονολογικά προβλήματα της ελληνιστικής κεραμικής. – Athena, 2000. – P. 225–235.
41. Özyiğit Ö. Ceramiques hellenistiques d'après les fouilles de Pergame/Kestel / Ö. Özyiğit // Β'Επιστημονικής Συνάντησης για την Ελληνιστική Κεραμεική. Χρονολογικά προβλήματα της ελληνιστικής κεραμικής. – Athena, 1990. – P. 94–97.
42. Patsiada V. Κεραμεική του τύπου της Δυτικής Κλιτύος από τη Ρόδο / V. Patsiada // ArchDelt 38. Α'. – 1990. – P. 105–210.

43. Radt W. Sondagen im Fundament des Grossen Altars / W. Radt, G. de Luca // *Pergamenische Forschungen*. – Berlin; New York, 1999. – Bd. 12. – 128 S.
44. Rotroff S. I. Spool Saltcellars in the Athenian Agora / S. I. Rotroff // *Hesperia*. – Princeton; New Jersey: The American school of classical studies at Athens, 1984. – Vol. 53. № 3. – P. 343–355.
45. Rotroff S. I. Attic West Slope Vase Painting / S. I. Rotroff // *Hesperia*. – Princeton; New Jersey: The American school of classical studies at Athens, 1991. – Vol. 60. № 1. – P. 172–186.
46. Rotroff S. I. Hellenistic pottery. Athenian and imported wheelmade table ware and related material / S. I. Rotroff // *The Athenian Agora*. – Princeton; New Jersey: The American school of classical studies at Athens, 1997. – Vol. 29. – 612 p.
47. Rotroff S. I. West Slope in the East / S. I. Rotroff // F. Blondé et al. (eds.). *Céramiques hellénistiques et romaines. Productions et diffusion en Méditerranée orientale (Chypre, Égypte et côte syro-palestinienne)*. – Lyon, 2002. – P. 97–116.
48. Rotroff S. I. Debris from a Public Dining Place in the Athenian Agora / S. I. Rotroff, J. H. Oakley // *Hesperia*. – Princeton; New Jersey: The American school of classical studies at Athens, 1992. – Suppl. 25. – 154 p.
49. Rotroff S. I. The Hellenistic Pottery from Sardis: The Finds through 1994 / S. I. Rotroff, A. Jr. Oliver. – Cambridge, 2003. – 230 p.
50. Schäfer J. Hellenistische Keramik aus Pergamon / J. Schäfer // *Pergamenische Forschungen*. – Berlin, 1968. – Bd. 12. – 161 S.
51. Schmid S. G. A group of early Hellenistic pottery from a well in Eretria / S. G. Schmid // *Επιστημονικής Συναντησης για την Ελληνιστική Κεραμική. Χρονολογικά προβλήματα της ελληνιστικής κεραμικής*. – Athena, 2000. – P. 361–372.
52. *Silloge Nummorum Graecorum (SNG)*. Vol. 9. P. 1. – London, 1993. – 131 p.
53. Sparkes B. A. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, and 4th centuries BC. / B. A. Sparkes, L. Talcott // *The Athenian Agora*. – Princeton; New Jersey: The American school of classical studies at Athens, 1970. – Vol. 12. – 382 p.
54. Vogeikoff-Brogan N. Late Hellenistic Pottery in Athens: A New Deposit and Further Thoughts on the Association of Pottery and Social Change / N. Vogeikoff-Brogan // *Hesperia*. – Princeton; New Jersey: The American school of classical studies at Athens, 2000. – Vol. 69. № 3. – P. 293–333.
55. Zolotarev M. I. A Hellenistic Ceramic Deposit from the North-eastern Sector of Chersonesos / M. I. Zolotarev // *Chronologies of the Black Sea Area in the Period ca. 400-100 BC*. / V. Stolba, L. Hannestad (eds.). – Aarhus, 2005. – P. 193–216.

Ushakova K. S. Black Glazed ware from the excavations of R. G. Loeper in the North-Eastern area of Chersonese

The article is devoted to the analysis of the Black Glazed ware from the Late Classical and Hellenistic archaeological assemblages investigated by R. G. Loeper in the North-Eastern area of Chersonese. The group of Attic vessels dating to the 475–425 BC and belonging to the earliest period of the polis existence was allocated. The assemblages of Hellenistic period contained the Attic imports dating to the 325–290 BC, as well as the products of various Asia Minor and, possibly, Aegean centers of ca. 300–150 BC with single specimens of 110–90 BC.

Keywords: Black Glazed ware, Late Classical and Hellenistic assemblages, Tauric Chersonese, R. G. Loeper, Attica, Asia Minor.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Безугольный
Алексей Юрьевич** кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (Москва, Российская Федерация).
- Бершов
Владимир
Николаевич** аспирант кафедры новой и новейшей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Близняков
Роман
Александрович** кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Борщик
Наталья Дмитриевна** доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и архивоведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Внуков
Сергей Юрьевич** доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела классической археологии РАН, начальник Крымской новостроечной экспедиции Института археологии РАН (г. Москва, Российская Федерация).
- Гомон
Константин
Андреевич** соискатель Санкт-Петербургского государственного университета авиационного приборостроения (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).
- Малышев
Дмитрий Аркадьевич** кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Могаричев
Константин Юрьевич** аспирант кафедры новой и новейшей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Назаров
Андрей Дмитриевич** аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Российская Федерация).

- Петрова
Элеонора Борисовна** доктор исторических наук, профессор, кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Ушакова
Ксения
Станиславовна** научный сотрудник Отдела античной истории ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник “Херсонес Таврический”» (Российская Федерация), аспирант Отдела классической археологии Института археологии РАН (г. Севастополь; г. Москва, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Безугольный А. Ю.

Военная история Украины XX века в современной украинской историографии (1990–2010-е гг.)..... 3

Бершов В. Н.

Политико-экономические интересы Антанты в контексте соглашения Сайкса – Пико 16

Близняков Р. А., Малышев Д. А.

Суэцкий кризис 1956 года в свете британского присутствия на Ближнем Востоке 26

Борщик Н. Д.

История подготовки второй Всероссийской переписи подданных Российской империи 1915 г. в Таврической губернии..... 41

Внуков С. Ю.

Позднескифские «землянки» городища Кара-Тобе..... 51

Гомон К. А.

Взятие Баку Кавказской армией Ислама и азербайджано-турецкие отношения осенью 1918 г. 74

Могаричев К. Ю.

К вопросу о проектах еврейской автономии в Крыму в 1920–1940 гг. XX в.: историографический аспект 85

Назаров А. Д.

Готская война 535–554 гг. и кризис идентичности варварского сообщества: германские перебежчики и военнопленные в Византии.. 99

СОДЕРЖАНИЕ

Петрова Э. Б.

Крым в описании и на фотографиях французского путешественника
Жозефа де Бая (1905 г.). Часть 3: Симферополь,
Бахчисарай, Евпатория, Севастополь..... 108

Ушакова К. С.

Чернолаковая керамика из раскопок Р. Х. Лепера
в Северо-Восточном районе Херсонеса Таврического..... 148

Сведения об авторах 166